

ISSN 2311-5793

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

Социально-гуманитарные науки

- История
- Социальная философия
- Философия культуры и культурология
- Философия религии и религиоведение
- Социальные и политические процессы
- Педагогика и образование

Выпуск № 2 (10), 2016 г.

УДК 009
ББК 87

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор – Радугин А. А., засл. деятель науки РФ, д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Зам. главного редактора – Перевозчикова Л. С., д-р философ. наук, доц. (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Афонин Э. А., д-р соц. наук, проф. (г. Киев)
Бубнов Ю. А., д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Ильин М. В., д-р полит. наук, проф. (г. Москва)
Коростылева Н. Н., д-р соц. наук, проф. (г. Москва)
Ледяев В.Г., д-р философ. наук, проф. (г. Москва)
Моисеев В. И., д-р философ. наук, проф. (г. Москва)
Скрипникова Н. Н., д-р филол. наук, проф. (г. Воронеж)
Черников М. В., д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Чупров В. И., д-р соц. наук, проф. (г. Москва)
Ярецкий Ю. Л., д-р истор. наук, проф. (г. Воронеж)
Delwyn L. Harnisch, Professor & Fulbright Scholar University of Nebraska Lincoln College of Education and Human Sciences (Lincoln)

Отв. секретарь – Погорельский А. В., канд. истор. наук, доц. (г. Воронеж)

В серии «Социально-гуманитарные науки» Научного Вестника опубликованы результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, социальной философии, философии культуры и культурологии, философии религии и религиоведению, социологии, политологии, педагогики, образования и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна тем, кто занимается изучением социально-гуманитарных наук.

Статьи печатаются в авторской редакции

Адрес редакции:
394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.
Каб. 5302, тел. (4732) 71-50-04

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Ашмаров И. А. О военной экономике СССР 1941-1945 в работах советских и современных исследователей.....	7
Волкова Е.А. Историческая связь России и Крыма в контексте современного политического развития.....	18
Власова Ю. В. Политика России в деле урегулирования сербо-турецкого конфликта 1876 г.....	25
Демидов С. Р. Трудовой вклад в победу сельской молодежи Воронежской области (1943 -1945 гг.).....	33
Замерина О. С. Влияние татаро-монгольского ига на культурную и духовную жизнь Руси.....	37
Ипатов А. М. Русские в иностранном легионе в 1920-1945 гг.....	42
Кирчанов М. В. Теоретические проблемы изучения грузинской “PATRONQMOBA” как картвельской формы феодализма.....	47
Маслихова Л. И. Основные подходы морфологического анализа керамики катакомбной культурно-исторической общности.....	57
Надточий З. Ю. Политическая ошибка династии Романовых.....	63
Строков А. А. , Гакаева Т. М. Обувные наборы гуннской эпохи с территории Таманского полуострова.....	69

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Зуева Н. А. Эмиль Сиоран – философ сомнения.....	79
Коршунова С. А. Субкультура детства: история возникновения и развития.....	87
Платонова Э. Н., Садовая И. И. Этические принципы в научной работе и работе научно-исследовательских организаций.....	94
Радугина О. А. Проблема секуляризации российского общества XIX века в трудах А. И. Герцена и П. А. Кропоткина.....	101

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Ахромеева Ю. В. Движение «new age»: характерные черты.....	105
Бочарова И. М. Философ из народа» – С. Л. Франк (религиозно-философские взгляды).....	111
Перевозчикова Л. С., Черников М. В., Феррони В. В. Ментальные миры христианства.....	116

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Болдырихин А. А. Инвестиционная привлекательность российской экономики для зарубежного бизнеса на современном этапе.....	124
Булавина С. В., Попова У. А. Информационно-аналитическая деятельность как важнейшая часть процесса государственного управления.....	127
Бадалова Е. В. Трудности интеграции российских немцев и пути их преодоления.....	131

Волкова Е. А. Российское общество и государство в романе Ф.М.Достоевского «Идиот».....	138
Кирчанов М. В. Политические и социо-культурные исследования Индонезии в американской историографии начала 1970-х годов.....	145
Морозова В. Н., Дмитриева С. И. Социальное государство в Германии: крах, разрыв или траектория адаптации?.....	154
Погорельский А. В. Особенности политики Великобритании в отношении Европейского союза.....	162
Романович Н. А. Справедливость и закон в зеркале общественного мнения.....	168
Тонких В. А., Шебанова Е. О., Шевченко В. Н. Россия – Евросоюз: от кризиса к стабильности и прогрессу.....	175

ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Замаева Е. В. Возможности использования школьного музея в организации учебно-воспитательного процесса в школе.....	182
Полянин А. Р., Коротун С. Н. Применение презентации на лекциях по гуманитарным дисциплинам в высшей школе	185

CONTENTS

HISTORY

Ashmarov I. A. About the war economy of the USSR, 1941-1945, in the papers of the soviet and contemporary researchers.....	7
Volkova E. A. Historical ties of the Crimea and Russia in the context of modern political development.....	18
Vlasova Y. V. Russian policy in the settlement Serbo-turkish conflict in 1876 r.....	25
Demidov S. R. Labor contribution to the victory of rural youth voronezh region (1943 -1945).....	33
Zamerina O. S. Influence tatar-mongol yoke on the cultural and spiritual life of Russia.....	37
Ipatov A. M. The russians in the foreign legion in 1920-1945.....	42
Kirchanov M. W. Theoretical problems of georgian “patronomoba” as kartvelian form of feudalism.....	47
Maslikhova L. I. Main approaches of morphological analysis catacomb cultural ceramics.....	57
Nadtochii Z. Y. Political mistakes of the Romanov dynasty.....	63
Strokov A. A., Gakaeva T. M. Footwear sets of hun age from taman’ peninsula.....	69

SOCIAL PHILOSOPHY

Zueva N. A. Emil Cioran – the philosopher of doubt.....	79
Korshunova S.A. The subculture of childhood: the history of the emergence and development.....	87
Platonova E. N., Sadovaya I. I. Ethical principles in scientific papers and in the research organizations.....	94
Radugina O. A. The problem of secularization of the russian society of the XIX century in the works of A. Herzen and P. Kropotkin.....	101

PHILOSOPHY AND SCIENCE OF RELIGION

Akhromeeva J. V. The «new age» movement: main features.....	105
Bocharova I. M. S. L. Frank as the "philosopher of the people"(religious and philosophical views).....	111
Perevozchikova L. S., Chernikov M. V., Ferroni V. V. Mental worlds of Christianity....	116

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Boldyrihin A. A. Investment attractiveness of russian economy to foreign business today.....	124
Bulavina S. V., Popova U. A. Information-analytical activity as an important part of the process of governance.....	127
Badalova E. V. The difficulties of integrating russian germans and ways to overcome them.....	131
Volkova E. A. Russian society and state in the novel F.M. Dostoevsky "The Idiot".....	138
Kirchanov M. W. Political and socio-cultural studies of Indonesia in American historiography in the early 1970s.....	145

Morozova V. N., Dmitrieva S. I. Welfare state in Germany: crash, breakdown or adoption path?.....	154
Pogorelsky A. V. Feature's policy of Great Britain in respect to the European Union.....	162
Romanovich N. A. Justice and law in the mirror of public opinion	168
Tonkikh V. A., Shebanova E. O., Shevchenko V. N. Russia-Eurounion: from crisis to stability and progress.....	175

PEDAGOGY AND EDUCATION

Zamaeva E. V. Possibility of using school museum in the organisation of educational process at school.....	182
Poljanin A. R., Korotun S. N. Application of presentation at lectures on humanitarian disciplines in high school.....	185

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 355 48(47)

*Воронежский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Кандидат экономических наук, доцент кафедры государственной и муниципальной службы и кадровой политики И. А. Ашмаров
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 241-91-79;
e-mail: dobrinka75@mail.ru*

*Voronezh Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
PhD in Economics, Associate Professor of State and Municipal Service and Personnel Policy Chair
I. A. Ashmarov
Russia, Voronezh, tel. (473) 241-91-79;
e-mail: dobrinka75@mail.ru*

И. А. Ашмаров

О ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ СССР 1941-1945 В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В статье даётся сравнительный анализ некоторых основных научных трудов, посвящённых военной экономике СССР 1941 – 1945 гг. В статье также уделяется внимание наиболее значимым, так сказать, “узловым” проблемам отечественной историографии в указанной области научных исследований.

Ключевые слова: военная экономика в отечественной историографии, “цена победы” и другие проблемы современной отечественной историографии Великой Отечественной войны.

I. A. Ashmarov

ABOUT THE WAR ECONOMY OF THE USSR, 1941-1945, IN THE PAPERS OF THE SOVIET AND CONTEMPORARY RESEARCHERS

The article provides a comparative analysis of some fundamental scientific papers devoted to the war economy of the USSR in 1941 - 1945. The article also focuses on the most important, so to speak, "hub" problems of Russian historiography in this area of research.

Key words: war economy in the national historiography, the "price of victory" and other problems of modern Russian historiography of the Great Patriotic War.

Если взять для анализа темы, посвящённой военной экономике СССР, несколько основных, может быть, фундаментальных научных работ, то, прежде всего, следует отметить и рассмотреть научные труды двух современников - профессиональных экономистов, работников Госплана СССР. Этими выдающимися современниками были: *Николай Алексеевич Вознесенский* (1903 - 1950), советский политический и государственный деятель, экономист, доктор экономических наук (1935), академик АН СССР по Отделению экономики и права (1943) и *Яков Ермолаевич Чадаев* (1904 - 1985), советский государственный деятель, экономист, доктор экономических наук (1972).

Мы хотим здесь ответить на следующий вопрос, выражают ли эти две книги и два автора один и тот же подход (одну и ту же мысль) либо они демонстрируют различные подходы к проблематике военной экономики СССР. Что касается структуры обеих книг, то оба автора начинают своё повествование с характеристики “экономики СССР накануне Отечественной войны” (Н.А. Вознесенский) и описания процесса “создания прочной экономической базы СССР за годы мирного строительства” (Я.Е. Чадаев).

Так, Н.А. Вознесенский рассматривает “основы военной экономики СССР”, которые он понимает в следующем, а именно: в господстве социалистической (то есть, по сути, государственной) собственности на средства производства, в решающей роли ВКП(б), советского правительства и Сталина, определивших программу перехода мирной социалистической экономики “на рельсы военной социалистической экономики”. На самом деле никакой заранее подготовленной программы перехода не существовало, и это описывают как современники, так и более поздние исследователи.

Заслугой Н.А. Вознесенского является то, что он постоянно проводит сравнительный анализ по различным направлениям. Он сравнивает состояние предвоенной экономики 1913 года и 1940 года, делая вывод, что “за годы социалистической революции далеко шагнуло вперёд народное хозяйство СССР”, с чем трудно не согласиться. Основные изменения он связывает с ростом производительных сил, изменением производственных отношений и социальной структуры общества, новой расстановкой классов, ростом кадров социалистической интеллигенции и т.п.

Н.А. Вознесенский также сопоставляет устройство военных экономик СССР и США. И это сравнение, на наш взгляд, практически близко по своему духу к сравнению с экономикой фашистской Германии. Вознесенский отмечает господствующее положение в военной экономике США капиталистических монополий и финансового капитала на основе процессов концентрации и централизации производства и капитала. Монополии – “всевластные хозяева военной экономики Соединенных Штатов Америки” (“30 сверхкрупных капиталистов-монополистов получили 49% всех военных заказов”). То же самое было и в фашистской Германии, чьи монополии сконцентрировали в своих руках всю хозяйственную и политическую власть в стране. Напрашивается вывод, который в своё время сделала ещё советская историческая наука, что именно монополии и Гитлер были виновниками в развязывании второй мировой войны.

Н.А. Вознесенский прямо противопоставляет военные экономики СССР и США, основанные на различных устоях, как в идеологии, так и в собственности, в одном случае – государственной, в другом случае – частной и монополистической. Вероятно, что это противопоставление отчасти было вызвано и идеологическими причинами начального периода разгоравшейся холодной войны.

“В СССР движущей силой военной экономики является социалистическое государство, опирающееся на морально-политическое единство и патриотизм народов Советского Союза. В Соединённых Штатах Америки движущей силой военной экономики являются капиталистические монополии, для которых война - чрезвычайно доходная статья и способ завоевания мировых рынков” [1]. Вознесенский указывает на духовный (моральный) фактор, заменяя им экономический, в то время как для США он называет приоритетным экономический фактор развития военной экономики. Роль духовного фактора проявлялась повсеместно. Например, в том, что уже за первые месяцы войны исключительно благодаря волевым усилиям простых рабочих людей в СССР было выпущено на 13 тыс. самолётов больше, чем у немцев (см. рис. 1) [2].

Мы считаем, что государственную собственность на средства производства вполне можно рассматривать в качестве движущей силы военной экономики СССР. Получается, что в СССР само государство выступает в роли единственного и исключительного монополиста в лице хозяйственных органов власти и администраций, которые распоряжались ресурсами государственных предприятий. Вообще монополизация хозяйственной жизни является универсальной тенденцией как для мирной, так и для военной экономики (и даже в ещё большей, многократно большей степени, чем это характерно для мирного периода времени) на протяжении всего двадцатого столетия, когда развивались индустриализационные процессы во многих странах мира.

Рис. 1. Графическое представление некоторых данных из табл. 2 за 1941 год [5].

Н.А. Вознесенский делает два важных, по нашему мнению, вывода. Первый вывод заключается в следующем. Концентрация всех имеющихся в народном хозяйстве СССР ресурсов на базе единой государственной собственности послужила экономической основой военного хозяйства СССР. "...Экономической основой военного хозяйства СССР является господство социалистической собственности на средства производства, которое обеспечило сосредоточение всех материальных сил народного хозяйства СССР для победоносного ведения Отечественной войны" [1].

Второй вывод состоит в том, что подъём военного хозяйства в СССР вызвали всеобщая милитаризация экономики и налаживание экономической базы в восточных районах страны. "Перестройка народного хозяйства на рельсы военной экономики, перемещение производительных сил и восстановление их в восточных районах подготовили всеобщий подъём военного хозяйства СССР" [1].

Вообще сам факт наличия у СССР большой территории, а именно Сибири, богатой ресурсами, на которой можно было строить заводы и выпускать военную продукцию, позволил СССР собраться с силами и победить в этой войне, в которой многие страны проиграли, в том числе в силу своих незначительных территорий и большой мощи военного удара врага. Кроме того, выдающуюся роль сыграло всеобщее народное сопротивление оккупантам.

Н.А. Вознесенский посвящает отдельные главы самым важным экономическим процессам военной экономики: перестройке народного хозяйства, расширенному воспроизводству, восстановлению хозяйства в ходе войны. После такой динамической (стратегической) характеристики советской экономики Вознесенский останавливается, чтобы дать более статическую картину ситуации, сложившейся в народном хозяйстве страны в течение войны. Он описывает сложившийся в экономике баланс народного хозяйства и состояние основных и оборотных фондов, рабочей силы, даёт характеристику основных отраслей народного хозяйства в годы войны: промышленности и военного производства, сельского хозяйства и производства продовольствия, транспорта и организации перевозок, организации труда и заработной платы, товарооборота и цен. Автор анализирует состояние бюджетного сектора страны и государственного планирования производства. Особое внимание уделено проблеме издержек и потерь народного хозяйства СССР, а также причинам "экономической победы социализма".

Как справедливо отмечает Н.А. Вознесенский, "в балансе военного хозяйства СССР в период военной экономики некоторую роль играли также импортные ресурсы". "Увеличение импорта товаров (преимущественно сырья и материалов) произошло за счёт поставок

союзников СССР в войне против Германии и Японии” [1]. По мнению Вознесенского, они составили всего лишь около 4% от общего объема производства промышленной продукции на предприятиях СССР. Последний параграф его работы посвящён послевоенной социалистической экономике и послевоенной перестройке хозяйства, восстановлению разрушенного в ходе войны хозяйства и необходимости осуществления “генеральной хозяйственной задачи - догнать и перегнать в экономическом отношении главные капиталистические страны” [1].

Таким образом, мы видим здесь комплексный концептуальный подход к изложению темы военной экономики СССР, сопровождаемый сравнительным анализом, статистикой, которые не устарели даже спустя значительное время. На наш взгляд, даже выводы о преимуществах экономического строя социализма, сегодня не утратили актуальности для нашей страны, несмотря на смену ориентиров социально-экономического развития.

У Я.Е. Чадаева мы видим “основные проблемы военной перестройки социалистической экономики” в рамках общей темы (главы) под соответствующим названием “военная перестройка народного хозяйства СССР”. Я.Е. Чадаев также использует термин “военная экономика” в своей последней, одиннадцатой по счёту, главе (“особенности развития военной экономики и источники ее могущества”). Дело здесь заключается в том, что после Вознесенского термин “военная экономика” практически очень мало или редко использовался.

Периодизация. Военная экономика СССР, пишет Я.Е. Чадаев, прошла в своем развитии два ярко выраженных этапа. Я.Е. Чадаев, по сути, идёт вслед за Вознесенским, но выделяет 1942 год, а не 1943 год, как у Вознесенского, в качестве переломного года в развитии военной экономики СССР. И таким образом, он также выделяет два основных этапа развития советской военной экономики.

Первый этап - с июня 1941 до середины 1942 г. - был “характерен тем, что в этот период осуществлялась перестройка народного хозяйства на военный лад, проводилась мобилизация наличных материально-технических ресурсов, накопленных до войны, и их перераспределение в пользу военной промышленности и других отраслей, обслуживавших военное производство и нужды армии, за счет сокращения производства гражданской продукции” [3].

С середины 1942 г. “начался второй этап развития военного хозяйства СССР, который характеризуется тем, что военные расходы во всевозрастающих масштабах стали покрываться за счет военной экономики, развивавшейся на своей собственной основе, т.е. вступили в действие и стали ведущими в развитии экономики нормальные экономические источники, при которых основой увеличения производства военной продукции явился рост сырьевых и энергетических ресурсов. На втором этапе главным источником затрат стали расширенное воспроизводство, абсолютный рост общественного продукта и национального дохода. Это было закономерностью военной экономики СССР” [3].

Я.Е. Чадаев со своей стороны отмечает, что “к концу 1942 г. удалось материально обеспечить перелом в ходе войны, который окончательно определился в 1943 г. 1943 год ознаменовался крупнейшими победами Красной Армии и стал переломным для военной экономики СССР”. В принципе ту же мысль высказывает и Вознесенский. Тем не менее, по Чадаеву, 1943 год не служит началом самостоятельного этапа в развитии военного хозяйства СССР.

Таким образом, вопрос о периодизации развития военного хозяйства, который является одним из основных вопросов темы, у обоих авторов определяется некоторыми отличиями. Критерием периодизации у обоих авторов служат источники расширенного воспроизводства для военной экономики, сначала за счёт гражданских (невоенных) отраслей экономики и перераспределения продукта в сферу военного хозяйства, а затем уже за счёт новых источников и новой промышленной базы, созданной в восточных районах страны

после нескольких волн эвакуации. Таким образом, оба автора выделяют всего два этапа (см. табл. 1).

Таблица 1.

Подходы к периодизации военной экономики СССР 1941–1945 гг.

Периодизация военной экономики СССР 1941–1945 гг.	Н.А. Вознесенский	Я.Е. Чадаев
1. Первый этап военной экономики	июнь 1941 – 1942 гг.	июнь 1941 – середина 1942 гг.
2. Второй этап военной экономики	1943 – 1945 гг.	середина 1942 –1945 гг.

У Чадаева периодизация военной экономики СССР расходится с периодизацией самой войны. Он отмечает, что «Великая Отечественная война прошла три важнейших этапа: первый период — с 22 июня 1941 по ноябрь 1942 г., второй — с ноября 1942 до конца 1943 г. и третий — с января 1944 до 9 мая 1945 г., завершившийся полной победой СССР над гитлеровской Германией» [3]. Этот взгляд на периодизацию войны сохраняется и в настоящее время, причём практически без каких-либо видимых серьёзных изменений [4].

Сразу после окончания войны “удельный вес промышленности в национальном доходе СССР временно снизился в связи с тем, что потребность в военной продукции стала уменьшаться, а выпуск более трудоемкой гражданской продукции не мог в течение одного (второго) полугодия компенсировать сокращение военного производства” [3].

Действительно, уже в 1945 году происходило видимое сокращение военного производства и, так сказать, обратная перенастройка народного хозяйства на выпуск гражданской продукции (см. табл. 2). Но тем не менее, ни один из рассматриваемых авторов 1945 год как самостоятельный этап развития военной экономики не выделяет, вероятно, в силу незначительности периода времени – всего 9 месяцев до капитуляции Японии. По мнению автора этих строк, по сути, особняком стоит 1945 год, который можно рассматривать как третий завершающий этап развития советской военной экономики, когда происходило существенное сокращение вместо наращивания производства вооружений.

Итак, сделанные нами наблюдения позволяют сделать вывод о том, что в основе исследований Вознесенского и Чадаева, которые отчасти можно рассматривать как одно являющееся продолжением другого, с некоторыми дополнениями и вариациями, находится логика самого предмета исследования, посвящённого военно-экономическому развитию СССР в период Великой Отечественной войны.

Таблица 2.

Производство важнейших видов военной продукции в СССР и в Германии в 1941-1945 гг. (тыс. штук) [5]

Год	Страна	Оружие малых калибров			Оружие больших калибров			Боевые самолеты
		Винтовки и карабины	Пистолеты-пулеметы (автоматы)	Пулеметы всех видов	Орудия всех видов и калибров	Минометы	Танки и САУ	
1941	СССР	1567,1	89,7	106,2	30,2	42,3	4,8	8,2
1942	СССР	4049,0	1506,4	356,1	127,1	230,0	24,4	21,7
1943	СССР	3436,2	2023,6	458,5	130,3	69,4	24,1	29,9
1944	СССР	2450,0	1970,8	439,1	122,4	7,1	29,0	33,2
1945	СССР	637,0	583,4	156,0	72,2	3,0	20,5	19,1
1941	Германия	1359,0	325,0	96,2	22,1	4,2	3,8	8,4

1942	Германия	1370,2	232,0	117,0	40,5	9,8	6,2	11,6
1943	Германия	2275,3	234,3	263,0	73,7	23,0	10,7	19,3
1944	Германия	2855,7	228,6	509,4	148,2	33,2	18,3	34,1
1945	Германия	665,0	78,0	111,0	27,0	2,8	4,4	7,2

В книге Вознесенского есть главы с характерным названием “Перестройка народного хозяйства”, “Восстановление хозяйства в ходе войны” и т.д. То же мы видим у Чадаева - “Военная перестройка народного хозяйства СССР”, “Возрождение индустрии на освобожденной советской территории” и т.д. Кроме того, у обоих авторов имеет место отраслевой подход к изложению развития военной экономики, что можно проследить в названиях следующих глав: “Укрепление и развитие промышленности”, “Сельское хозяйство в годы войны”, “Транспорт на службе фронта и тыла”, “Организация труда” и т.д.

В этом прослеживается почти полное повторение Вознесенским, а затем и Чадаевым логики предмета своего исследования, посвящённого изучению военно-экономического развития нашей страны. Оба автора в самом начале своих работ рассматривают канун войны, когда происходило создание “прочной экономической базы СССР за годы мирного строительства” [3]. Отличаются оригинальностью в книге Чадаева разделы “Капитальное строительство” и “Социально-культурные учреждения на службе фронта и тыла”. Кроме того, отдельная глава у него посвящена перебазированию производительных сил на Восток как составной части военной перестройки советской экономики.

Н.А. Вознесенский относится к числу тех авторов, которые располагали самой объективной информацией по рассматриваемой проблеме, что было связано с занимаемой им должностью председателя Государственной плановой комиссии при Совнаркоме СССР, то есть в правительстве страны. А в годы Великой Отечественной войны он был членом Государственного Комитета обороны (ГКО) и членом комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецко-фашистских оккупантов. Единственную ссылку, которую делает Вознесенский как автор – это сталинские труды, на которые он должен был ссылаться. И действительно, единственные цитаты в его работе – это цитаты И.В. Сталина. Например, «теория военной экономики социализма создана трудами нашего вождя - Великого Сталина» [1].

Чадаев в полной мере использовал информацию из работ своих предшественников и, в первую очередь, Вознесенского. Даже логика изложения работ, их структура отличаются схожестью. Кроме того, Чадаев в полной мере использовал огромный материал, накопленный советской исторической наукой за послевоенные годы – те 20 лет, которые прошли к моменту выхода в свет первого издания его работы в 1965 году (период т.н. “хрущёвской оттепели”).

Что касается используемой источниковой базы, то Я.Е. Чадаев сумел использовать большое количество фундаментальных работ, в том числе имеющих энциклопедический характер, посвящённых второй мировой и Отечественной войне, а также различные статистические и документальные сборники материалов. Я.Е. Чадаев готовил свою работу, в первую очередь, используя труд Н.А. Вознесенского и основываясь на нём. Кроме того, он вовлекает в поле своего зрения работы целого ряда других авторов, описывавшие развитие народного хозяйства в СССР в годы войны. Среди них можно назвать наиболее известных авторов, таких, как: Ю.В. Арутюнян, Л. Володарский, К. Касимовский, Ф. Кошелев, Г. Кравченко, И. Лерский, Ш. Турецкий, А.С. Чуянов и др.

В целом, обе работы имеют аналитический характер, их объединяет общая логика изложения материала. Оба автора выявляют закономерности развития военной экономики СССР, стараются избегать идеологических штампов, настолько, насколько это вообще было возможно для того времени. Обе монографии являются шагом вперёд в изучении военной

экономики СССР как в её отраслевом разрезе, так и в общем виде с точки зрения выявления различных экономических законов и закономерностей. “Восстановление народного хозяйства освобождённых районов СССР происходит на основе законов расширенного социалистического воспроизводства” (Н.А. Вознесенский) [1]. “В создании советской военной экономики проявились только ей присущие специфические особенности и закономерности” (Я.Е. Чадаев) [3].

Следует отметить комплексность подхода обоих авторов к рассматриваемой проблематике. В этой связи довольно трудно отметить какие-либо недостатки в этих работах, за исключением тех, что были приметами или данью времени. В целом обе работы послужили важными вехами на пути изучения проблематики военной экономики СССР, которая не утратила своей актуальности и в наши дни, несмотря даже на то, что уже нет СССР и его государственной экономики административно-командного типа.

Мобилизация ресурсов, мобилизационная экономика, перестройка мирного хозяйства страны на военный лад, управление военной экономикой – все эти темы не сняты и сегодня с повестки дня и представляют сегодня для нашей страны не только собственно исторический (научный) интерес, но и практический интерес с точки зрения более эффективного государственного и муниципального управления народным хозяйством на случай возможной войны или ведения локальных боевых действий на территории своего государства, либо на территории потенциального противника. Таким образом, различие во взглядах на военную экономику СССР, которое сложилось уже в советской историографии, можно проследить в оценках военной экономики крупных экономистов той поры, прежде всего, Н.А. Вознесенского, Я.Е. Чадаева и др.

Методологические принципы. Наряду с авторским стремлением объективной подачи материала в работе Н.А. Вознесенского присутствует методологическая привязка к идеям классиков ленинизма-сталинизма, учёный оперирует такими фразами, как например, «Ленин учил», «Ленин и Сталин не раз предупреждали», «Сталин призвал», «руководствуясь указаниями товарища Сталина», «товарищ Сталин заявил», «сталинская военная тактика и стратегия», «сталинская наука побеждать» [1] и т.д. и т.п. Преувеличение личностного влияния главы государства явно присутствует в оценке военной экономики СССР и её успехов, что было, впрочем, данью времени на тот исторический момент времени. Отмечается также выдающаяся роль коммунистической партии, которая, без сомнения, преувеличивается. Партия сама по себе ничего не смогла бы сделать, если бы на борьбу с оккупантами не поднялся весь советский народ. Тем не менее, читаем у Вознесенского: «руководящей и направляющей силой военного хозяйства СССР, как и в период мирного строительства, явилась партия Ленина - Сталина. Партии большевиков принадлежит честь и слава победы, беспрецедентной в истории человеческого общества» [1].

Такой персонификации личности Сталина мы уже не видим в работе Чадаева, что также естественно, ибо работа готовилась уже после развенчания культа личности Сталина. Таким образом, можно уже говорить о преодолении влияния сталинской методологии. Но зато здесь присутствует явно пафосная прокоммунистическая идеология, выражающаяся в соответствующем лексиконе автора и слепом восхвалении советского политического строя и созданной им военной машины, а именно: «силы мирового империализма», «германские империалисты», «Советский Союз, как миролюбивое государство», «рожденный Октябрем советский строй» [3]. Кроме того, наличествует обязательное восхваление «коммунистической партии», «социалистической экономики», создавшей «экономическое чудо» Великой Победы.

Таким образом, можно отметить идеологический и методологический разворот и отказ от сталинской теории и акцент в пользу ленинской теории, в частности теории империализма как высшей стадии капитализма, противопоставление социалистического и западного буржуазного строя. Сама победа СССР над фашистской Германией расценивается

не просто как военная или экономическая победа, а как победа социализма над капитализмом и буржуазным строем, то есть громкая политическая победа над империализмом, в частности германским. Естественно, что все эти идеи мало помогают объективному изучению военной экономики СССР и механизмов и способов её быстрого и эффективного развёртывания, и только препятствуют в той или иной мере пониманию главных идей авторов.

Достижения авторов. Безусловной заслугой обоих авторов является принципиальное обращение внимания на военную экономику и её проблематику применительно к СССР периода военного времени, что видно уже из названий проанализированных научных работ («Военная экономика СССР в период Отечественной войны», «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)»). Помимо того, что авторами приводится богатый статистический материал по теме, присутствует комплексный подход в рассмотрении военной экономики в историческом аспекте. Военная экономика проанализирована в целом с точки зрения исторического подхода, в достаточной мере проанализирована сама экономика с точки зрения организационно-экономического, статистического и финансового аспектов.

Понятно, что советская официальная идеология повлияла и на саму логику, и на ход научных исследований. Мы считаем этот фактор важным, и его необходимо учитывать в анализе рассматриваемых работ. Так, Вознесенский в своей работе указывает, что «периоду военной экономики СССР соответствует особая глава науки политической экономии. Теория военной экономики социализма создана трудами нашего вождя - Великого Сталина» [1].

Н.А. Вознесенский опубликовал свою монографию «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» в 1947 году. Эта книга была лично прочитана главой советского государства и, без сомнения, была поправлена в духе сталинской теории и методологии. За свою книгу в 1948 году её автор был удостоен Сталинской премии первой степени. Л.Ф. Ильичёв в своём выступлении на XXII съезде КПСС отмечал: «Книгу эту ещё в рукописи прочитал с карандашом в руках Сталин и сделал свои пометки и даже некоторые вставки» [6, с. 184]. Впоследствии она была объявлена антимакистской [7].

Поэтому ставить вопрос о том, в какой мере преодолена сталинская методология, можно только в отношении работы Я.Е. Чадаева, которая вышла уже после развенчания культа Сталина. Первое издание данной монографии увидело свет в издательстве «Мысль» в 1965 г., затем переиздано в 1985 г. Книга Я.Е. Чадаева имела более счастливую судьбу, как, впрочем, и сам автор. Книга была переиздана через 20 лет в том же самом советском издательстве, что и впервые – в советском издательстве «Мысль», выпускавшем научную литературу.

Мы думаем, что оба автора старались максимально объективно освещать советскую военную экономику, а именно с научных позиций. Например, у Вознесенского имеется много ценных обобщений и имеется целая глава, посвящённая, например, основам военной экономики СССР, что мы считаем важным теоретическим обобщением. В завершающих главах своей работы: «Экономическая победа социализма» и «Послевоенная социалистическая экономика» - автор сравнивает экономические основы и подготовленность к войне двух стран - СССР и гитлеровской Германии, их особенности. Чадаев, как бы продолжая мысли Вознесенского, выделил целую главу в своей работе под названием «Особенности развития военной экономики и источники ее могущества». Так что в целом, можно сказать, что после прочтения данных работ получается довольно целостное представление о военно-экономическом развитии СССР 1941 - 1945 гг.

Недостатки подходов обоих авторов сводятся скорее к тому, что авторы помимо объективной подачи материала вынуждены были мыслить и работать в жёстких рамках той идеологии, которая на тот момент господствовала в советском обществе и в советской исторической науке, что в определённой степени искажало действительное положение

вещей, например, преувеличивало значение политической силы партии в достижении победы над врагом и т.д. Но это уже не зависело от самих авторов, в противном случае их работы и вовсе бы не увидели свет, и нам не о чем было бы рассуждать. Других недостатков мы отметить не можем, так как обе работы выполнены компетентными авторами и в крайней степени добросовестно, что сегодня даёт нам возможность изучать военную экономику и сравнивать их различные и объективно различающиеся типы в СССР и фашистской Германии периода первой половины 1940-х годов.

Важным принципиальным моментом, который необходимо учесть при анализе работ Н.А. Вознесенского и Я. Е. Чадаева является отношение современных крупных специалистов по данной проблематике, а также их оценка заслуг указанных авторов при подходе к рассмотрению данной темы.

Многие современные авторы не могут обойти своим вниманием эти труды, вследствие их большой значимости. В частности, Евгений Васильевич Хохлов в выводах ко второму разделу своей монографии [8], рассматривая мобилизационные возможности централизованно-плановой экономики, с успехом опирается на статистические данные, заимствованные у Чадаева. Например, о том, что большую роль в годы войны, помимо автомобильного, играли также речной, морской и трубопроводный транспорт, особенно при перевозках грузов на большие расстояния [8, с. 145–146]. Выводы Е. В. Хохлова обязательно и как правило подкрепляются статистическими выкладками в табличной форме, взятыми из работы Я. Е. Чадаева. То же самое касается соотношения вооружений, поступивших в Красную Армию и вермахт в декабре 1941 – июле 1943 гг., обеспечивших в конечном итоге “коренной перелом” в войне к середине 1943 года. Отметим здесь только тот факт, что, начиная с ноября 1942 года, Красная Армия получала значительно больше вооружений, чем немецкая армия. Эта ситуация резко отличалась от декабря 1941 года, когда ситуация была полностью противоположной [8. С. 156-157].

Далее, присутствует высокая оценка личностных и профессиональных качеств и той фактической роли, которую сыграл в руководстве Государственной Плановой комиссии при правительстве страны Н.А. Вознесенский, будучи её непосредственным руководителем [8, с. 148-149].

Рассказывая о военной экономике СССР на завершающем этапе второй мировой войны, Е.В. Хохлов, по сути, придерживается взглядов Н.А. Вознесенского, цитируя и приводя подробную статистику из его работы, рассказывая читателю о том, что восстановление хозяйства, разрушенного в течение войны, происходило непосредственно в ходе Великой Отечественной войны [8, с. 159]. Можно поэтому сделать вывод, что и советские и современные российские исследователи темы военной экономики СССР придерживаются в основном положений и основываются на статистическом материале, взятом из книг Н. А. Вознесенского и Я.Е. Чадаева, которые можно признать базовыми для любого исследователя этого периода. К такому выводу приходит и Е. В. Хохлов в своей работе [8. С. 165].

В заключение, касаясь дискуссии об истоках победы советского народа в Великой Отечественной войне, Е. В. Хохлов также не обходится без упоминания трудов этих известных авторов. В частности, научный труд Н. А. Вознесенского Е.В. Хохлов называет “первой советской работой на тему военной экономики СССР в 1941 – 1945 гг.” [8. С. 237]. Хохлов цитирует тезис Н. А. Вознесенского о более высокой эффективности управления общественной собственностью в сравнении с управлением собственностью разрозненными товаропроизводителями-собственниками и, по всей видимости, соглашается с ним. Хохлов не забывает и про Чадаева, так как последний также рассматривал данную проблему и видел фундамент победы в промышленной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства страны, позволившей создать в нашей стране “мощную базу для развития военной экономики” [1. С. 244].

Таким образом, оба автора, и Вознесенский, и Чадаев, отдавая дань сложившейся традиции и исторической справедливости, отмечали роль партии и партийных органов власти “в деле мобилизации всех ресурсов народного хозяйства на нужды Великой Отечественной войны” [1. С. 21]. Это отмечает также и целый ряд современных отечественных исследователей [9. С. 252].

Наконец, важной проблемой военной экономики выступает вопрос о соотношении потерь противников в ходе войны и так называемой “цене победы”. “Цена победы - узловая проблема истории войны. Не располагая многими необходимыми источниками, полностью эту проблему пока решить нельзя” [10. С. 373].

Действительно, дискуссии на эту тему, начавшись практически сразу после войны, продолжаются до сих пор, приводятся самые различные цифры. Как отмечают специалисты, кроме понятийной неразберихи здесь имеет место весьма богатый калейдоскоп мнений относительно не только размера самих потерь, но и причин таких больших потерь со стороны СССР. Ведь общеизвестно, что обычно большие потери несёт наступающая сторона, а не наоборот, но Великая Отечественная война, очевидно, является исключением из данного правила военной теории и практики. Потери личного состава войск в ходе войны, безусловно, представляют отдельный значительный интерес для исследователей и самостоятельный предмет для изучения в рамках темы военной экономики.

По последним данным Министерства обороны РФ, представленным членом центрального совета Российского военно-исторического общества (РВИО) генерал-майором А. В. Кириллиным, в ходе Великой Отечественной войны СССР потерял более 8,9 млн. военнослужащих (8 миллионов 866 тысяч 400 человек). В это число входят боевые потери, погибшие в плену, пропавшие без вести. На родину из плена вернулось около 1,8 млн. человек. Потери немецкой армии в ходе войны составили порядка 6,7 млн. человек [11]. Эти цифры были получены благодаря многолетним исследованиям архивных материалов и являются дополнением к тому материалу, который накоплен на текущую дату.

По нашему мнению, учёт мнения авторов, как отечественных, так и зарубежных, как уже ушедших из жизни, так и современных, позволит накопить необходимый запас ценных знаний, концептуальных положений для разработки современного видения проблемы военно-экономического развития СССР и фашистской Германии в период 1941 – 1945 годов, которое будет лишено влияния устаревшей сегодня сталинистской методологии и идеологии.

Стремиться к этому должен сегодня любой исследователь данной проблематики, претендующий на объективность, так как тема во многом всё ещё носит политизированный и остро дискуссионный характер. Проведённый нами сравнительный анализ двух крупнейших работ отечественных авторов по военной экономике СССР в 1941-1945 гг. позволил выяснить полноту освещения советской военной экономики, а также достоинства и недостатки изложения данной темы, продолжающей сохранять актуальный характер.

Библиографический список

1. **Вознесенский, Н. А.** Военная экономика СССР в период Отечественной войны. - М.: Госполитиздат, 1948. - 192 с. // [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/h/voznensensky_n/index.html (дата обращения 30.04.2016)
2. Неизвестная война. (The Unknown War). / Фильм 9. Война в воздухе. Документальный фильм. Год выпуска: 1978. Страна производства: СССР – США // [Электронный ресурс]. URL: <http://rutube.ru/video/6fcd8aa8348f2ade696bc14852cfc8a4/> (дата обращения: 30.04.2016)
3. **Чадаев, Я. Е.** Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). 2-ое изд. - М.: Мысль, 1985. - 492 с. // [Электронный ресурс]. URL:

- http://royallib.com/read/chadaev_yakov/ekonomika_sssr_v_godi_velikoy_otchestvennoy_voyni_19411945_gg.html (дата обращения: 30.04.2016)
4. Великая Отечественная война. 1941-1945: Энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. **А. О. Чубарьян**; науч. ред. **О. А. Ржешевский**; редактор, руководитель авторского коллектива **М. Ю. Мягков**. - М.: Изд-во ОЛМА Медиа Групп, 2015 - 448 с. Создатели этого труда рассматривают ход войны в рамках трёх основных периодов: первый период: с 22 июня 1941 года по 18 ноября 1942 года; второй период: с 19 ноября 1942 года по декабрь 1943 года; третий период: с декабря 1943 года по 9 мая 1945 года.
 5. О чем может сказать статистика? // О загадках военно-политической истории XX века. [Электронный ресурс]. URL: <http://zhhistory.org.ua/tilww2.htm> (дата обращения 30.04.2016)
 6. XXII съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. - М.: Политиздат, 1962. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/docs/da/s22/index.html> (дата обращения: 30.04.2016)
 7. **Кузнецова, Т. Е.** К истории Института экономики РАН (АН СССР): домьслы и реалии / Т. Е. Кузнецова. - М.: Ин-т экономики РАН, 2005. - 68 с. // [Электронный ресурс]. URL: http://cdclv.unlv.edu//archives/articles/kuznetsova_institute.html (дата обращения: 30.04.2016)
 8. **Хохлов, Е. В.** Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 282 с.
 9. **Хохлов, Е. В.** Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 282 с.; **Богомазов, Г. Г.** Экономические основы победы советского народа в Великой отечественной войне // Проблемы современной экономики. 2015. № 1 (53). С. 7-12 // [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-osnovy-pobedy-sovetskogo-naroda-v-velikoy-otchestvennoy-voyne> (дата обращения: 30.04.2016)
 10. Фрагмент, глава «Сталинизм и цена победы» (стр. 370-394) из книги: **Мерцалов, А. Н.** Сталинизм и война / А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова. - М.: Изд-во Терра, 1998. 432 с. // [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/research/mertsalovs/01.html> (дата обращения: 30.04.2016)
 11. В Минобороны уточнили данные по потерям СССР в Великой Отечественной войне // INTERFAX.RU. Москва. 30 апреля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/society/25645225/?frommail=1> (дата обращения: 30.04.2016)

УДК 329.1/6

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
Волкова Е. А.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: volkne@bk.ru.*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
E. A. Volkova
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: volkne@bk.ru.*

Е. А. Волкова

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И КРЫМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается историческая взаимосвязь России и Крыма в контексте последних политических трансформаций. Анализируется история Крыма, отмечается историческая справедливость воссоединения в составе Российской Федерации.

Ключевые слова: референдум по Крыму, Крым как субъект Российской Федерации.

Е.А. Volkova

HISTORICAL TIES OF THE CRIMEA AND RUSSIA IN THE CONTEXT OF MODERN POLITICAL DEVELOPMENT

This article discusses the historical relationship of Russia and Crimea in the context of recent political transformations. Reviews the history of the Crimea, there is historical justice reunification of the Russian Federation.

Key words: a referendum on Crimea, Crimea as a subject of the Russian Federation.

Актуальность данной темы определена потребностью в осознании исторической связи России и Крыма в свете новейших событий. Как известно, результатами референдума, который состоялся 16 марта 2014 года, стало «воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации» [1].

Следовательно, нашей задачей является не только оценить данный факт, но и попытаться спрогнозировать тенденцию дальнейшего развития политических событий. Задача для исследования стоит сложная, так как в свете последних геополитических изменений, которые напрямую затронули Россию, любой прогноз будет достаточно сложным. События на Украине, которые отличаются своей сложностью, неоднозначностью, а порой жестокостью, которые приводит к гибели мирных граждан, заставляет по-новому взглянуть на результаты референдума.

С древнейших времен Крым играл важную роль в истории и культуре России. Нельзя забывать об их неразрывной связи, а также о том, что на протяжении длительного времени с Крымом у России складывались различные взаимоотношения. Были периоды войн, присоединений и отделений Крыма, а также проходила борьба России с различными государствами за Крым [5].

До появления татар в XIII веке на полуострове, Крым не представлял никакой угрозы для Руси. Крым, в своей древности, знаменит тем, что на его территории крестился князь Владимир в 988 году, в Корсуни (Херсонесе), сделавший христианство религией Руси.

До сих пор сохранились остатки храма, где он принял крещение. В 991-988 годах Крым в виде Тмутараканского княжества был включен в состав Киевской Руси [8].

После появления Золотой Орды, Крым стал ее частью. Из распадавшейся в XIV веке Золотой Орды образовалось Крымское ханство, которое на протяжении многих столетий было злейшим врагом России. Можно пронаблюдать, что после падения Византии, Крым попал под власть Турции, с этого момента борьба с крымскими набегами тесно связана с антитурецкой борьбой. Но та религиозная связь, которая неразрывно связывала Крым и Россию способствовала тому, чтобы освободить Крым от власти Турции. Турция пыталась найти любую возможность для войны с Россией и такая появилась. В XVIII веке борьба за Крым разгорелась с новой силой.

«Используя противоречия между Россией и Польшей, Турция в конце 1760-х годов спровоцировала очередную войну с Россией, в которой активно использовала силы крымского правителя Крым Гирея». В ходе этой войны произошел последний набег со стороны Крыма на Россию. После этой войны был подписан «Кучук-Кайнарджийский мир, по которому к России отходили земли от Буга и крепости Кинбурн при устье Днепра до Азова с Прикубаньем и Приазовьем, крепости Керчь и Еникале, запиравшие выход из Азовского в Черное море. Керченский пролив стал российским. Крымское ханство было объявлено независимым от Турции». Но Турция всячески пыталась отвоевать то, что потеряла, поэтому присоединение Крыма растянулось на долгие годы [2].

Секретный рескрипт о присоединении Крыма к России был подписан 14 декабря 1782 года. В соответствии с ним Г.А. Потёмкин отдал распоряжение А.В. Суворову и М.С. Потёмкину занять Тамань и Кубань, А.Б. Дебальмену — берега Ахтиярской бухты, а Ф.А. Клокачёву — войти туда судами. В начале апреля 1783 года Шагин-Гирей был вынужден принять добровольное отречение [9].

Григорий Александрович Потёмкин придавал большое значение присоединению Крыма. Оценив все преимущества его присоединения, Г.А. Потёмкин пишет письмо Екатерине II: «Крым положением своим разрывает наши границы... Положите ж теперь, что Крым Ваш, и что нету уже сей бородавки на носу — вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других... Вы обязаны возвысить славу России...». Оценив данную внешнеполитическую ситуацию, Екатерина II издает Манифест о присоединении Крыма, в котором он обещала: «свято и непоколебимо за себя и преемников престола нашего содержать их в наравне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную их веру...» [10].

Данный Манифест способствовал массовому заселению Крыма из России и Украины. На протяжении нескольких десятков лет вырос оборот русской черноморской торговли. Население увеличивалось, а для освоения земель ехали специально образованные люди. Как пишет современный исследователь И.Н. Пронин, «при этом в отличие от судьбы индейских племен, частью уничтоженных полностью, частью загнанных в резервации, в ходе новороссийской колонизации ни один из причерноморских этносов не исчез. Этническая карта Северного Причерноморья наоборот, даже пополнилась за счет колонистов – выходцев из различных стран Европы» [10]. Также активно формируется крымская культура, которая проявляет свое развитие в искусстве, литературе, науке. Все это способствует возрождению Православной церкви на территории русского Крыма: восстанавливаются монастыри, строятся храмы.

К середине XIX века Крым стал неотделимой частью России, многие успели забыть о том, что когда-то, несколько десятков лет назад они воевали между собой. Крымская война 1853-1856 годов показала, на сколько люди близки друг другу, ведь тысячи жизней были отданы во время этой войны. Можно перечислять множество связей России с Крымом, и то, как в начале XX века Крым стал одним из центров русской культурной жизни, и то, какие

битвы шли за Севастополь во время Великой Отечественной войны, и то, что именно там проходили переговоры по поводу дальнейшего развития послевоенного мира. Только лишь в 1954 году Крым был передан в состав Украинской ССР в рамках единого союзного государства СССР. События августа 1991 года в Москве и арест М.С. Горбачева на его даче в Форосе привели к развалу Советского Союза, а Крым превратился в Автономную Республику в составе Украины, а Большая Ялта стала летней политической столицей Украины и стран Причерноморского региона.

Рост националистических настроений среди вернувшегося после депортации татарского населения наблюдался в последние годы в Крыму. Активный захват территорий сначала в степной части полуострова, а в последнее время и попытки самозахвата территорий на южном берегу Крыма настораживали не только крымчан, но и Россию. Всё это происходило при молчаливом попустительстве украинских чиновников и мощнейшей финансовой и идеологической поддержке турецких властей. Видимо, первые хотели таким образом “заглушить” пророссийские настроения среди местного населения Крыма, а вторые лелеяли мечту о новом возрождении великой Османской империи и внутреннем Чёрном море.

Проанализировав историческое формирование Крыма и неотъемлемое влияние на него России, можно сделать вывод, что отделять Украину, а именно Крым от России никак нельзя по причине сложившихся исторических традиций и тесных взаимосвязей народов и территорий. Крым исторически был, и сегодня он является частью России как в ментальном, так и, конечно же, в территориальном плане. Поэтому разделять историю Крыма и России нельзя, так как тот, кто разделяет их, разрушает историю и традицию многих столетий.

На протяжении веков нас связывало общее развитие, и что теперь? Теперь все забыли об истории и о тех ошибках, которые совершались. Необходимо четко и правильно определить то, кто действительно имеет право вмешиваться в историческую судьбу Крыма, и Россия имеет на это полное право.

Итоги референдума (общекрымский референдум), проведенного 16 марта 2014 года местными властями, доказали историческую справедливость вхождения полуострова в состав Российской Федерации. Согласно официальным результатам, в автономной республике Крым (АРК) 96,77% проголосовавших поддержало присоединение Крыма к России при явке 83,1%, в Севастополе за присоединение к России проголосовало 95,6% избирателей при явке 89,5%.

17 марта 2014 г. на основании Декларации о независимости и результатов референдума была провозглашена Республика Крым как независимое и суверенное государство, в состав которой вошёл Севастополь в качестве города с особым статусом. Республика Крым в лице своего высшего органа власти — Государственного совета Республики Крым — обратилась к Российской Федерации с предложением о принятии Республики Крым в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта Российской Федерации со статусом республики. В тот же день президент России подписал указ о признании Республики Крым в качестве независимого и суверенного государства.

18 марта 2014 года был подписан межгосударственный договор о принятии Крыма и Севастополя в состав России. На Крымском полуострове были образованы Республика Крым и город федерального значения Севастополь, вошедшие в состав России.

27 марта 2014 года Генеральная Ассамблея ООН приняла имеющую рекомендательный характер резолюцию в поддержку территориальной целостности Украины, объявив общекрымский референдум 16 марта 2014 года не имеющим законной силы. Из 193 государств-членов ООН «за» принятие резолюции проголосовали 100 государств, «против» — 11 (Армения, Белоруссия, Боливия, Венесуэла, Куба, КНДР, Зимбабве, Никарагуа, Россия, Сирия, Судан), воздержались — 58, не голосовали — 24. Несмотря на эту резолюцию,

принятую Генеральной Ассамблеей ООН 27 марта 2014 года, Крым остаётся и, как мы полагаем, будет оставаться в дальнейшем неотъемлемой частью территории России.

Современная Россия унаследовала перечень регионов от РСФСР (за рядом исключений в виде переименований и преобразований). В 1992 году российскими регионами был подписан Федеративный договор о разграничении полномочий, который был включён в текст Конституции РСФСР 1978 года. В 1993 году, когда была принята ныне действующая Конституция, насчитывалось 89 субъектов.

С 1 марта 2008 года после объединения регионов осталось 83 субъекта Российской Федерации, а с 18 марта 2014 года в результате присоединения Республики Крым к России и образования двух новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя субъектов в Российской Федерации стало 85 субъектов.

Согласно Федеральному конституционному закону от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации», расширение Российской Федерации возможно путём присоединения к ней в качестве субъектов федерации иностранных государств или их частей согласно свободному волеизъявлению народов, проживающих на этих территориях, и при заключении международных договоров с этими государствами.

Сегодня существуют и другие определённые перспективы расширения Российской Федерации. Расширение России возможно в том числе за счёт независимых государств, в частности, территорий, которые могут когда-либо получить такой статус. Из соседних с Россией государств, стремящихся к интеграции с ней, включая непризнанные (частично признанные), Белоруссия и Абхазия не планируют стать субъектами Российской Федерации (при этом соответственно вступив или пожелав вступить в Союзное государство), а Южная Осетия, Приднестровье и ранее Абхазия (в 1995 году), а также Принаровье и Рудный Алтай (попытки провозглашения республик в которых соответственно на северо-востоке Эстонии и на северо-востоке Казахстана предпринимались русскоязычным большинством в 1990 - 1994 гг.) такое намерение проявляли.

Однако не все исторические прецеденты воссоединения других земель с Россией были столь успешными, как это мы видим на современном примере Крыма. Например, Принаровье - исторический регион, включающий левое и правое побережье реки Наровы (Нарвы), расположенный в западных частях Псковской и Ленинградской областей России (правый берег) и в восточной части уезда Ида-Вирумаа Эстонии (левый берег). Национальный состав региона на протяжении многих веков был смешанным: русские, эстонцы, ижора, воль, ингерманландцы (главным образом, в северной части) и др.

В 1920 – 1940-х годах Принаровье входило в состав Эстонии. В годы Великой Отечественной войны ижорцы и ингерманландцы были депортированы в глубинные районы Советского Союза. При параде суверенитетов и распаде СССР в 1991 году и в 1993 году в эстонской части Принаровья с преобладающим русским населением (Ида-Вирумаа) предпринималась попытка провозглашения Принаровской республики (по аналогии с Приднестровьем), однако не была создана даже территориальная автономия.

25 июля 1991 года горсоветы Нарвы, Кохтла-Ярве и Силламяэ вышли с инициативой создания Принаровской Советской Социалистической Республики с планами дальнейшего её вхождения в состав РСФСР или предполагавшегося федеративного Союза Суверенных Государств (ССГ). На практике было осуществлено только формирование отрядов рабочих-дружинников, противостоявших эстонским военизированным формированиям. К 25 октября 1991 г., в связи с признанием СССР независимости Эстонии и демонтажем социалистической системы, предлагалось провозгласить независимую Принаровскую Республику с перспективой вхождения в конфедеративный ССГ. Однако, ССГ не состоялся, Россия данные намерения не поддержала, а эстонские власти распустили и провели досрочные перевыборы этих горсоветов, обвинив их прежний состав в поддержке ГКЧП и сепаратизме.

16 июля 1993 г. городскими властями Нарвы и Силламяэ был проведён референдум о создании русской территориальной автономии с перспективой дальнейшего объявления независимости или воссоединения с Россией, что было поддержано большинством голосов. Однако, Россия вновь не оказала поддержки для его реализации, а эстонские власти проигнорировали результаты референдума, дав лишь разрешение на культурную автономию. Как следует из данного материала, присоединение той или иной территории к России далеко не всегда происходит столь успешно, как мы это видим на примере Крыма. Причиной тому выступают весьма разнообразные и многочисленные внешние и внутренние политические, культурные и экономические факторы, которые необходимо учитывать, чтобы присоединение региона состоялось и стало результативным процессом.

Экономические факторы и последствия присоединения Крыма вкратце состоят в следующем. Находясь в составе Украины, Крым был «глубоко дотационным регионом», бюджет которого более чем на половину пополнялся из госбюджета Украины. 17 апреля 2014 года В. В. Путин сообщил, что «его украинские коллеги признались ему», что Крым был сделан дотационным регионом искусственно: «Из него вынимали денег больше, чем из других территорий, и перераспределяли в другие места» [7].

Социально-экономические показатели Крыма в несколько раз ниже российских. По данным на май 2014 года, 95% бюджета региона наполнялось за счёт Российской Федерации. В соответствии с законопроектом о крымском бюджете, в 2015 году на его пополнение будет потрачено 47 млрд рублей из российского федерального бюджета.

Всего за 2015 год на Крым будет потрачено около 100 млрд. руб., а за 2015-2017 годы — 373 млрд. руб. [6]. По федеральной целевой программе развития Крыма и Севастополя до 2020 года затраты федерального бюджета составят 733,5 млрд. руб. [6]. Как заявил гендиректор Экономической экспертной группы А. Андряков, «расходы на Крым беспрецедентны — столько от федерального центра не получают даже северокавказские республики» [6].

Данная статья представляет лишь одну авторскую точку зрения. Однако существует абсолютно противоположная точка зрения, разделяемая и пропагандируемая противниками присоединения Крыма. Согласно их взглядам, юридически Россия не присоединила Крым, а оккупировала. «С точки зрения международного права, все акты о присоединении ничтожны и никогда не будут признаны международным сообществом. Ради отсталой во всех отношениях региональной державы, пошедшей вразнос, мировое сообщество не может себе позволить пересмотреть систему международного права. Вероятно, понимая бессмысленность попыток придать действиям по аннексии Крыма видимость легитимности, юридическими процедурами решили вообще себя не обременять, сосредоточив усилия на обработке общественного мнения внутри страны и за её пределами» [3].

К сожалению, последняя версия очень популярна на Западе. Складывается общественное мнение, которое негативно отражается на России. В перспективе — очень сложно остановить этот процесс, который формирует из нашей страны в очередной раз «империю зла». Политический и исторический акт вхождения Крыма в состав Российской Федерации породил, помимо многочисленных плюсов огромное число отрицательных моментов. Например, приобретая Крым, мы потеряли Украину как геополитического союзника и соседа, настроили против себя практически весь западный мир, страны Западной Европы и США, пошедших на введение режима санкций против России.

Впрочем, международная реакция на присоединение Крыма к России была неоднозначной, хотя это событие и вызвало преимущественно негативную реакцию. Западное сообщество («Большая семёрка», государства-члены НАТО, страны Евросоюза) расценило действия России как агрессию, оккупацию и аннексию части украинской территории, подрыв территориальной целостности Украины. Организации ПА ОБСЕ и ПАСЕ приняли резолюции с осуждением присоединения Крыма к России. Неприятие

Западом российских действий в Крыму привели к исключению России из состава Большой восьмерки и стало одной из причин введения санкций против России со стороны западных стран. Россия, в свою очередь, рассматривает присоединение Крыма как реализацию права местного населения на самоопределение.

Несмотря на однозначную позицию Евросоюза, на Западе существуют и другие точки зрения на присоединение Крыма к России, что, в частности, нашло отражение в позициях экс-президентов Франции Валери Жискар д'Эстена и Николя Саркози, оправдавших его. Экс-президент Чехии Вацлав Клаус назвал присоединение Крыма «аннексией», однако выразил мнение, что «она была продиктована растущей озабоченностью населения Крыма, а в движении за независимость нашли отражение подлинные чаяния народа...». Подобные мнения выразили также экс-канцлеры Германии Гельмут Шмидт и Герхард Шрёдер, экс-президент США Джимми Картер.

“Сегодняшние крымские противоречия между Россией и Западом – это, конечно, не повод к войне, однако надо иметь в виду, что оказываться в изоляции от стран Запада и открыто противостоять США и их союзникам – это не самый оптимальный вариант внешней политики для России. Не вариант для России и подчинять свои интересы чужой геополитике и допускать военные базы НАТО к своим границам” [4].

Находясь в подобной противоречивой ситуации, Россия должна предпринять все возможные меры, чтобы расколоть лагерь своих политических противников, противников присоединения Россией Крыма, ибо, несмотря на их союзническое членство в НАТО, в этом лагере имеется немалое количество внутренних противоречий, на которых Россия может и просто обязана сыграть, чтобы выйти из сложившейся патовой ситуации победителем и отстоять своё историческое право на крымские территории. В этом России помогут сложившиеся веками традиции сотрудничества и исторических связей населения России и Крыма, где проживает большое количество русскоязычного населения. Поэтому сам фактор наличия исторических связей наших территорий является залогом успешного вхождения и ассимиляции культурного пространства крымской территории.

Библиографический список

1. Референдум 2014. Сайт в поддержку Общекрымского референдума. - Электронный ресурс. – URL: <https://www.youtube.com/channel/UCvkTOKqoydQThR1isMTPt-g>
2. **Андреев, А. Р.** История Крыма: краткое описание прошлого Крымского полуострова / А. Р. Андреев. - М.: Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. - 96 с.
3. **Аншаков, М. Г.** Историческая справедливость и юридические аспекты крымской авантюры / М. Г. Аншаков // Электронный ресурс. – URL: <http://echo.msk.ru/blog/anshakov/1305558-echo/>
4. **Ашмаров, И. А.** Крымские противоречия России и Запада / И. А. Ашмаров // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – Выпуск № 2 (6). – С. 61.
5. **Козлов, В. Ф.** Вводная лекция. Крым в русской исторической памяти / В. Ф. Козлов // Лекция из цикла "Исторические связи России и Крыма". – Электронный ресурс. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=ksio9LoSHI0>
6. Минфин отказался финансировать развитие Крыма через инвестфонд // Электронный ресурс. – URL: <http://www.rbc.ru/economics/23/09/2014/950844.shtml>
7. **Путин, В. В.** Крым в ближайшем будущем станет регионом-донором // Электронный ресурс. – URL: <http://tass.ru/ekonomika/1128336>

8. **Сапрыкин, С. Ю.** Античный период истории Крыма / С. Ю. Сапрыкин // Исторические связи России и Крыма. Лекция № 2. – Электронный ресурс. – URL: http://vk.com/video-89387668_170879314?list=1ff98fcfc17a77aa76
9. **Шляпникова, Е. А.** Присоединение Крыма к России в 1783 году / Е. А. Шляпникова // Военно-исторический журнал. – Электронный ресурс. – URL: <http://history.milportal.ru/2015/03/prisoedinenie-kryma-k-rossii-v-1783-godu/>
10. **Якеменко, Б.** Страницы истории российского Крыма / Б. Якеменко // LIVEJOURNAL. - Электронный ресурс. – URL: <http://boris-yakemenko.livejournal.com/420149.html>

УДК 622.24

*ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж),
канд. ист. наук, доц. кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
Ю. В. Власова
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(473) 2-77-75-73
e-mail: youlya_v@mail.ru*

*MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force
Academy» (Voronezh). PHD in History Associate
Professor, Department of Humanitarian and socio-
economic disciplines
Y. V. Vlasova
Russia, Voronezh,
tel. +7 (473) 2-77-75-73
e-mail: youlya_v@mail.ru*

Ю. В. Власова

ПОЛИТИКА РОССИИ В ДЕЛЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СЕРБО-ТУРЕЦКОГО КОНФЛИКТА 1876 г.

В статье рассматривается дипломатия великих держав в период сербо-турецкой войны 1876 гг., в контексте взаимоотношений Австро-Венгрии, Великобритании, России, Германии, Турции и Сербии. Автор приходит к выводу, что МИД России, проводя самостоятельную политику в данном регионе, поддерживал национально-освободительное движение в Сербии и выступал за создание на балканском полуострове самостоятельных славянских государств.

Ключевые слова: сербо-турецкая война 1876 г., Рейхштадтское соглашение, славянский вопрос, национально-освободительное движение на Балканском полуострове 70-х гг. XIX века.

Y. V. Vlasova

RUSSIAN POLICY IN THE SETTLEMENT SERBO-TURKISH CONFLICT IN 1876 г.

The article discusses the diplomacy of the great powers during the Serbo-Turkish War of 1876. In the context of relations between Austria-Hungary, Great Britain, Russia, Germany, Turkey and Serbia. The author comes to the conclusion that the Russian Foreign Ministry, pursuing an independent policy in the region, supported the national liberation movement in Serbia and advocated the establishment of the Balkan Peninsula independent Slavic states.

Key words: Serbo-Turkish War of 1876 г, Reichstadt agreement, slavic question, the national liberation movement in the Balkans 70th. XIX century.

Восточный кризис 70-х годов XIX в. - особый кризис, беспрецедентный в истории балканских народов прошлого столетия. Он во многом отличался от всех предшествующих кризисов. И по своему характеру, и по движущим силам, и что самое главное, по своим результатам - это бесспорно исключительное явление в истории Юго-Восточной Европы XIX в. Дипломатия европейских держав и России в этот период времени как в зеркале отразила кризисы в социальном, экономическом и политическом положении населявших Балканы народов.

Бедственное положение славян стало отправным пунктом для возникновения национально-освободительных движений на Балканах, выветив назревшие противоречия великих держав в осуществлении своей внешней политики.

Исследование динамики развития взаимоотношений Англии, Германии, Австро-Венгрии и России в период сербо-турецкой войны 1876 г. не только позволит нам более полно охарактеризовать политику этих держав в период восточного кризиса 70-х г. XIX в.,

но и даст возможность объективно оценить роль этих государств в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Дальнейшее углубление международного кризиса на Балканах, связанное с началом сербо-турецкой войны 1876г., способствовало переориентации европейской дипломатии с целью нахождения более надежных союзников для перераспределения сфер влияния в этом регионе. В данном вопросе интересно номинальное объединение великих держав для урегулирования сербо-турецкого конфликта. Это позволяет проследить совпадение и пересечение их интересов в этом регионе, более ярко высветить политику тех государств, чья дипломатия проявляла наибольшую активность в Юго-Восточной Европе.

Российское правительство, когда Сербия и Черногория готовились к войне против Турции, предвидя военный исход Восточного кризиса, реагируя на все более решительные требования русского общества выступить на защиту славян, вынуждено было пойти на переговоры с Австро-Венгрией, чтобы найти в ней союзницу, если необходимость войны станет неизбежной. Желательно было добиться нейтралитета Австро-Венгрии, хотя было ясно, что она потребует за него значительные и даже территориальные компенсации [1. С. 293].

Кроме того, при проведении определённой политики в отношении Австро-Венгрии, Россия должна была учитывать и позицию Германии в отношении Балканского вопроса. «Politische Correspondenz» так оценивала политическое взаимодействие Сербии и Турции: «Разрыв Сербии с Портой в данный момент неизбежен. Начало военных действий следует ожидать не ранее, как через неделю. Полагают, что тогда князь Милан по обнародованной прокламации, равносильной объявлению войны, выедет из Белграда и отправится в армию»[2]. Так как в Берлине считали, что: «Ни успехи сербов, ни победы турок не подвергнут Европу опасности будущего столкновения»[3], Россия не имела оснований опасаться чересчур активного вмешательства Пруссии в Балканский вопрос. Однако в Санкт-Петербурге было известно, что прусское правительство будет поддерживать Австро-Венгрию, если требования России покажутся ему чрезмерными. Естественно, что Берлин, подобно Вене, не поддержал бы идеи создания на Балканах сильного югославянского государства. Поэтому для того, чтобы реализовать свои внешнеполитические интересы на Балканах и избежать при этом серьёзного конфликта с Австро-Венгрией и Германией, МИД России вновь возвращается к мысли о создании в указанном регионе «мелких независимых государств в территориальных пределах, отведенных каждому из них историей и объединенных на федеральных началах» [4. С. 15-16]. Такого рода постановка вопроса не могла поколебать прусского нейтралитета, поэтому немалую важность приобретал вопрос, какую точку зрения примет австрийская сторона по этому поводу.

Осознавая большое значение согласованности действий обоих государств, Горчаков считал, что встреча в чешском замке Рейхштадт была бы реальной возможностью внести ясность в отношения между ними. Идея о встрече императоров нашла положительный отклик и в Вене. Хорошо известно, что переговоры в Рейхштадте не завершились подписанием соглашения, была достигнута лишь устная договоренность [5. С. 108]. Но позже каждая из сторон составила собственный вариант записи результатов встречи [6]. Причем по ряду пунктов в них прослеживались существенные различия [7. С. 144-147]. Но, несмотря на это, в них все же можно проследить единый принцип австро-венгерской внешней политики – не допустить образования большого славянского государства по соседству с монархией Габсбургов. Однако, прежде всего, в ходе этих переговоров решался вопрос о возможном исходе сербо-черногоро-турецкой войны и в связи с этим о судьбе европейской Турции. Россия и Австро-Венгрия, условившись придерживаться «принципа невмешательства», решили добиваться в случае поражения Сербии восстановления довоенного status quo. В ходе переговоров по вопросу судьбы турецких провинций на Балканах, в случае удачного исхода начавшейся войны, Австро-Венгрия впервые предъявила

претензии на ряд территорий, и прежде всего, Боснию. Эта часть переговоров, относящихся к территориальным изменениям Сербии, Черногории и австро-венгерских претензий, обещания России не оказывать содействия «образованию большого славянского государства» позволило исследователям этого вопроса выдвинуть тезис о «предательстве Россией национальных интересов Сербии и балканских славян»[8].

По нашему мнению, подобное утверждение необъективно, поэтому для выяснения реального значения достигнутой Россией и Австро-Венгрией договорённости следует дать подробный анализ Рейхштадтского свидания в контексте его влияния на судьбу Сербии.

Историки, не раз обращаясь к Рейхштадтскому соглашению, которое С. А. Никитин в силу того, что формального акта подписано не было, рекомендовал именовать его «Рейхштадтскими переговорами», говорили о «сомнительности этого сговора с Австро-Венгрией» [9. С. 98-99], справедливо отмечая, что Россия «придерживалась по отношению к освободительному движению балканских народов той же позиции, что и с самого начала восточного кризиса» [10. С. 43].

По итогам «Рейхштадтских переговоров», гарантировалось существование Сербского княжества, даже в случае его поражения. А. А. Киреев по этому поводу писал в своем дневнике: «Для нас, русских важно одно обстоятельство: чтобы существование Сербии было гарантировано даже в случае неудачи. И это, кажется, будет принято Европой» [11]. Другим важным итогом Рейхштадта было то, что России удалось добиться согласия Австро-Венгрии закрыть для турок порт Клек. Через эту гавань прибывали турецкие отряды для подавления восстания в Герцеговине, а также происходило снабжение турецкой армии [12]. Россия пыталась добиться у Андраши закрытия Клека еще в августе 1875г.[13], но безуспешно, это удалось сделать лишь почти через год. «Благодаря рейхштадтскому свиданию, дальнейший подвоз турецких войск прекращается в Клек», - писала 1 июля 1876г. газета «Новое время»[14].

Первым из югославских историков, объективно оценившим защиту Россией в Рейхштадте сербских интересов, был В. Чубрилович. В одной из ранних своих работ, посвященных различным аспектам восточного кризиса 1875-1876гг. – «Рейхштадтское соглашение (8 июля 1876г.)», Чубрилович так оценивает результаты переговоров: «Что же в действительности было заключено и кто что получил? Россия сумела нас защитить от возможного вмешательства Австрии в нашу войну с Турцией, чего боялись в Белграде, и смогла предотвратить тайную помощь Турции со стороны Австрии в особенности в Боснии и Герцеговине» [15. С. 285]. Югославский историк считал, что, отстаивая интересы Сербии и Черногории «в Рейхштадте, русский царь искренне старался нас как можно лучше защитить от Австрии. Россия не могла в Рейхштадте обеспечить Сербии «Душаново царство», но продемонстрировала желание помочь ей сделать это самостоятельно. Этого было достаточно» [16. С. 293].

Делая вывод о том, что Россия по отношению к Сербии на встрече играла роль защитника, В. Чубрилович полемизировал с теми, кто обвинял русское правительство в том, что оно согласилось на расширение Австро-Венгрии на Балканах. Признавая, что русская политика на Балканах зачастую была колеблющейся, эгоистичной, что зависело от позиции той или иной влиятельной личности в Петербурге, Чубрилович отмечал, что со стороны Сербии «вообще предъявлялись чрезмерные требования к России, так было и на этот раз» [17]. Чубрилович также считал, что вопрос о судьбе Боснии и Герцеговины не был решен окончательно. К такому же выводу пришел и Сл. Йованович в своей рецензии на книгу английского историка Б. Самнера «Россия и Балканы 1870-1880гг.» [18].

Он считал, что Самнер слишком прямолинейно подошел к вопросу о сговоре России с Австрией [19. С. 118-122]. По мнению Сл. Йовановича, Россия в период Рейхштадтского соглашения боролась до конца против оккупации Австро-Венгрией всей территории Боснии и Герцеговины. Споры по поводу оценки Рейхштадта до сих пор продолжают в

югославской историографии. Так, М. Экмечич полагает, что уже в Рейхштадте Балканы были разделены на сферы влияния между Россией и Австро-Венгрией. Он отмечает при этом закономерность русских уступок Австро-Венгрии, т.к. Россия, по его мнению, уже с 40-х годов XIX века была против объединения вокруг Сербии южных славян [20. С. 490-497]. Неосновательность подобной трактовки русской политики в отношении Сербии очевидна. Достаточно обратиться к сюжетам русско-сербских отношений в период правления князя Михаила и создания первого Балканского союза.

Доказывая, что Россия была заинтересована, в особенности после поражения в Крымской войне, в создании крупного славянского государства на Балканском полуострове, С.А. Никитин писал, что «... по мнению Горчакова Сербии предстояло сыграть особую роль на Балканах. Обладая известной военной организацией и упорядоченной администрацией, «Сербия, - говорил он, - станет силою вещей ядром, вокруг которого будет группировка, или точкой опоры для христианских народов, когда они решат стряхнуть оттоманское господство» [21. С. 163-164].

На встрече в Рейхштадте русская сторона вынуждена была согласиться на пункт о недопустимости создания большого славянского государства в обмен на гарантии того, что Австро-Венгрия не будет угрожать Сербии оккупацией. «Существование Сербии гарантировано, - писал сербский митрополит Михаил А.А. Кирееву, - это и составляет хорошую сторону Рейхштадского свидания» [22]. Россия вынуждена была согласиться на неприсоединение Боснии к Сербскому княжеству, но продолжала отстаивать принципы национальной автономии Боснии и Герцеговины [23. С. 17-32]. Таким образом, неправомерны утверждения об «антисербской направленности русской стороны в Рейхштадте, напротив, можно говорить, соглашаясь с академиком Чубриловичем, о защите Россией сербских национальных интересов [24. С. 260].

О ряде вопросов, обсуждавшихся в Рейхштадте и касавшихся сербских интересов, Горчаков поставил в известность сербское правительство через присланного Ристичем для переговоров о займе председателя сербского кассационного суда М. Протича [25]. Вернувшись из Рейхштадта, Горчаков принял Протича, который впоследствии напишет следующее о результатах этой встречи: «на счет лучшей будущности Сербии не только не вынес из кабинета министра иностранных дел утешений, но, напротив, вышел оттуда в отчаянии» [26]. В данном случае речь идет о впечатлении, которое произвело на Протича сообщение Горчакова о русском нейтралитете и о судьбе Боснии. В.И. Ламанский так передавал слова Горчакова в письме к Аксакову: «Три раза категорически объявляет Протичу, что вы Боснию не получите ни за что, хотя бы и разбили турок... В случае самого лучшего для вас исхода может быть, дадут вам что-нибудь для округления границ» [27].

На наш взгляд, наиболее ярко охарактеризовать взаимоотношения сербского и русского правительств позволит исследование проблемы внутреннего займа Сербии в России.

Милослав Протич, ставший впоследствии сербским представителем при русском дворе, должен был добиться для Сербии русского займа, т. к. получить заем на ведение войны во Франции, Бельгии и Голландии не удалось. Сербия нуждалась в средствах, в конце апреля в княжестве был объявлен внутренний добровольный и принудительный заем на сумму 12 млн. динаров [28]. О чем не преминули сообщить официальные белградские газеты [29]. Поскольку официальная Россия в апреле – мае 1876 г. демонстрировала перед Европой свое неодобрение военных приготовлений Сербии, Протичу следовало связаться с лидерами славянских комитетов. Предваряя его приезд, митрополит Михаил обратился с письмами к А.А. Кирееву, Н.А. Попову, И.С. Аксакову с просьбой помочь сербскому послу и «пособить ему советами, куда обратиться и что делать для пользы родной ему Сербии» [30.] Аксаков, в свою очередь, снабдил Протича рекомендательными письмами в Петербург и стал хлопотать о размещении займа в Петербурге и Москве, [31] подключив к делу брата В.И. Ламанского, управляющего Государственным банком [32]. В своем дневнике Ф. В. Чижов писал: «И вот

тут они, то есть Ламанские, составили план, чтобы частные банки взяли на себя выдать казенные деньги» [33]. То есть фактически под прикрытием частных банков финансировать Сербию взялось русское правительство. Заем, правда, шел медленно, и из обещанных 4 млн. рублей к моменту окончания войны было предоставлено Сербии 2.130.000 руб.[34]

Сам факт согласия выдать Сербии заем свидетельствовал, что уже в июле 1876г. Россия начала отступать от решений Рейхштадта о невмешательстве. Д.А. Милютин записал в своем дневнике 10 июля 1876г.: « ... я узнал сегодня, под строгой тайной, что государственный канцлер несколько отступил уже от своей системы безусловного нейтралитета и согласился на провоз оружия к сербам и болгарам. Государь разрешил министру финансов дать соответствующие секретные инструкции нашим таможням, Императрица усугубляет свое сочувствие к балканским славянам, посылает от общества Красного Креста врачей и госпитальные вещи» [35].

Нужно отметить, что это было не единственное свидетельство того, что официальная Россия принимала живое участие в судьбе сербского княжества. Так, например, в донесении от 5 августа 1876г. Карцов передает благодарность сербского военного министерства за 12 экземпляров подробной карты Турции, переданной « при весьма секретном предписании». Русское правительство внимательно следило за ходом сербо-турецкой войны, за снабжением сербской армии [36] запрашивало у Карцова уже в июле имена и «подробности образа действий» русских офицеров-добровольцев [37]. Император выразил желание иметь в главной квартире сербской армии официальное лицо, для этого в Сербию был командирован под видом добровольца полковник генерального плана Д. П. Дохтуров, который должен был заниматься официальными донесениями из Сербии [38. С. 68.] С такой же миссией был прикомандирован к кн. Николаю в Черногории полковник Боголюбов. Задача, поставленная перед Дохтуровым - помогать Черняеву в планировании боевых операций и передавать в русское военное министерство подробные отчеты о событиях войны [39. С. 67].

Наибольшую активность русская дипломатия проявляла в вопросах заключения перемирия Сербии с Турцией. При этом, понимая, что в переговорах о мире не удастся избежать вмешательства европейских держав, русское правительство старалось повлиять на Милана, чтобы он продолжил войну. После этой рекомендации от 6 августа 1876г. Милан временно отклонил услуги австрийского, французского и итальянского агентов, предложивших «помочь Сербии своим посредничеством в пользу мира» [40. С. 295-309]. Но после тяжелых боев в районе Шуматоваца, Милан, 12 августа все же, пригласил представителей шести держав, объявив им, что, «желая видеть восстановление мирных отношений Сербии с Портой, он просит их о добрых услугах для прекращения войны» [41].

В дальнейшем, вплоть до ультиматума 18 октября 1876г., Россия в вопросах перемирия занимала в противовес остальным державам позицию, наиболее полно отражавшую интересы Сербии. Дважды, под угрозой разрыва дипломатических отношений, 3 и 26 сентября, Россия заставляла Турцию идти на переговоры о перемирии [42]. Отстаивая при этом интересы Сербии, Россия в противовес остальным державам не советовала Сербии соглашаться на предлагаемое турками шестимесячное перемирие, которое пошло бы на пользу только Турции, а сербские силы к весне истощились бы полностью [43].

Важно, что среди английских политиков не было единого мнения по вопросу решения проблемы урегулирования сербо-турецкого конфликта. Так, Дизраэли был склонен к решительным действиям, тогда как лорд Дерби к более сдержанным. Примером этого может служить традиционная речь, которую премьер-министры произносят ежегодно в ноябре в Гилдхолле, резиденции лондонского лорд-мэра. Выступление Дизраэли облетело весь мир, заставив гадать, означает ли оно готовность не останавливаться перед войной: «Хотя политикой Англии является мир, - заявил премьер-министр, - не существует страны, более подготовленной к войне. Если она вступит в конфликт за правое дело..., если встанет вопрос о ее свободе, независимости, империи, ее ресурсы, я верю, неиссякаемы. Англия не та

страна, которая, вступая в компанию, спрашивает себя, выдержит ли она вторую или третью» [44]. Санкт-Петербургские ведомости писали 12 июля 1876г.: «Из Лондона телеграфируют, что министр иностранных дел лорд Дерби, принимал в прошлую пятницу депутацию, состоящую из нескольких членов палаты общин и вручивших ему меморандум, в котором было выражено единодушное желание, чтоб британское правительство воздерживалось от всякого непосредственного вмешательства в турецкие дела и сохраняло относительно их безусловный нейтралитет» [45. С. 97-103].

Подобное положение не преминуло обратить на себя внимание Европы и России. Уже через день, после выступления Дизраэли, Александр II заявил, что миролюбие России не безгранично, и она не остановится перед войной во имя прав южных славян [46]. Глава московского славянского комитета И.С. Аксаков писал князю В.А. Черкасскому 24 июня 1876г.: «Каковы дела! Знаете, мне кажется, что английское министерство несколько обочлось и вызовет сильную оппозицию в самой Англии. ... Все зависит теперь от успехов Черняева, и тогда дело вступит в другой фазис, - во всяком случае не тот, который входил в первоначальные соображения Дизраэли и Дерби. Но кажется, нам ни в коем случае не миновать войны к будущему году, и в случае победы и в случае поражения Сербии» [47].

На основе изложенного материала можно сделать вывод, что война между Сербией и Турцией в наибольшей степени затрагивала государственные интересы таких европейских держав как Россия и Австро-Венгрия. Первая стремилась к приобретению более значительного влияния на Балканах за счёт усиления братских славянских народов, а вторая, наоборот, опасалась возникновения на своих границах сильного славянского государства. В период рассматриваемого кризиса формируется альянс России и Франции, в противовес дипломатическому союзу Германии и Австро-Венгрии. Причём это объясняется не только разными интересами указанных государств на Балканах, но и спецификой международных отношений после Франко-Прусской войны. Париж и Берлин, несмотря на то, что к тому времени не испытывали сильной заинтересованности в Балканских делах, тем не менее, начинают втягиваться в русло более активной политики по отношению к Восточному кризису, который становится как бы индикатором, свидетельствующим о сущности расхождений во внешнеполитических интересах великих держав не только в конкретном Балканском, но и в общеевропейском масштабе. В скрытой, латентной форме в годы сербо-турецкой войны мы видим те закономерные противоречия в политике европейских держав, которые более ярко проявились в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг., во время подписания Сан-Стефанского мирного соглашения, на Берлинском конгрессе и т.п.

Анализ результатов рейхштадтских переговоров позволяет нам сделать вывод о том, что Россия заметно активизировала свою политику на Балканах, и это проявилось в поддержке Сербии в дипломатическом и финансовом плане (тем более что Россия не собиралась строго придерживаться духа устной рейхштадтской договорённости). В этом отношении мы не можем оценить действия России в рассматриваемый период как «предательские» по отношению к братскому сербскому народу. Конечно, следует признать, что помощь Российской Империи Сербии не была бескорыстной, что русская дипломатия преследовала в этом регионе в первую очередь интересы Санкт-Петербурга, а не Белграда. Тем не менее, русские интересы, в которые значительные коррективы вносило и просербское общественное мнение в России, были более близки сербским, нежели каким бы то ни было другим (например, британским).

Библиографический список

1. Международные отношения на Балканах 1856-1878гг. - М., 1986. - 250 с.
2. Politische Correspondenz, der 12(24). juni 1876. Л.3

3. РГВИА. Ф.846.ВУА.Оп.1.Д.3.Л.58

4. **Конобеев, В. Д., Мазаев, В. И.** Россия и национально-освободительное движение болгарского народа (От Апрельского восстания 1876 г. до русско-турецкой войны 1877-1878 г.) / В. Д. Конобеев, В. И. Мазаев // 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. 1877-1878. - М., 1978. - С.11-18.

5. **Вяземская, Е. К.** Босния и Герцеговина во внешнеполитических планах России в 50-70-х годах XIX в. / Е. К. Вяземская // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в.-1878г.) - М., 1995. - С.100-119.

6. Прим.: Полный текст австрийского варианта был впервые опубликован в кн.: Pribram A. Die politische Geheimver-tragt Osterreichs-Ungarn. 1919. Idem. The Secret Treaties of Austro-Hungary. Cambridge. 1920-1921.

7. Сборник договоров России с другими государствами 1956-1917. - М. : изд-во ПОЛИТ. ЛИТ - ры 1952. – 340 с.

8. **Mackenzie, D.** The Lion of Tashkent. Athens, 1975; Anderson M. The Eastern Question N. Y. 1966; Sumner B. H. Russia and the Balkans, 1870-1880 London, 1937; Stojanovic M. The Powers and the Balkans, 1875-1878. Cambridge, 1939

9. **Никитин, С. А.** Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70 гг. XIX в. / С. А. Никитин // История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963.- С. 25-38.

10. **Бочкарева, С. И.** Русско-сербские отношения в начале Восточного кризиса 70-х годов XIX в. / С. И. Бочкарева // Советское славяноведение. - 1977. - №4. - С.37-47.

11. ОР РГБ, Ф.126, К.6, Л.125.

12. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х томах. Т.1-3. - М., 1961-1967. - Т.1. Док.8.

13. Там же, Док.16.

14. Новое время, 1 июля 1876., №121.

15. **Чубриловић, В.** Рајхштатски споразум (8 јул. 1876), «Српски књижевни гласник». Нова серија. Београд, 1931, Кн. XXXIII, бр.3,- С.187-194; бр.4, - С.280-298.

16. Там же, - С.293.

17. В дальнейшем В. Чубриловић продолжал отстаивать эту точку зрения в своих работах: «Историја политичке мисли у Србији XIX века». Београд, 1958. и др.

18. См.: **Samner, V. H.** Russia and the Balkans. 1870-1880. London, 1937.

19. Југословенски историјски часопис, Љубљана – Загреб - Београд, 1939, година IV св.1-2., - С.118-122.

20. **Екметић, М.** Историјски значај народних устанка у Великој восточној кризи од 1875 до 1878 године.- // « Србија у завршној фази велике Источне кризи. (1877-1878). Београд, 1980. - С.490-497.

21. **Никитин, С. А.** Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70 гг. XIX в. / С. А. Никитин // История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963. - С. 25-38.

22. ОР РГБ, Ф.126, К.6, ЛЛ.126 об. - 127.

23. См.: **Вяземская, Е. К.** Российская дипломатия и вопрос об автономии Боснии и Герцеговины в 1876г. / Е. К. Вяземская // Советское славяноведение. - 1984. - №1. - С.100-119.

24. **Чубриловић, В.** Историја политичке мисле у Србији XIX века. Београд, 1958. 195 с.

25. Прим.: Протич был направлен в Россию в конце мая – начале июня 1876г. // Освобождение Болгарии от османского ига ... Док. 120.

26. Освобождение Болгарии от турецкого ига ...Т.1, Док.154.

27. ОР ГПБ-СЦ. Ф.14, Д.195. Л.5 об.

28. АВПРИ. Ф.151. Политархив.1866-1876. Оп.482. Д.2917.
29. РГВИА. Ф.ВУА.1876. Оп.1. Д.3.Л.20.
30. Освобождение Болгарии ... Т.1. Док.120,146; ОР РГБ. Ф.239, К.13, Д.48, ЛЛ.21-22.
31. ОР РГБ. Ф.332, П.15, Д.10. Л.22 об.
32. ОР ГПБ СЦ. Д.128. Л.1-1об (Письмо Е.И. Ламанского к Аксакову от 16.VII.1876г.)
33. ГБ. Ф.332, К.3, Д.4, Л.124 об.-125.
34. **Милосљевић, П.** Припреме Србије за рат са Турском 1876. Београд, 1978. С.135-138; ОР РГБ.Ф.332, П.15, Д.10. Л.25.об
35. **Милютин, Д. А.** Дневник Д. А. Милютина / Д. А. Милютин Т. I-IV. Т.II. - М., 1947-1950.
36. АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1876. Д.16, Л.392.
37. АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1876. Д.17, Л.310.
38. **Милютин, Д. А.** Дневник, Т.II.
39. Там же.
- 40.См.: «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны на Балканском полуострове», вып.V. - СПб., 1904. – 278 с.
41. АВПРИ. Ф. Канцелярия, Д.16, ЛЛ. 412-415;.
42. Там же, Л.420.
43. **Милютин, Д. А.** Дневник, Т.II.; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д.17, ЛЛ.205-235,325-334.
44. Историја српског народа: од првог устанка до Берлинског конгресса. 1804-1878. - Кн.5, Т.1, Белград, 1981 - С.387-390; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д.17. 1876. ЛЛ.239,334,337.
45. История дипломатии, Т.II. 1963.
46. The Times. 10.XI.1876.
47. Санкт-Петербургские ведомости. 14 июля 1876. №181. Л.4.

УДК 908(470.324)

*ГБУ ВО Областной центр развития
дополнительного образования, гражданского и
патриотического воспитания детей и молодежи
старший методист, к.и.н. С. Р. Демидов
Россия, г. Воронеж,
тел. (473)2-31-73-86
e-mail: st.legion.2000@yandex.ru*

*VR SBI Regional Development Centre of additional
education, civil and patriotic education of children and
youth Senior methodologist, Ph.D. in History
S. R. Demidov
Voronezh, Russia
tel. (473)2-31-73-86
e-mail: st.legion.2000@yandex.ru*

С. Р. Демидов

**ТРУДОВОЙ ВКЛАД В ПОБЕДУ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВОРОНЕЖСКОЙ
ОБЛАСТИ (1943 -1945 ГГ.)**

В статье показана роль сельской молодежи Воронежской области в укреплении сельского хозяйства области в годы Великой Отечественной войны. Период 1943-1945 гг.

Ключевые слова: молодежь, комсомол, социалистическое соревнование, восстановление хозяйства.

S. R. Demidov

**LABOR CONTRIBUTION TO THE VICTORY OF RURAL YOUTH VORONEZH
REGION (1943 -1945)**

The article shows the role of the rural youth of the Voronezh region in enhancing agriculture field during World War II. The period 1943-1945.

Key words: youth, komsomol, socialist competition, recovery of the economy.

В ходе зимней наступательной компании 1943 года Красная Армия провела ряд успешных операций, нанеся сокрушительный удар армиям гитлеровской Германии. Фронт был прорван и стремительно покатился на Запад. В освобожденных от фашистской оккупации районах восстанавливалась Советская власть, и советские люди приступали к ликвидации последствий вражеского нашествия.

В результате Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторенской операции (январь-февраль 1943 г.) Воронежская область была полностью очищена от немецко-фашистских захватчиков, которые нанесли огромный ущерб ее народному хозяйству.

По данным областной комиссии по расследованию злодеяний и учету материального ущерба, нанесенного гитлеровскими войсками в оккупированных сельских районах области убито и замучено 4911 человек и 4476 угнано в Германию.

За время оккупации Воронежской области немецко-фашистскими захватчики и их сообщники отобрали у колхозов и государственных сельско-хозяйственных предприятий 469468,5 центнеров зерна, 60990,9 центнера картофеля, 10465,1 центнера овощей, 105022 головы крупного рогатого скота, 166753 голов овец и коз, 85620 свиней, 88232 лошади, 578125 голов домашней птицы, 92291 пчелосемью; уничтожили и вывезли 130809 сельскохозяйственных машин, 10650 штук разного сельскохозяйственного инвентаря, разрушили 43840 строений хозяйственного назначения [1. С.163].

Общий объем ущерба только колхозному хозяйству области составил 6,638774,9 тысяч рублей [1. С. 164].

В январе-апреле 1943 г. ЦК ВКП(б) и Советом Народных Комиссаров принимаются ряд постановлений, в которых намечаются мероприятия по восстановлению МТС, колхозов, производству сельскохозяйственных машин и орудий, по увеличению поголовья скота в колхозах и совхозах и повышению его продуктивности [2. С. 90-94, 97-117, 121-130]. В этих постановлениях партия и правительство не только ставили задачи, которые необходимо было решить в кратчайшие сроки, но и определяли размеры помощи, а именно: было решено вернуть в освобожденные районы ранее эвакуированную технику, послать в них наиболее опытные кадры механизаторов, агрономов и других работников МТС, колхозов и совхозов. Кроме того, устанавливался четкий план производства сельско-хозяйственных машин. Ориентируя партийные, советские и хозяйственные органы на скорейший подъем сельского хозяйства, Центральный Комитет партии указывал на необходимость усиления партийно-политической работы на селе и активизацию райкомам ВКП(б) работы с руководящими работниками МТС и совхозов [3. С. 60-64]. В ускоренном возрождении колхозов, совхозов и МТС огромную роль сыграло постановление ЦК партии от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Для быстрого восстановления и создания условий для дальнейшего подъема животноводства предлагалось вернуть колхозам области эвакуированный ранее скот. Постановление предписывало вернуть в Воронежскую область из: Тамбовской области 957 голов крупного рогатого скота, 3596 овец и коз, 648 лошадей; Саратовской области 7272 головы КРС, 13519 овец и коз, 2525 лошадей; Сталинградской области 1236 голов КРС, 2752 овец и коз, 581 лошадь; Казахской ССР 74 головы КРС, 361 овцу и козу, 20 лошадей. Всего голов КРС 9539, коз и овец 20228, лошадей 3774. [3. С. 69.] На восстановление МТС и машино-тракторных мастерских ассигновалось 5 млн. рублей. [3. С. 83.] Кроме того, в область было решено направить 25 агрономов, 3 зоотехника, 7 землеустроителей, 3 инженера-механика, 7 ветврачей, оканчивающих сельскохозяйственные ВУЗы в 1943 году. [3. С. 88.] Значительную помощь в укреплении колхозов, совхозов и МТС кадрами оказали советские люди со всей страны. Только в 1943 г. Из Тамбовской, Саратовской и Свердловской областей в Воронежскую область прибыло 384 специалиста сельского хозяйства, в том числе 15 директоров МТС, 30 бухгалтеров, 50 бригадиров МТС, 40 агрономов, 200 трактористов [4. С. 234].

Несмотря на усилия трудящихся, на оказанную государством помощь, Воронежская область не сумела полностью справиться с возникшими трудностями и выполнить годовой государственный план сдачи продуктов сельского хозяйства. План по хлебозаготовкам на 25 декабря 1943 г. был выполнен на 61%, по подсолнечнику – на 63,4%, картофеля – на 92%, овощей – на 65%. Урожайность также оставалась низкой [5. С. 370]. Такое положение создалось: во-первых, было следствием оккупации (сокращение посевных площадей, поголовья скота, уничтожение колхозов, совхозов, МТС), во-вторых, резко снизилась механизация работ в сельском хозяйстве, значительно сократилось количество тракторов и других сельскохозяйственных машин, а промышленность еще не могла выпускать необходимое их количество, т.к. основное внимание уделялось обеспечению Красной Армии боевой техникой. Поэтому сельскохозяйственные работы проводились, как правило, вручную. Сохранились фотодокументы тех лет, на которых можно увидеть цепочку стариков, женщин и подростков, сеющих зерно с лотка или косами и серпами на уборке урожая. Сказывалась острая нехватка рабочих рук – следствие продолжавшихся боевых действий на фронте. В-третьих, имелись серьезные недостатки в руководстве сельским хозяйством со стороны обкома и райкомов партии.

В 1944 году партийные, советские и хозяйственные организации учли опыт 1943 г. И справедливую критику и мобилизовали все силы на борьбу за восстановление сельского хозяйства области. Шире развернулось социалистическое соревнование. Колхозники Радченского района взяли обязательства посеять сверх плана 1000 га яровых культур [6].

В сельском хозяйстве области в годы войны возросла роль молодежи. XII пленум ЦК ВЛКСМ принял специальное решение «О ближайших задачах работы комсомола в деревне». Он указал на большое значение участия сельских комсомольцев в борьбе за проведение весеннего сева, улучшение работы МТС, повышение урожайности. Главной задачей сельских комсомольцев являлась мобилизация всей молодежи на выполнение государственного плана сельскохозяйственных работ. Молодежь области шире и организованнее включилась в борьбу за новый урожай. По призыву бутурлиновских комсомольцев в области организовываются комсомольско-молодежные звенья, борющиеся за 100 пудовый урожай с гектара.

К середине июня уже насчитывалось 1200 бригад [6]. Значительную помощь оказали и школьники. Они заняли место своих отцов и братьев, которые добивали фашистского зверя. Учащиеся младших классов проводили прополку, а старшие – помогали пахать.

«...В настоящее время (т.е. в июне-июле 1944 г.) школьники в массовом порядке участвуют в прополочных работах. Так, например, в Гремяченском районе на прополочных работах, - сообщалось в отчете Воронежского отдела народного образования облисполкома Наркомпросу РСФСР - занято 13504 учащихся, в Репьевском - 1200» [4. С. 242].

Чтобы восполнить нехватку механизаторов МТС, мобилизованных в Красную Армию, женщины и девушки стали обучаться искусству вождения сельскохозяйственных машин. И уже в период весеннего сева 1944 г. На трактор село около 10 тысяч девушек, что составило 60% общего состава механизаторов [7. С. 303].

Не только на войне, но и в тылу юноши и девушки показывали достойный пример служения любимой Отчизне, делали все возможное, чтобы всем миром одержать победу. На заводах, фабриках комсомольцы выступали застрельщиками соревнования среди молодежи, оказывали активную помощь партийным и советским органам в наращивании боевого потенциала страны.

Широкому размаху социалистического соревнования в Воронежской области способствовали постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», «О проведении весеннего сева 1943 года», постановление Государственного Комитета Обороны от 25 апреля 1944 г. «О Всесоюзном социалистическом соревновании колхозов, МТС, районов, областей, краев и республик за высокий урожай и подъем животноводства».

На весеннем севе 1944 г. в Воронежской области состязалось 1308 комсомольско-молодежных звеньев, которые объединяли 9342 комсомольца и молодежи. Закрепленная за ними земельная площадь составляла 28 908 гектаров. В период подготовки к весеннему севу звенья вывезли 63 804 тонны навоза, собрали и внесли 22 302 центнера золы, 5844 центнера птичьего помета. В кружках агротехники было подготовлено 767 звеньевых и 3393 члена звеньев.

На заключительном этапе войны, воодушевленные победами Советской Армии, комсомольцы Воронежской области еще активнее развернули социалистическое соревнование. В 1945 г. во Всесоюзном социалистическом соревновании участвовало 720 молодежных тракторных бригад, более 2 тыс. комсомольско-молодежных звеньев высокого урожая. Они охватывали 3116 комсомольцев и 11915 человек несоюзной молодежи. Закрепленная за ними площадь пашни достигла 65 135 гектаров. Но лучше всех поработали авторы почина — молодежные звенья Бутурлиновского района. На 3683 гектарах сев ранних яровых они провели за 3 рабочих дня вместо 6 по плану, а сев поздних яровых — в 2 рабочих дня вместо 4 [8. С. 30-31].

По данным на 1 июня 1944 г. План весенних полевых работ был выполнен на 110,7%. Лучшие МТС: Казинская, Ново-Калитвянская, Богучарская, Бобровская и Евдаковская выполнили план на 150-190% [6]. Кроме того, менее чем за год в области вновь было организовано 1601 ферма крупного рогатого скота, 1173 свиноводческих и 1335

овцеводческих ферм [6]. Партия и правительство высоко оценили достижения трудящихся Воронежской области, присудив им переходящее Красное Знамя ГКО, [5. С. 303] Буденовскому району было также присуждено переходящее Красное Знамя ГКО, а Бобровской МТС переходящее Красное Знамя Наркомзема СССР [6]. В освобожденных районах смогли вновь начать работу все МТС и МТМ. Благодаря упорному труду колхозников к 1945 г. Вступили в строй около 4500 животноводческих ферм, 1631 конюшни, 1695 коровников, 1047 свинарников [6]. Понимая значение подъема сельского хозяйства, как одного из условий скорейшей победы над врагом, значительную помощь труженикам села оказывали рабочие заводов области. Укрепилась такая форма помощи как шефство над МТС. Рабочий коллектив Воронежского завода им. Калинина взял шефство над Больше-Покровской МТС, Борисоглебский чугунно-литейный завод – над Борисоглебской МТС, Лискинские железнодорожники – над Пуховской и Средне-Икорецкой МТС. Плечом к плечу с работниками МТС трудились и рабочие, посланные для оказания им шефской помощи. Оставшиеся на заводах работники брали социалистические обязательства дать деталей для сельскохозяйственных машин больше и лучшего качества.

Стремясь добиться бесперебойного снабжения фронта продукцией в достаточном количестве и достаточно высокого качества, чтобы обеспечить материально-техническое превосходство нашей армии над армией нацистской Германии, партия и правительство старались в первую очередь развить соответствующие отрасли экономики. Все усилия были направлены на обеспечение Красной Армии всем необходимым. Только колхозы Воронежской области сдали в фонд Красной Армии и обороны Родины в 1943-1945 гг. 90263,2 тонн хлеба, 62446 кг мяса и сала, 379658 литров молока [4. С. 274-275].

Библиографический список

1. Воронежская область в Великой Отечественной войне // Сборник документов и материалов. Воронеж. - 1948. – С.163.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. т.3. М., 1968, С.С. 90-94,97-117, 121-130.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 6. – М., 1971. – С. 60-64.
4. Во имя Победы (Воронежская областная партийная организация в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.). Сборник документов и материалов. Воронеж. – 1975. – С. 234.
5. Очерки истории Воронежской организации КПСС. – Вор. Обл. книж. изд-во. - С. 370.
6. Коммуна, 14 мая 1944 г., 28 мая 1944г.
7. Очерки истории Воронежской области. ч. II. С. 303.
8. Политическая работа № 8, 1988, С. 30-31.

УДК 94

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,
Магистрант О. С. Замерина,
Россия, г. Воронеж, тел. 8 951 874 27 72;
e-mail: zamerina_olga@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Undergraduate O. S. Zamerina.
Russia, Voronezh, tel. 8 951 874 27 72;
e-mail: zamerina_olga@mail.ru*

О. С. Замерина

ВЛИЯНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА НА КУЛЬТУРНУЮ И ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ РУСИ

В статье рассматривается влияние татаро-монгольского ига на культурное процветание Руси и духовную жизнь народа. Несмотря на все трагические последствия завоевания, были и положительные факторы, которые заставляют посмотреть по-новому на данную страницу истории.

Ключевые слова: Татаро-монголы, иго, золотая орда, культура, духовная жизнь, восток.

O. S. Zamerina

INFLUENCE TATAR-MONGOL YOKE ON THE CULTURAL AND SPIRITUAL LIFE OF RUSSIA

The article examines the impact of the Mongol-Tatar yoke in Russia and the cultural prosperity of the spiritual life of the people. Despite all the tragic consequences of the conquest, there were also positive factors that make the watch a fresh look at this page of history.

Key words: Tatar-Mongols, yoke, golden horde, culture, spiritual life, east.

За свою более чем тысячелетнюю историю Россия пережила немало событий, которые коренным образом влияли на ее дальнейшую судьбу. Следует признать, что практически все они могут считаться переломными. Переломными, потому что не просто изменяли направление дальнейшего развития страны, а зачастую кардинально перестраивали государственное и общественное устройство или вообще ставили вопрос о существовании и независимости России.

Одним из таких событий, дискуссия вокруг которого продолжается вплоть до настоящего времени и имеет принципиальный характер, являлось вторжение монголо-татар на русские земли и последовавший затем период так называемого «ига» [1].

Вопрос о воздействии татаро-монгольского нашествия и последовавшего за ним ига на развитие русского общества – один из самых сложных в истории Руси. Безусловно, что они повлияли на демографическое, хозяйственное, социальное, политическое и культурное развитие древнерусских земель [2. С. 8].

Преимущественно российские ученые характеризуют нашествие исключительно с отрицательной стороны.

Поход Батыя и 240-летнее иго разорили Русь. По подсчётам археологов, 49 русских городов были уничтожены Батыем. В 14 из них жизнь прекратилась навсегда, 15 превратились в сёла, возродились лишь 20. За последнюю четверть XIII в. Орда совершила 15 набегов на Русь.

Переяславль-Залесский разрушался 4 раза, Муром, Суздаль, Рязань – 3 раза, Владимир – 2 раза.

В 1293 г. войско полководца Дюдены (Тудана) – «Дюденева рать» по приказу хана Тохты разорила 14 городов (Владимир, Суздаль, Москву, Муром, Переяславль и др.).

Во Владимире мародёры Дюдены даже вырвали медные плиты из пола Успенского собора. Историк В. Даркевич оценивает нашествие как «глобальное бедствие, катастрофические последствия которого были неисчислимы» [2. С. 9-10].

Безусловно, недооценивать влияние татаро-монгольского ига было нельзя. В народе монголов боялись и ненавидели, во многом опасаясь того, что они попытаются изменить государство по собственному образцу, либо предпримут попытки проникновения своей религиозной системы в духовную жизнь славян, когда те отдавали предпочтение лишь православию.

Татаро-монгольское господство, растянувшееся почти на два с половиной столетия, стало для Руси страшным потрясением.

Разрушительность этого нашествия не вызывает ни малейших сомнений, но вопрос о том, как именно оно повлияло на историческую судьбу России, по-прежнему остается открытым. По данному вопросу противостоят друг другу два крайних мнения, между которыми находится целый спектр промежуточных позиций. Сторонники первой точки зрения вообще отрицают сколько-нибудь значимые исторические последствия монгольского завоевания и господства. В их ряду, например, Сергей Платонов (1860–1933), который провозглашал иго лишь случайным эпизодом национальной истории и сводил его влияние к минимуму. По его словам, «мы можем рассматривать жизнь русского общества в XIII веке, не обращая внимания на факт татарского ига» [3. С. 110]. Последователи другой точки зрения, евразийцы, напротив сошлись во мнении, что без «татарщины» не было бы России.

«Несмотря на опустошения, произведенные монгольскими войсками, несмотря на все поборы баскаков, в период монгольского владычества было положено начало не только политическому возрождению России, но и дальнейшим успехам русской культуры. Вопреки часто высказывавшемуся мнению, даже влиянию европейской культуры Россия в московский период подвергалась в гораздо большей степени, чем в киевский» [4. С. 171-172].

Влияние монгольского завоевания на развитие Руси, в частности культурное, преимущественно в исторических трудах определяется как отрицательное. По мнению большинства историков, наступил культурный застой, выразившийся в прекращении летописания, каменного строительства, в падении грамотности т.д. Признавая данные последствия, и во многом соглашаясь с ними, следует отметить существование других исторических фактов, которые не всегда можно оценить с негативной точки зрения.

Восточные обычаи распространялись неудержимо на Руси во время монголов, принося с собой новую культуру. Изменилась общий образ одежды: от белых длинных славянских рубах, длинных штанов они перешли к золотым кафтанам, к цветным шароварам, к сафьяновым сапогам. Одежда на восточный манер [5].

Большое изменение быта внесло то время в положение женщин: домашний быт русской женщины пришел с Востока. Кроме этих крупных черт повседневного русского быта того времени, счеты, валенки, кофе, пельмени, однообразность русского и азиатского плотнического и столярного инструмента, сходство стен кремлей Пекина и Москвы — все это влияние Востока.

Церковные колокола, это специфическая русская особенность, пришли из Азии, оттуда и ямские колокольцы. До монголов в церквях и монастырях применяли не колокола, а «било и клепало». Литейное искусство было развито тогда в Китае, оттуда и могли прийти колокола [5].

В Поволжье остатки домов с облицовкой мрамором, водопроводы, надгробия, части серебряных вещей, венецианское стекло свидетельствуют о жизни монголо-татарских культурных сородичей XIII-XIV вв. И отношений с другими народами Востока [6].

Влияние Востока наложило свой отпечаток на народное творчество. Значительная часть великорусских народных песен, старинных и свадебных обрядов составлена, в так называемой «пятитонной», или «индокитайской» гамме. Эта гамма существует, как единственная, у тюркских племен бассейна Волги и Камы, у башкир, у сибирских татар, у тюрков Туркестана, у всех монголов.

Такое же своеобразие представляет и другой вид искусства — танцы. В то время как на Западе в танце должно быть наличие пары — кавалера и дамы, в танцах русских и восточных народов это не важно. Танцуют в одиночку, а когда и парой, то присутствие дамы не обязательно, танцевать могут два кавалера вместе или по очереди, так что элемент соприкосновения не играет в них такую видную роль, как в западных танцах. Движениям мужчины дается простор для импровизации. При движении ног заметно стремление к неподвижности головы, особенно у женщин.

Стиль русской сказки имеет аналогию со стилем сказок тюрков и кавказцев. Русский эпос по своим сюжетам связан с «туранским» и степным «ордынским» эпосом [6].

К положительным последствиям также можно отнести создание высоких художественных образов во всех областях религиозного искусства: иконописи, религиозной литературе церковной музыке. Олицетворением этих достижений можно считать творчество Андрея Рублева. Очарование его творений кроется в гармонии нежных красок и чистом спокойствии композиции.

Известны имена и таких мастеров иконописи как Алимпий Печерский и Даниил Черный. Их творчество сопоставимо с мастерами итальянского Возрождения. В Новгороде и Пскове строятся каменные храмы: церковь Николы на Липне, церковь Успения на Волотовском поле, церковь Федора Стратилата и другие. В Новгороде сложилась местная живописная школа, на формирование которой оказал большое влияние великий византиец *Феофан Грек*. Будучи приглашенным на Русь, он принимал участие в росписях более 40 церквей. Его живописная манера была своеобразна, неповторима, его иконы, образы святых — Христа Пантократора и др. дышат страстностью, духовной энергией и внутренним напряжением. Феофан Грек познакомил русских мастеров с византийским искусством и стал огромным явлением в художественной жизни Москвы. Он расписывал церкви и терема Московского кремля, работал вместе с Андреем Рублевым и Прохором из Городца над росписями Благовещенского собора [11].

Определенное влияние на древнерусскую культуру оказали связи с кочевым Востоком. Русские и кочевники не только воевали, но и напрямую торговали между собой. Хазары, скифы-сарматы, города Причерноморья, Закавказья и Средней Азии вступали в культурные контакты с Московской Русью.

Религиозно-национальный подъем той эпохи на Руси стал мощным фактором национального самосознания и культуры, чему в немалой степени объективно способствовала веротерпимость ордынской элиты. Этот период был свидетелем расцвета русской религиозной живописи в форме и фресок, и икон. Создавались описания жития святых, а также биографии некоторых русских князей. Центральной идеей этих произведений было и то, что монгольское иго — это кара Божья за грехи русского народа и что только истинная вера может вывести русских из этого тяжелого положения [7].

Отметив все выше сказанное, приходишь к выводу, что монгольское иго в Азии и Европе способствовало не упадку, а, скорее наоборот, подъему культуры Руси.

По мнению многих историков, самое значительное, что привнесли монголы в развитие Руси, касалось не столько политического или культурного устройства страны, сколько духовной сферы.

“Велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам и никому другому. Татары — “нейтральная” культурная среда, принимавшая “всяческих богов” и терпевшая “любые культы”, — пала на Русь, как

наказание Божье, но не замутила чистоты национального творчества. Если бы Русь досталась туркам, заразившимся “иранским фанатизмом и экзальтацией”, ее испытание было бы многожды труднее и доля – горше. Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу [8. С. 343]. Татары не изменили духовного существа России; но в отличительном для них в эту эпоху качестве создателей государств, милитарно-организующей силы, они, несомненно, повлияли на Русь”[8. С. 344].

Можно без преувеличения сказать, что православная церковь свободно вздохнула во время владычества монголов.

От платежа тяжелой татарской дани было избавлено все русское духовенство с церковными людьми. Татары относились с полной веротерпимостью ко всем религиям, и русская православная церковь не только не терпела от ханов никаких притеснений, но, наоборот, русские митрополиты получали от ханов особе льготные грамоты, которыми обеспечивались права и привилегии духовенства и неприкосновенность церковных имуществ [6].

Вообще православное духовенство пользовалось у монголов почетом и покровительством. В 1270 г. хан Менгу-Тимур издал следующий указ: «на Руси не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополитов и подчиненных ему архимандритов, протоиереев, иереев и т.д.» Хан Узбек даже расширил привилегия церкви: «Все чины православной церкви все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню тот подлежит смерти без различия, русский он или монгол. Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами бога» [9].

Фактор, который трудно переоценить в развитии русской интеллектуальной и духовной жизни – это роль живших на Руси и обращенных в христианство татар и их потомков [10. С. 15]. Один из них Петр Ордынский, основатель монастыря в Ростове. Были и другие известные личности. Выдающийся русский религиозный деятель XV века, тоже основавший монастырь, Св. Пафнутий Боровский, был внуком баскака. В XVI веке боярский сын татарского происхождения по имени Булгак был посвящен в духовный сан, и после этого кто-либо из членов семьи всегда становился священником, вплоть до отца Сергия Булгакова, широко известного русского богослова XX века [10. С. 15].

Российский историк, доктор исторических наук *А. А. Горский* считает, что «не научно ставить вопрос о положительном или отрицательном влиянии монгольского нашествия на развитие русской государственности. История Золотой Орды – это часть истории России». И я полностью с ним согласна. Ведь каждое событие истории России, изменившее политический уклад, обыденную жизнь населения, не может оставаться однозначным. Оно обязательно сопровождается с одной стороны тяжелейшими последствиями, а с другой – обновлением существующих порядков, принесением нового, что не может, однозначно, трактоваться с негативной точки зрения.

Библиографический список

1. **Гринько, А. А.** Русь и монголо-татары: резкий поворот или продолжение естественного развития?// А. А. Гринько. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1026-rus-i-mongolo-tatary-rezkij-povorot-ili-prodolzhenie-estestvennogo-razvitiya>.
2. **Фроянов, И. Я.** История России от древнейших времен до начала XX века/ И. Я. Фроянов. –СПб., 1992. – 211 с.
3. **Платонов, С. Ф.** Лекции по русской истории (9 издание)/ С. Ф. Платонов. –Петроград, Сенатская типография., 1915. – 746 с.

4. **Бартольд, В. В.** История изучения Востока в Европе и России (2 издание)/ В. В. Бартольд. –Л., Ленинградский институт живых восточных языков, 1925. – 326 с.
5. Культура Руси во времена татарского ига. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.km.ru/referats/25CB64AABBA842F595BABBBDE592484DC>.
6. Культура Руси в период татаро-монгольского ига. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.http://art-alex.ru/2016/01/14/культура-руси-в-период-татаро-монгол>.
7. **Кадырбаев, А. Ш.** Золотая орда как предтеча Российской империи// А. Ш. Кадырбаев.. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ca-c.org/datarus/kadirbaev.shtml>.
8. **Савицкий, П. Н., Бицилли, П. М.** На путях. Утверждение евразийцев/ П. Н. Савицкий. – М., Берлин: Геликон, 1922. – 355 с.
9. Влияние монголо-татарского ига на развитие Руси. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib-5.ru/swing-34881.php>.
10. **Булгаков, С.** Автобиографические заметки/ С. Булгаков. –Париж, JMCA Press., 1946. – 467 с.
11. Русская культура периода золотоордынского ига. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mudriyfilosof.ru/2013/01/xiv-xv.html>.

УДК 94(4)

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж),
Кандидат исторических наук, преподаватель 205
кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин
А. М. Ипатов
Россия, г. Воронеж, тел. 8 (920) 466- 81-70
e-mail: molot.tora@mail.ru*

*Military Training Research Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu. Gagarin» (Voronezh),
PhD in History, lecturer of the 205th Department of Humanities and Social and Economic Sciences.
A. M. Ipatov
Russia, Voronezh,
tel. 8 (920) 466- 81-70
e-mail: molot.tora@mail.ru*

А. М. Ипатов

РУССКИЕ В ИНОСТРАННОМ ЛЕГИОНЕ В 1920-1945 ГГ.

В статье предпринята попытка исследовать участие русских эмигрантов в деятельности французского Иностранного легиона в 1920-1945 гг.

Ключевые слова: Иностраннный легион, Российская империя, Франция, эмиграция, Мировые войны.

А. М. Ipatov

THE RUSSIANS IN THE FOREIGN LEGION IN 1920-1945

In the article an attempt is made to explore the Russian immigrants' participation in the activities of the French Foreign Legion in 1920-1945.

Key words: French Foreign Legion, Russian Empire, France, emigration, *World wars*.

В далеком 1831 году во Франции для использования в колониальных войнах в Африке и Азии был создан Иностраннный легион. За прошедший с момента основания период это воинское объединение, подчиняющееся непосредственно французскому президенту, снискало славу одной из наиболее эффективных армий мира. Чтобы не перепутать легион с испанским аналогом, часто применяют словосочетание французский Иностраннный легион. Первоначально в его состав входили далеко не самые благонадежные граждане, довольно часто – уголовники, так как порядочные французы не желали подвергать свою жизнь опасности за достаточно низкую плату.

На сегодняшний день в легион входят представители разных стран и народов. Немало среди них и выходцев из России. Участие наших соотечественников в деятельности данного воинского объединения имеет свои богатые традиции. Первые русские легионеры появляются на рубеже XIX-XX столетий, в основном это малообеспеченные трудовые мигранты и переселенцы, устремившиеся на Запад по социально-экономическим, этническим и конфессиональным причинам [1. С. 204]. Во время революции 1905-1907 гг. в Российской империи количество ее подданных в Иностранном легионе увеличилось. Николай II спокойно относился к данному явлению.

Во-первых, с Францией были союзнические отношения, и отправка добровольцев из России в легион могла их укрепить. Во-вторых, зачастую уезжали неблагонадежные подданные, так что их удаление было даже на руку властям.

Настоящий бум вступления русских в Иностраннный легион произошел в годы Гражданской войны в России.

Особенностью этого этапа эмиграции стало то, что ряды легиона пополняли в первую очередь кадровые офицеры и опытные рядовые, то есть профессиональные военные, а не выходцы из крестьянской, рабочей и разночинской среды, преобладавшие в предыдущие годы. Особенно много русских солдат было завербовано после того, как на Лемнос и ряд соседних островов высадились остатки Добровольческой армии под руководством П. Н. Врангеля. Бывший участник Белого движения, впоследствии работавший журналистом в различных эмигрантских изданиях, Евгений Викторович Тарусский (настоящая фамилия – Рышков) писал, что на тот момент для многих будущее таило неизвестность. Он отмечал: «Офицер-эмигрант не мог, конечно, по мановению жезла переделать свою офицерскую душу. В той новой жизни, которая ему предстояла и являлась для него, можно сказать решением со многими неизвестными – он уже предрешено должен был быть: честным, правдивым, верным долгу и т. д. и т. д.» [2. С. 21]. Заметки Е. В. Тарусского были напечатаны в историко-публицистическом журнале «Часовой», который по замыслу редакции являлся органом связи русского воинства за рубежом. Порой руководство этого печатного органа сталкивалось с экономическими проблемами, а также с забастовками рабочих типографий. Важность продолжения издания «Часового» и других эмигрантских газет и журналов определялась тем, что в них виделось «важнейшее средство решения своих проблем: сохранить и даже приумножить военно-культурное наследие России в надежде использовать его впоследствии для возрождения в постбольшевистской отчизне российской армии, продолжающей дореволюционные воинские традиции» [3. С. 82-83].

Вербовщики из Иностранного легиона, заманивая офицеров и солдат высоким денежным довольствием, легкой службой, редким участием в вооруженных конфликтах, на деле говорили неправду. То, что обещания были далеки от реальности, наглядно демонстрируют воспоминания самих русских легионеров. Один из них писал впоследствии: «Только что пришел с каторжной работы, копал киркой от 6 часов утра до 12 часов дня... После обеда с 3-х до 6-ти – то же занятие... И все это невзирая на жару и усталость... Отношение к нам, русским, самое ужасное» [4].

Солдаты и офицеры Добровольческой армии, соглашавшиеся вступить во французский Иностраный легион, рассчитывали, что их воинские умения и навыки будут оценены по достоинству, однако руководство легиона думало иначе. Поэтому часто легионеры, формируемые из бывших подданных Российской империи, оказывались разочарованы тем, что их не хотели брать во французскую армию, а заставляли довольствоваться низким денежным довольствием и тяжелейшими условиями службы в легионе. Впоследствии бывшие легионеры писали: «Прошедшие все этапы Великой и Гражданской войны, русские дали легиону сотни опытных и талантливых офицеров и унтер-офицеров, являющихся дисциплинированной и боеспособной и наиболее ценимой частью легиона. Об этом ярко и наглядно говорят многочисленные награды, незапятнанные военные книжки и лестные отзывы начальства» [5. С. 16]. Несмотря на данную оценку, статистика показывает, что пик вступления русских эмигрантов в иностранный легион приходится на 1921-1923 гг., однако к 1927 году их численность резко сократилась. В чем же крылись причины этого? Вербовка добровольцев из России была довольно жесткой. Кандидатам в легионеры предлагали поставить свою подпись в контракте, в котором были пробелы на месте срока службы и размера жалованья. Руководство легиона часто прибегало к прямому обману: обещало службу во французской армии и высокое денежное довольствие, однако после подписания контракта русский доброволец мог оказаться в одной из североафриканских стран, и за мизерное жалованье обязан был выполнять тяжелейшую работу. Что же было причиной подобного «падения» русских солдат и офицеров, вступавших в легион? Е. Тарусский дает однозначный ответ: «Конечно не страх голода и холода толкал их туда. Голода и холода русский офицер не боялся. Но зато он боялся нищеты и «дна»» [6. С. 19]. Многие, отслужив в легионе несколько лет, предпочитали перейти к гражданской жизни в надежде улучшить

свое материальное благосостояние. Бывших русских солдат и офицеров можно было встретить на заводах и фабриках, в такси, в ресторанах, на стройках, в шахтах. Не гнушались они и работы охранников, телохранителей, мелких служащих в разных отраслях и даже грузчиков.

Тех легионеров, кто пытался бежать до истечения срока службы, сурово карали. Их ждали наказания различной степени тяжести, вплоть до расстрела. Часто беглецов отправляли на самые сложные задания, которые приходилось выполнять при высоких температурах, под палящим солнцем и практически при полном отсутствии пресной воды. Несмотря на тяжелейшие условия, русские легионеры не теряли присутствия духа и в условиях нехватки денежных средств даже на продукты питания, умудрялись приобретать газеты или книги и даже издавать свои. По данным К. К. Семенова, в 1924-1926 гг. русские легионеры составляли 75 % всего легиона, а в 1927 г. лишь 25 % [7. С. 183]. Одной из причин этого стало то, что с осени 1927 года военный министр Франции отдал распоряжение выпускать из военных заведений русских эмигрантов сержантами, а не подпоручиками. К тому же, у многих из тех, кто заключил свой первый контракт на 5 лет, не было желания его продлить. Частая смена места службы также устраивала далеко не всех. Марокко, Тунис, Алжир, Сирия, Ливан, Индокитай – это неполный список стран и регионов, где проводили военные действия войска Иностранного легиона.

Большую роль в деятельности легиона сыграл выходец из Российской империи Зиновий Пешков (Свердлов). Он был старшим братом известного большевика Якова Свердлова и крестником писателя Максима Горького. Судьба этого человека удивительна и невероятна. Еще в 1914 году он вступил во французскую армию. В 1921-1926 гг. был офицером Иностранного легиона, а уже в 1930-е гг. он командовал частями легиона в Марокко. Пытаясь разнообразить быт легионеров, З. Пешков много внимания уделял культурно-просветительской работе. В одном из писем М. Горькому его крестник писал: «В моей роте около 40 человек русских... У меня, между прочим, замечательный русский хор... Есть и солисты» [1. С. 219]. Впоследствии Зиновий Пешков станет одним из активнейших участников французского Движения Сопротивления. За заслуги перед Францией де Голль не только назначит его генералом, но и наградит высшей государственной наградой республики – орденом Почетного легиона. Заслугой З. Пешкова является то, что став из рядового солдата благодаря своим личным качествам командиром, он не забывал нужды простого солдата [8].

Большим испытанием для русских легионеров являлось участие в военных компаниях в Марокко и Сирии в 1925-1926 гг. Во время сражений против воинственного берберского племени рифов отличился отряд лейтенанта Владимира Соломирского, 30 сентября 1925 года совершивший первую в истории 1-го кавалерийского полка конную атаку врага. Но этот эпизод стал скорее исключением в военной кампании, так как армия марокканцев теснила войска легиона. Одновременно выступление друзов султана аль-Атраша в Сирии поставило перед легионом и французской армией тяжелейшую задачу борьбы на два фронта. Напряжение было настолько сильным, что возглавивший французский войска знаменитый маршал Петен отдал приказ отправить в Сирию и Марокко все имеющиеся в распоряжении войска. Лишь ценой огромных потерь французских и присоединившихся к ним испанских войск и участников Иностранного легиона удалось сломить сопротивление местного населения в колониях. По времени окончание этих военных кампаний совпало с массовым увольнением русских легионеров, разочарованных тем, что их обманули и вместо обещанного высокого денежного довольствия и легкой службы отправили на верную смерть. Одним из тех, кто решил покинуть легион, стал сержант, бывший белогвардейский офицер М. М. Конради. Согласно официальной версии он повздорил с французским офицером, и после того как тот назвал сержанта «русской свиньей» и ударил его, Конради не остался в долгу и был разжалован. Что же не устраивало русских воинов легиона? Как писал исследователь С.С. Балмасов, «тяжелая обстановка быта и жизни легионера, постоянные

передвижения, где все – лопату, винтовку, патроны, провиант, воду, одежду, – все переносят на собственных плечах, передвижения происходят в неизвестных местах, где на каждом шагу ожидает пуля араба, все это выковывает тип легионера, презирающего саму жизнь, во имя данного Франции слова «службу нести честно» [8]. Не стоит однако забывать, что после продолжительных Первой мировой и Гражданской войн многим русским солдатам и офицерам не хотелось больше рисковать своей жизнью, тем более в условиях, когда они были обмануты командованием легиона. Кроме того, сыграли свою роль постоянные оскорбления и отношения к выходцам из Российской империи как к «варварам». Все вышеперечисленное привело к тому, что к началу 1930-х гг. в легионе осталось не более 2000 тысяч русских. Тем не менее, до конца 1930-х гг. по числу занимаемых офицерских должностей они неизменно лидировали среди других национальностей. В основном это были те, кто получил офицерское звание еще в 1920-х гг. Несмотря на то, что боевых действий стало меньше, жизнь русских легионеров не стала лучше. Остро не хватало литературы на родном языке, поэтому наиболее частыми вещами, о которых шла речь в письмах к родным и знакомым, были книги, газеты и журналы.

Внешнеполитическая ситуация конца 1930-х гг. внесла раскол в ряды легионеров. Многие из них бросали службу и отправлялись добровольцами на Восточный фронт в надежде на то, что с помощью Гитлера им удастся изгнать большевиков из России и захватить власть в собственные руки. Бывший руководитель Добровольческой армии, боевой генерал А. И. Деникин, давая оценку подобным действиям не только русских легионеров, но и в целом представителей эмиграции, с негодованием писал: «Разве они не читали «Mein Kampf»? Разве они не помнят, с каким презрением фюрер говорит там о русском народе?.. Когда же фюрер говорит об «освобождении России», он имеет в виду ее порабощение, установление нацистской диктатуры» [9. С. 548].

После начала Второй мировой войны и быстрого поражения Франции тяжесть дальнейшей борьбы с нацистами легла на плечи Движения Сопротивления и Иностранного легиона. К слову, сам термин «Сопротивление» (La Resistance) был придуман русскими эмигрантами А. Левицким и Б. Вильде. В целом вклад русских эмигрантов в борьбу против Германии и ее союзников в разных частях света является весомым. Одним из первых, кто откликнулся на призыв Шарля де Голля с оружием в руках сражаться против оккупантов, был З. Пешков, ставший одним из доверенных лиц будущего президента Франции. Ситуация для легионеров еще больше осложнилась в связи с нападением нацистов на СССР. Многие из них, пассивные в ходе боевых действий Германии против Франции, так и не ставшей для большинства из них второй родиной, несмотря на антибольшевистские настроения, поддержали Советский Союз. Как писал один из активнейших участников эмигрантского сопротивления Н. В. Вырубов, «после 1941 г. все изменилось: Родина подверглась нападению, само ее существование было под угрозой. Для тех, кто был воспитан в русском духе, жил в русской среде, главным мотивом участия в войне, безусловно, стала Россия. Они боролись за победу на стороне союзников» [10. С. 5].

Далеко не все легионеры, однако, признали де Голля законным руководителем Франции. В частности, половина 13-й полубригады Легиона, в которой служил известный русский эмигрант Дмитрий Амилахвари, в годы войны дослужившийся до полковника, покинула лидера Сопротивления. Легионеры сражались против немецко-итальянских войск во многих странах – Габоне, Камеруне, Эфиопии, Эритрее. В числе их противников была группировка войск стран Оси (Рим-Берлин-Токио) во главе с легендарным «лисом пустыни» генерал-фельдмаршалом Эрвином Роммелем. Иностраннный легион отличился при взятии Массауа, Монтекулло, героически отбивался от войск Виши в сирийской Пальмире. Сам Амилахвари, героически во главе своей полубригады сдерживавший превосходящие войска Роммеля в Египте в течение двух недель, погиб при Эль-Аламейне 24 ноября 1942 года. Французское начальство Легиона довольно высоко ценило русских легионеров, подобных

Амилахвари, подтверждением чего является следующий отзыв: «Полковник Амилахвари являлся типичным представителем тех офицеров российского происхождения, которые пришли в Легион после произошедших в их стране потрясений... Они принесли в Легион свойства, весьма характерные и для Амилахвари – пламенную отвагу, смесь горячности и фатализма, глубокое чувство ответственности за своих солдат, а также тот стиль военной элегантности, по которому их узнавали с первого взгляда» [8].

Среди отличившихся в ходе Второй Мировой войны русских легионеров можно назвать также имена лейтенантов В. Булюбаша, В. Харченко, капитана А. Тер-Саркисова и многих других. Они в составе Иностранного легиона сыграли большую роль в борьбе против нацистской угрозы не только в африканских странах, но и в метрополии, участвуя в отдельных сражениях на территории Франции. Наиболее отличившиеся из них, такие как З. Пешков, получили высшие правительственные награды и были привлечены де Голлем во французскую армию и в дипломатический корпус.

Таким образом, анализ участия русских эмигрантов во французском Иностранном легионе позволяет сделать ряд выводов. В годы Гражданской войны в России многие солдаты и офицеры, несогласные с политикой большевиков, выехали из страны и в поисках лучшей доли массово записывались в легион. Несмотря на обещанные высокое денежное довольствие и легкую службу, они оказались обмануты. Тяжелейшие условия, в которых приходилось вести боевые действия, многочисленные потери, отношение со стороны руководства легиона как к «варварам», привели к тому, что отслужив положенные по контракту 5 лет, многие русские легионеры предпочли уволиться. Те же, кто остался, в дальнейшем продолжали верно нести службу в легионе, добившись достаточно высоких постов, о чем свидетельствуют карьеры Д. Амилахвари и З. Пешкова. В годы Второй мировой войны многие русские легионеры сражались не только за свою вторую «родину», но и, отодвинув на второй план свою ненависть к советскому руководству, всеми возможными средствами помогали своей исторической родине – России, навязывая борьбу войскам агрессоров в разных частях света.

Библиографический список

1. **Колупаев Р., игумен.** Русские в Северной Африке / игумен Р. Колупаев. – Обнинск: Братство святителя Климента, 2004. – 327 с.
2. **Тарусский Е. В.** Беседы на бивуаках / Е. В. Тарусский // Часовой. – 1938. - № 206. – С. 20-22.
3. **Шинкарук И., Ершов В.** Российская военная эмиграция и ее печать. 1920-1939 гг. / И. Шинкарук, В. Ершов. – М.: Ипполитов, 2000. – 100 с.
4. **Матин Н.** Воспоминания о службе в Иностранном легионе в Алжире, Тунисе и Сирии / Н. Матин. – (http://www.nivestnik.ru/2000_2/8.shtml).
5. **Легионер.** Русские во французском иностранном легионе // Часовой. – 1931. - № 55. – С. 16-17.
6. **Тарусский Е. В.** Беседы на бивуаках / Е. В. Тарусский // Часовой. – 1938. - № 207. – С. 19-20.
7. **Семенов К. К.** Русская военная эмиграция во Франции в 1920-1945 гг. / К. К. Семенов // Ежегодник Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицина. – М., 2011. – С. 170-189.
8. **Балмасов С. С.** Иностраный легион / С. С. Балмасов. – (http://militera.lib.ru/research/0/pdf/balmasov_s01.pdf).
9. **Ипполитов Г. М.** Деникин / Г. М. Ипполитов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 665 с.
10. **Вырубов Н. В.** В память павших воинов (Имена русских, павших в рядах французской армии и Соппротивления 1939-1945 гг.) / Н. В. Вырубов. – Париж: Б.и., 1991. – 48 с.

УДК 930 (2)

*Воронежский государственный университет
Доктор исторических наук, доцент Кафедры
регионоведения и экономики зарубежных стран
М.В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 239-29-31
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
Doctor of History, Associate Professor of Department
of Regional Studies and Foreign Countries Economics,
Maksym V. Kirchanov
Voronezh, Russia,
tel. (473) 239-29-31
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

М. В. Кирчанов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРУЗИНСКОЙ “PATRONQMOBA” КАК КАРТВЕЛЬСЬКОЙ ФОРМЫ ФЕОДАЛИЗМА

Автор анализирует проблемы грузинского феодализма в контексте национальной истории в целом и теоретических дискуссий о феодализме как форме социальной, экономической и политической организации в частности. Автор анализирует точки зрения на генезис и историю феодализма, предложенные грузинскими историками. Феодализм воспринимался как несколько различных и гетерогенных форм формальных и неформальных связей и покровительства среди представителей политических сословий. Автор полагает, что методологически грузинские подходы имели много общего с западным восприятием феодализма. Автор полагает, что история феодализма в Грузии стала формой актуализации европейской идентичности интеллектуального сообщества.

Ключевые слова: феодализм, Грузия, историография, социальная история

M. V. Kirchanov

THEORETICAL PROBLEMS OF GEORGIAN “PATRONQMOBA” AS KARTVELIAN FORM OF FEUDALISM

The author analyzes problems of Georgian feudalism in contexts of national history in general and theoretical discussions of feudalism as a form of social, economic and political organization in particular. The author analyzes viewpoints on genesis and a history of feudalism, proposed by Georgian historians. Feudalism was imagined by them as different and heterogeneous forms of formal and informal networks and patronage relations among representatives of political classes. The author believes that Georgian methodological approaches have much in common with Western perception of feudalism. The author presumes that a history of feudalism in Georgia become a form of actualization of European identity of intellectual community.

Key words: feudalism, Georgia, historiography, social history

Феодализм в независимости от того, признаем или отрицаем мы его существование в тех или иных регионах, следует, вероятно, воспринимать как одну из форм традиционного общества, основанного на аграрной экономике, хотя сам термин «феодализм» и связанные с ним производные нередко переносятся и на современную, новейшую историю.

В значительной части исследований, как отечественных, так и зарубежных «феодализм» фигурирует в качестве одного из «идеальных типов» [1] и в большей степени воображаемых концептов, что не только позволяет авторам находить его или отдельные его элементы от Европы до Японии, но и значительно осложняет процесс изучения феодализма в тех регионах, история которых не столь популярна среди историков как история классического западного европейского феодализма.

В подобной ситуации, когда феодализм превратился в историографический конструкт [2], дискуссионным и в ряде случаев проблематичным является выделение или отделение феодализма от других форм организации экономической, политической, культурной и социальной сферы того или иного общества.

На протяжении длительного времени в отечественной историографии доминировал экономический детерминизм и, поэтому, само понятие «феодализм» нередко соотносилось с экономические трансформациями и связанными с ними социальными процессами. Нередко подобные экономические перемены западными экономистами связываются с кризисом традиционного общества и соотносимой с ним традиционной модели экономики [12], хотя о подобных обществах как о традиционных писали и советские исследователи. В частности В.П. Илюшечкин полагал, что феодализм «в действительности составлял одну подсистему» [11] с рабством, что, вероятно, можно рассматривать как советскую версию теории традиционного общества. Среди сторонников подобного подхода был и один из ведущих экономистов XX века Джон Хикс, который подчеркивал актуальность изучения «исходных состояний», характерных, например, для «экономики... деревни раннего средневековья» [28]. Феодализм, воспринимаемый в подобной системе координат в качестве одной из форм традиционного общества, воображается как система преимущественно консервативная, но не всегда статичная, о чем писал Дж. Хикс, полагавший, что феодализм «без каких-либо реорганизаций может существовать многие столетия» [28].

Традиционно феодализм, точнее – Средние Века – воспринимается, воображается и позиционируется как период в истории между античностью и Новым временем, а в качестве важнейших его системных характеристик (по Л.Б. Алаеву) позиционируются: активное использование железных орудий; доминирование сельского хозяйства над другими сферами экономики; преобладания мелкого (крестьянского и ремесленного) хозяйства, в котором один и тот же человек принимает хозяйственные решения и сам их исполняет; наследственность занятий, сращенность человека с определенным видом труда, отсюда – натуральность экономики; «всеобщая связанность», корпоративность и общинность социальной жизни; отношения «дара – отдара» как системообразующего принципа; иерархическая структура управления и землевладения [5]. Все эти характеристики представляются рациональными и вполне применимыми для изучения истории феодализма, но некритическое им следование может сформировать весьма идеальные представления и образы феодализма, которые окажутся не столь близкими к социальным и экономическим реалиям Средневековья.

Нередко сами термины «феодализм» и «Средние Века» (с возможными вариациями и производными) не только, по словам А.Я. Гуревича, употребляются не совсем корректно [9], но и используются как синонимы, а понятие «феодализм» стало настолько универсальным, что этот этап находят в истории большинства регионов – от Западной Европы до Японии, но ситуация не столь однозначна, как могло бы показаться. Для историографии, как современной, так и классической, характерно низведение феодализма до почти исключительно поземельных отношений, что сделало сам концепт «феодализм» аморфным и в значительной степени размытым. Комментируя историографическую ситуацию, П.Ю. Уваров, признающий «большие сложности» [25] с самим понятием «феодализм», подчеркивает, что «земельные пожалования за службу существовали в большинстве регионов Старого света, и внеэкономическое принуждение непосредственных производителей было настолько распространено, что позволяет говорить об универсальности “феодалного способа производства”» [26]. И хотя «в глазах поколений историков феодализм является основополагающим понятием общественного быта Средневековья» [10], тем не менее на протяжении XX века среди историков не только имели место дискуссии и дебаты относительно феодализма, но одновременно росло недоверие к этому, претендующему на универсальность, термину. Комментируя ситуацию, российский историк

П.Ю. Уваров подчеркивает, что «о том, что такое феодализм, отечественные медиэвисты, кажется, перестали всерьез раньше, чем распался СССР... в западной историографии это понятие трудно назвать самым актуальным... немало обобщающих работ по средневековой истории вообще обходятся без этого термина» [27].

Проблемы отмирания и разложения традиционного общества в наиболее его архаичных формах на территории Большой Европы относятся к числу дискуссионных. Тем не менее, следует предполагать, что и Древняя Европа и Европа после ее заселения носителями индоевропейских языков на протяжении длительного времени пребывала в состоянии доминирования традиционного общества и традиционной, статичной, медленно подверженной изменениям экономики. Американская литовская исследовательница Мария Гимбутас полагала, что для доиндоевропейской Европы был характерен «стабильный экономический уклад» [7]. Грузинский историк К.Н. Пицхелаури указывал на экономическую слабость раннего земледелия, значительный уровень зависимости от внешних факторов и преимущественно натуральный характер экономики [22] носителей картвельских языков Закавказья в позднем бронзовом веке. Подобная экономика, которая нередко базировалась на поливном земледелии [39], могла носить примитивный, исключительно натуральный характер. Генезис новых отношений, в том числе – и экономических, не был однолинейным, но, наоборот, являлся многовариантным. В современной экономической историографии подобные системы Средневековья нередко оцениваются как «командно-направляемые» [32], хотя экономика в их рамках могла развиваться как гетерогенная, имея городской и аграрный уровень, а ее акторы подвергаться различным формам эксплуатации – от простого изъятия части прибавочного продукта и его принудительного перераспределения до применения рентных / налоговых форм отчуждения. Функции первого могли сводиться почти к исключительно политический и принудительной редистрибуции в то время, как роль аграрной периферии была исключительно вспомогательной и обслуживающей.

Грузинская историческая наука в советский период функционировала и развивалась как национальная, а грузинские историки в своих интерпретациях исторического процесса позволяли себе определенные вольности, споря и дискутируя как друг с другом, так и московскими историками, которым была приписана неформальная роль формирования и продвижения единого канона исторического знания, в том числе и той его части, которая была призвана объяснить смену одних исторических периодов этапов другими или же замену одних социально-экономических формаций другими, более прогрессивными. В качестве одной из таких формаций в советской историографии признавался феодализм, который весьма упрощено и схематично в хронологической плоскости и временной перспективе располагался и воображался советскими историками между рабовладением и капитализмом. В рамках подобной схемы, советские историки, конечно, могли находить определенные феодальные пережитки и после формального завершения капитализма, интерпретируя их с соответствующих идеологически выверенных позиций, то есть критика феодальных пережитков, в случае их обнаружения, разрешалась и приветствовалась.

Совершенно иначе ситуация обстоит с тем историческим этапом, который условно в советской модели исторического воображения рассматривался и позиционировался как предшествующий феодализму. В зависимости от региональной специализации советские историки были вынуждены писать о разложении рабовладельческого или родо-племенного строя, на руинах которых мог возникать и развиваться феодализм. Тем не менее, такая теоретическая замкнутость и хронологическая ограниченность устраивала далеко не всех историков в СССР.

Историки в ряде национальных республик, соотнося попытки написания истории той или иной республики, которая воспринималась ими почти как национальная история при всей формальной нелюбви политического режима, который существовал в СССР, к

проявлениям местных национализмов, позволяли себе некоторый, порой весьма существенный, отход от идеологически выверенных интерпретаций, которые доминировали в советской историографии. Примером подобного историографического поведения следует признать те тактики и стратегии работы с прошлым, которыми руководствовались грузинские историки, формально декларируя верность признанному и идеологически выверенному канону исторического знания.

Для грузинской историографии советского периода [8] было характерно весьма критическое отношение к концепту «рабовладельческий строй». Поэтому, анализируя проблемы феодализма, грузинские историки не ограничивались только и исключительно классическим Средневековьем, позволяя себе находить феодальные элементы в более древней истории. В подобной ситуации, начиная с середины 1960-х годов, грузинские историки укзывали на то, что «тезис о рабовладельческом характере древневосточных и древнегрузинских обществ» является спорным и дискуссионным. Поэтому, социальный строй этих государств ими рассматривался в качественно иной системе координат, воспринимаясь как «протофеодальный» [18; 19], что признавалось далеко не всеми советскими историками. В частности, М.Я. Сюзюмов указывал на то, что попытки «видеть в любой форме зависимости (кроме рабства) начало феодального строя и... относить истоки феодализма к самым примитивным временам (теория “протофеодализма”» [24] являются спорными и не бесспорными.

В 1970 – 1980-е годы грузинский историк Г.В. Коранашвили пытался доказать, что «оставаясь на позиции плоского эволюционистского представления исторического процесса или же упрощенного понимания диалектики общественного развития, объяснить сложный ход истории невозможно» [13; 14]. Поэтому, некоторые общества начали нередко восприниматься как традиционные или доиндустриальные, что, впрочем, чревато другими крайностями. Традиционное общество, в независимости от региона, может отличаться и значительной степенью гетерогенности, быть чрезвычайно фрагментированным в плане социально-экономических отношений и связей. Доминирование традиционности вовсе не означает отсутствия тех или иных государственных структур или, по меньшей мере, начала процесса их возникновения. Тем не менее, значительная часть авторов склонна подчеркивать не только традиционный, но порой и примитивный характер подобных обществ.

Немецкий исследователь Хайко Шрадер и вовсе в качестве основной и системообразующей характеристики такого традиционного, в том числе – и феодального, общества позиционирует «отсутствие рынка» [31]. Рыночная и связанная с ним экономическая компонента в истории феодализма, если воспринимать последний как форму традиционного общества, никогда не относились к числу приоритетных сфер исследования для отечественной историографии. Особых успехов в полемике с российскими авторами и, как следствие, в размытии советского идеологически выверенного научного дискурса, достигли грузинские историки. Грузинскими авторами в советский период была предложена альтернативная для советской историографии версия развития и истории древних обществ, которая сводилась к попыткам обнаружить в их рамках не рабовладельческие, а феодальные или протофеодальные институты и отношения.

В частности грузинский историк Г.В. Коранашвили не только считал некорректным «типологическое объединение» различных обществ в «одну общественно-экономическую рабовладельческую формацию», но и полагал, что «рабство оставалось незначительным экономическим и социальным фактором» [14]. Аналогичной точки зрения придерживался и Г.А. Меликишвили, полагавший к середине 1970-х годов, что трансформации восточных обществ «не вели к развитию собственности на людей» [21] и подчеркивающий, что значительная часть восточных обществ прошлого знала существование свободного населения, причем в некоторых регионах оно составляло «основную массу производителей» [19]. Это позволяло Г.А. Меликишвили констатировать наличие многочисленных

протофеодальных элементов в обществах древности, воспринимая именно феодализм в качестве магистральной тенденции в развитии цивилизации.

Поэтому, Г.А. Меликишвили находил протофеодальные элементы в различных обществах древности, будучи склонным именно в феодализме видеть магистральную тенденцию в развитии истории докапиталистических обществ, полагая, что «магистральная линия социального развития состоит в распаде общества на антагонистические классы». Развивая это предположение, Г.А. Меликишвили, находивший «протофеодальное или раннефеодальное» содержание в древних обществах, подчеркивал, что «феодализм является столь распространенной, универсальной антагонистической формацией: феодальное общество фактически есть наивысшая реально существовавшая форма развитого докапиталистического общества» [20].

С Г.А. Меликишвили был солидарен и И.А. Стучевский, который и вовсе указывал на то, что некоторые древние общества «в формационном отношении относить к категории скорее феодальных, чем рабовладельческих» [22]. Г.А. Меликишвили и вовсе позволял себе отрицать универсальность рабовладения, наоборот, актуализируя элементы исторической универсальности и неизбежности в феодализме, полагая, что «неверно» рассматривать «раннеклассовые общества как рабовладельческие, как первую ступень рабовладельческого строя» [17]. Универсальность рабовладения и магистральность феодализма в ряде текстов Г.А. Меликишвили была вызвана не столько его стремлением противопоставить грузинскую историографию советскому канону, сколько грузино-армянскими историографическими противоречиями. По мысли грузинского историка, подобные общества в большей степени следовало относить к феодализму. Другой грузинский историк Дж.М. Шарашенидзе, анализируя роль «наемной силы» на протяжении 2132 – 2024 годов до н.э., так же фактически писал о неизбежности феодализации, полагая, что в древности имело место значительное использование наемного труда [29], основанного в большей степени на экономической мотивации [30]. Проявлением последней, вероятно, следует признать и то, что работники государственных хозяйств получали продукт, который может быть определен в качестве вознаграждения, а не натурального рациона.

Рассматривая проблему соотношения социальных и экономических институтов Востока и Запада, важно помнить, что теории преимущественно традиционного развития первого и технологического прорыва второго являются в значительной степени абстрактными и идеальными концептами, основанными на почти «вере» тех или иных исследователей в то, что для восточных обществ и экономик универсальным институтом было использование рабского труда, а для западных – постепенный от него отказ и переход к феодализму. Подобная концепция была поставлена под сомнение грузинскими историками в начале 1970-х годов. По мнению Г. Каранашвили, активное использование труда рабов, наоборот, в большей степени было характерно именно для Запада, «закрыв путь к качественному развитию производства» [13], то есть на несколько столетий отодвинув начало той эпохи, которая исследователями воображается как феодальная.

В том случае, если мы говорим феодализме / протофеодализме в древневосточных обществах – корректнее говорить о феодальности не как о системной характеристике, но как об одном из экономических и вероятно но культурно-идентичностных атрибутах. Этот атрибут в наибольшей степени актуализируется, если обратиться к изучению той части населения древних обществ, которая имела статус формально свободного населения. Отношения непосредственных производителей и представителей политического класса в хеттском обществе могли носить характер, связанный с использованием земли как основы аграрной экономики и проявляться в различных формах зависимости, которые, как правило, сводились к отчуждению части прибавочного продукта в натуральных формах или в виде денежной ренты. В подобной ситуации, вероятно, в хеттском обществе закладываются условия для постепенной социальной дифференциации, формирования сначала

неформальных, а позднее формализованных отношений иерархии и подчинения, которые в большей степени могут быть отнесены к феодальному, а не рабовладельческому способу производства.

Изучение истории грузинского феодализма, вопросов его генезиса, типологии, места в большом дискурсе европейского феодализма имеет свою историю. В грузинской научной литературе для обозначения феодализма используется два термина – ფეოდალიზმი (feodalizmi) и პატრონკმობა (patronqmobა) [56], которые соответственно являются калькой с французского и грузинским вариантом описания одной из системных характеристик феодального общества, связанной с развитием отношений вассалитета. Наибольшие заслуги в изучении истории грузинского феодализма имеет, разумеется, грузинская историография. Первые попытки описания истории феодальной Грузии имели место в дореволюционной грузинской историографии, хотя всестороннее изучение феодализма как исторического явления началось в советской грузинской исторической науке, которая была составной частью большой советской историографической традиции. Иванэ Джавахишвили, создатель современной грузинской историографии, полагал, что «грузинское патронкмоба поразительно схоже с феодальным строем Западной Европы в Средние Века, с так называемым феодализмом. Как патронкмоба, так и феодализм, были общественными явлениями социальной и государственной жизни, имели общие свойства» [6]. Другой грузинский историк Симон Джанашиа, в определенной степени развивая идеи И. Джавахишвили, подчеркивал, что პატრონკმობა была «формой внутренней организации феодалов» [58]. Поэтому, восприятие феодализма в советской грузинской историографии несло на себе все родовые травмы советского исторического канона и модели исторического знания. Феодализм в рамках советского исторического воображения, как правило, воспринимался в категориях советской версии социально-экономической и политической истории, редуцировался до нескольких проблем, связанных со средневековой историей.

Первые шаги к изучению истории грузинского феодализма были предприняты Иванэ Джавахишвили, который пребывал в рамках преимущественно событийной, позитивистской парадигмы описания / написания истории, что предусматривало написание «большой истории» Грузии, создание которой было невозможно без обращения к феодальному периоду. Создателем советской историографии грузинского феодализма, вероятно, был Симон Джанашиа [44; 47], в работах которого [53; 54; 55; 56; 57; 58; 59], впервые научно был описан феномен феодализации и основные особенности грузинской модели феодализма. Советских историков интересовали вопросы генезиса феодализма, его истории и типологии, но советские восприятия нередко оставались в значительной степени идеологическими или идеологически выверенными. В работах советских грузинских историков и историков современной Грузии пребывает широкий круг проблем, связанных с проблемами истории феодальной Грузии. Советские и современные грузинские историки, рассматривая феномен грузинского феодализма, неоднократно обращались к вопросам источниковедения феодальной эпохи [34], отражению различных феодальных норм и реалий в различных источниках [54], анализировали социально-экономические [38; 48] и политические отношения в феодальном обществе [41], историю отношений феодальной Грузии с соседними государствами [53], вопросы аграрной истории средневековой Грузии [37], различные аспекты формирования централизованного государства в условиях роста внешнеполитических угроз [46], специфику развития отношений вассалитета и феодальных сеньорий [40; 43], народные и протестные движения [42], региональные особенности в развитии феодализма [52], проблемы крепостничества в контексте развития царского домена [51] и крупного землевладения светских феодальных династий [33], социальные отношения в феодальном обществе [36], феномен средневекового города [50], социальные структуры зрелого (XI – XII вв. [32; 45]) и позднего (XVI – XVII вв. [35]) феодального общества, поземельные отношения и формы эксплуатации непосредственных производителей в

позднефеодальном обществе [49]. Число исследований о грузинском феодализме в западной историографии остается крайне незначительным [3; 4]. В советской историографии феодализм традиционно ассоциировался с историей Средневековья, а история феодализма изучалась преимущественно как социальная (в советском) понимание истории, то есть особое внимание уделялось проблемам социально-экономических отношений при феодализме, который воспринимался как одна из формаций в общественном развитии, пребывающая между рабовладением и капитализмом.

В отечественной и в зарубежной историографии не так много авторов, которые в своих исследованиях указывали на близость между развитием феодализма в Грузии и на Западе, проводили между ними параллели и выявляли общие черты, особенности и тенденции развития. Британский историк Дэвид Лэнг, например, подчеркивал, что грузинская феодальная система «имела много общего с западноевропейскими феодальными государствами». Более того, по мнению британского историка, в средневековой Грузии «существовали практически все социальные институты европейского феодализма» [16]. Возникновение той системы, которую принято обозначать как феодализм, в Грузии было, с одной стороны, связано с трансформацией более ранних социальных, экономических и политических отношений традиционного плана в новые, которые продолжали развиваться как преимущественно традиционные.

С другой стороны, особую роль в формировании грузинского феодализма играл внешний фактор, связанный с кризисом и постепенным упадком Римской Империи. Падение империи и связанные с ним передвижения и переселения народов привели к тому, что на окраинах или зонах периферийного влияния бывшей Римской Империи возникают новые государства или в значительной степени трансформируются те государственные образования, которые возникли в более ранний период. К числу таких стран относились и государства, существовавшие на территориях доминирования картвельских языков. Крупнейшим и наиболее влиятельным государством с преобладанием картвельского элемента было Колхидское царство, на территории которого впоследствии существовали другие грузинские государства. Именно социально-экономические процессы, связанные с местной версией феодализма (как общеевропейской формы организации социальных и экономических отношений в период, располагающийся между древностью / античностью и новым временем) являются перспективными для изучения социальной истории Грузии средневекового периода.

Библиографический список

1. **Barendse, R. J.** The Feudal Mutation: Military and Economic Transformations of the Ethnosphere in the Tenth to Thirteenth Centuries / R. J. Barendse // *Journal of World History*. – 2003. – Vol. 14. – No 4. – P. 503 – 529.
2. **Brown, E.** Feudalism: social system / E. Brown [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/205583/feudalism>
3. **Charachidzé, G.** Introduction à l'étude de la féodalité géorgienne: le Code de Georges le Brillant / G. Charachidzé. – Paris: Librairie Droz, 1971.
4. **Tuite, K.** Real and imagined feudalism in Highland Georgia / K. Tuite [Электронный ресурс]. – URL: <http://mapageweb.umontreal.ca/tuitekj/publications/Tuite-1999-feudalism.pdf>
5. **Алаев, Л. Б.** Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и России / Л.Б. Алаев // *Историческая психология и социология истории*. – 2008. – № 2. – С. 87 – 112.
6. **Гвритишвили, Д. В.** Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии (самавадо-сеньории) / Д.В. Гвритишвили. – Тбилиси, 1961. – С. 14.

7. **Гимбутас, М.** Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы / М. Гимбутас / пер. с англ. М.С. Неклюдовой, науч. ред. О. Чугай. – М., 2006. – С. 27.
8. **Гиоргадзе, Г. Г.**, Инадзе М.П. Основные итоги изучения древней истории, филологии и археологии в Грузии (1967 – 1977 гг.) / Г.Г. Гиоргадзе, М.П. Инадзе // ВДИ. – 1977. – № 4. – С. 93 – 107.
9. **Гуревич, А. Я.** «Феодальное Средневековье»: что это такое? Размышления медиевиста на грани веков. – С. 261.
10. **Дубровский, И. В.** Как я понимаю феодализм / И.В. Дубровский // Одиссей 2006. Феодализм перед судом историков / гл. ред. А.Я. Гуревич. – М., 2006. – С. 50.
11. **Илюшечкин, В. П.** Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации / В.П. Илюшечкин. – М., 1980. – С. 5.
12. **Камерон, Р.** Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней / Р. Камерон / пер. с англ. Е.Н. Шевцовой, науч. ред. С.А. Афонцев. – М., 2001. – С. 36 – 44.
13. **Коранашвили, Г. В.** Докапиталистические способы производства / Г.В. Коранашвили / отв. ред. Н.Ю. Ломоури. – Тбилиси, 1988. – С. 9.
14. **Коранашвили, Г. В.** Древний Восток и античный мир (опыт сравнительно-исторического изучения цивилизаций) / Г.В. Коранашвили // ძველი ისტორიის საკითხები (კავკასიურ-ახლოაღმოსავლური კრებული, IV). – თბილისი, 1973. – С. 5 – 36.
15. **Лэнг, Д.** Грузины. Хранители святынь / Д. Лэнг / пер. с англ. С. Федорова. – М., 2004.
16. **Меликишвили, Г. А.** «Древневосточный» социально-экономический строй и развитие ближневосточного общества в эллинистическую, позднеантичную и средневековую эпоху / Г.А. Меликишвили // კავკასიურ-ახლოაღმოსავლური კრებული VII / რედ. გრ. გიორგაძე. – თბილისი, 1984. – С. 9 – 23.
17. **Меликишвили, Г.А.** К вопросу о социально-экономическом строе Древней Иберии (Картли) / Г.А. Меликишвили // ВДИ. – 1977. – № 4. – С. 188 – 195.
18. **Меликишвили, Г. А.** К вопросу о характере древнейших классовых обществ / Г.А. Меликишвили // Вопросы истории. – 1966. – № 11. – С. 65 – 80.
19. **Меликишвили, Г. А.** К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ / Г.А. Меликишвили // История СССР. – 1975. – № 6. – С. 44 – 53.
20. **Меликишвили, Г. А.** Об основных типах классовых общества / Г.А. Меликишвили // კავკასიურ-ახლოაღმოსავლური კრებული VIII / რედ. გრ. გიორგაძე. – თბილისი, 1988. – С. 5 – 18.
21. **Пицхелаури, К.Н.** Восточная Грузия в конце бронзового века / К.Н. Пицхелаури. – Тбилиси, 1979. – С. 88.
22. **Стучевский, И. А.** Проблема рабства и так называемой «илотии» / И.А. Стучевский // კავკასიურ-ახლოაღმოსავლური კრებული VIII / რედ. გრ. გიორგაძე. – თბილისი, 1988. – Вып. 8. – С. 76 – 83.
23. **Сюзюмов, М. Я.** Закономерный переход к феодализму и синтез / М.Я. Сюзюмов // Античная древность и Средние Века. – 1975. – Вып. 12. – С. 33 – 53.
24. **Уваров, П. Ю.** Феодализм как понятие / П. Уваров [Электронный ресурс]. – URL: <http://postnauka.ru/video/7757>
25. **Уваров, П. Ю.** XII столетие и секрет Средневекового Запада: обретение форм / П.Ю. Уваров // Средние Века. – 2013. – Вып. 74 (3 – 4). – С. 47.
26. **Уваров, П. Ю.** В поисках феодализма / П.Ю. Уваров // Одиссей 2006. Феодализм перед судом историков / гл. ред. А.Я. Гуревич. – М., 2006. – С. 5 – 10.
27. **Хикс, Дж.** Теория экономической истории / Дж. Хикс / пер. с англ. Б.М. Болотина, общ. ред. Р.М. Нуреева. – М., 2003. – С. 26, 32.

28. **Шарашенидзе, Дж. М.** ŠE-BA – რაციონი ანუ ღირსშესანიშნაობა / Дж.М. Шарашенидзе // კავკასიურ-ახლოაღმოსავლური კრებული VIII / რედ. გრ. გიორგაძე. – თბილისი, 1988. – С. 114 – 121.
29. **Шарашенидзе, Дж. М.** Наемная рабочая сила в государственном хозяйстве эпохи III династии Ура (2132 – 2024 гг. до н.э.) / Дж.М. Шарашенидзе // კავკასიურ-ახლოაღმოსავლური კრებული VI / რედ. გრ. გიორგაძე. – თბილისი, 1980. – С. 32 – 47.
30. **Шрадер, Х.** Экономическая антропология / Х. Шрадер / пер. с англ. Е.А. Островской. – СПб., 1999. – С. 11.
31. Экономическая история мира. Европа / общ. ред. М.В. Конотопова. – М., 2004. – Т. 1. – С. 11.
32. აკოფაშვილი გ. ფეოდალური ურთიერთობის ისტორიიდან XI – XII სს. საქართველოში / გ. აკოფაშვილი. – თბილისი, 1984.
33. ბახტაძე მ. სურამელთა ფეოდალური საგვარეულო / მ. ბახტაძე. - თბილისი, 2006.
34. ბერძნიშვილი მ. ფეოდალური ხანის საქართველოს ისტორიის წერილობითი წყაროები (წყაროთმცოდნეობითი გამოკვლევები) / მ. ბერძნიშვილი. - თბილისი, 1989.
35. გაბაშვილი ვ. ქართული ფეოდალური წყობილება XVI – XVII საუკუნეებში: შედარებითი შესწავლის ცდა / ვ. გაბაშვილი. – თბილისი, 1958.
36. გვრიტიშვილი დ. ფეოდალური საქართველოს სოციალური ურთიერთობის ისტორიიდან: ქართლის სათავადოები / დ. გვრიტიშვილი. – თბილისი, 1955.
37. გოგოლაძე დ. ქართული სოფელი ფეოდალიზმის ხანაში (VI – XVIII სს.): სტრუქტურა და შინაგანი ორგანიზაცია / დ. გოგოლაძე. – თბილისი, 1992.
38. დონდუა ვ. საისტორიო ძიებანი. ფეოდალური საქართველო / ვ. დონდუა. – თბილისი, 1967.
39. კიკვიძე ი. მიწათმოქმედება და სამიწათმოქმედო კულტი ძველ საქართველოში / ი. კიკვიძე. – თბილისი, 1976.
40. ლომინაძე ბ. ქართული ფეოდალური ურთიერთობის ისტორიიდან: სენიორიები (ბიჭვინთის VI – XVIII სს, გარეჯის XVI – XVII სს) / ბ. ლომინაძე. – თბილისი, 1966.
41. ლორთქიფანიძე მ. ფეოდალური საქართველოს პოლიტიკური გაერთიანება (IX – X) / მ. ლორთქიფანიძე. – თბილისი, 1963.
42. მეგრელაძე დ. გლეხობის კლასობრივი ბრძოლა ფეოდალურ საქართველოში / დ. მეგრელაძე. – თბილისი, 1979.
43. მელიქიშვილი გ. ფეოდალური საქართველოს პოლიტიკური გაერთიანება და საქართველოში ფეოდალურ ურთიერთობათა განვითარების ზოგიერთი საკითხი / გ. მელიქიშვილი. – თბილისი, 1973.
44. მესხია შ. სიმონ ჯანაშია. 1900 – 1947. ცხოვრება და მოღვაწეობა. - თბილისი, 1950.
45. მეტრეველი რ. ნარკვევები ფეოდალური საქართველოს ისტორიიდან: XI – XII ს. / რ. მეტრეველი. – თბილისი, 1972.
46. პაპასქირი ზ. ერთიანი ქართული ფეოდალური სახელმწიფოს წარმოქმნა და საქართველოს საგარეო პოლიტიკური მდგომარეობის ზოგიერთი საკითხი / ზ. პაპასქირი. - თბილისი, 1990.
47. სიმონ ჯანაშია. ბიობიბლიოგრაფია / რედ. შ. ძიძიგური. - თბილისი, 1976.
48. სოსელია ო. ფეოდალური ხანის დასავლეთ საქართველოს ისტორიიდან: სათავადოების სისტემა / ო. სოსელია. – თბილისი, 1966.
49. ძიძიგური გ. საკუთრებისა და ექსპლუატაციის ფორმები ფეოდალურ საქართველოში (XVIII საუკუნე) / გ. ძიძიგური. - თბილისი, 1988.

50. ჭილაშვილი ლ. ქალაქები ფეოდალურ საქართველოში / ლ. ჭილაშვილი. – თბილისი, 1968.
51. ხიდურელი ზ. ფეოდალური მიწათმფლობელობა XV – XVIII საუკუნეების აღმოსავლეთ საქართველოში (სამეფო დომენი) / ზ. ხიდურელი. - თბილისი, 1989.
52. ხომტარია-ბროსე ე. ფეოდალური ხანის საქართველოს მთისა და ბარის ურთიერთობის საკითხები: ისტორიოგრაფიული და წყაროთმცოდნეობითი ძიებანი / ე. ხომტარია-ბროსე. – თბილისი, 1984.
53. ჯამბურია გ. ქართული ფეოდალური ურთიერთობის ისტორიიდან: სომხეთ-საბარათიანოს სათავადოები / გ. ჯამბურია. – თბილისი, 1955.
54. ჯანაშია ს. ვახუშტი ქართული ფეოდალიზმის შესახებ / ს. ჯანაშია // ანალები. ივანე ჯავახიშვილის სახელობის ინსტიტუტის შრომები. – 1947. – ტ. 1. - გვ. 1 – 12.
55. ჯანაშია ს. საქართველო ადრინდელი ფეოდალიზაციის გზაზე / ს. ჯანაშია. – თბილისი, 1937.
56. ჯანაშია ს. ქართული პატრონჟიმის ბუნებისა და წარმოშობის საკითხისათვის / ს. ჯანაშია // სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის საქართველოს ფილიალის სესია, 1939 წ. 27 – 30 სექტ. მოხსენებათა თეზისები. - თბილისი, 1939. - გვ. 11 – 13.
57. ჯანაშია ს. აღმოსავლურ-ქართული სახელმწიფოს უძველესი კულტურულ-პოლიტიკური ცენტრების საკითხისათვის (ავტორი) / ს. ჯანაშია // ენის, ისტორიისა და მატერიალური კულტურის ინსტიტუტის (ენიმკის) მოამბე. - თბილისი, 1942. - ტ. 13. - გვ. 243 – 257.
58. ჯანაშია ს. საქართველოს ისტორია უძველესი დროიდან მე-13 ს-მდე / ს. ჯანაშია // ტფილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის შრომები V. - ტფილისი, 1936. - გვ. 61 – 76.
59. ჯანაშია ს. ფეოდალური რევოლუცია საქართველოში: ნარკვევი ფეოდალიზმის წარმოშობის ისტორიიდან საქართველოში (ავტორი) / ს. ჯანაშია - ტფილისი, 1935.

УДК 94

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

Л. И. Маслихова

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: maslikhova@vgasu.vrn.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

L. I. Maslikhova

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: maslikhova@vgasu.vrn.ru

Л. И. Маслихова

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Керамика является основным археологическим материалом неолита и последующих эпох – и по численности, и по информативности. Для эпох неолита и бронзы керамика является одним из источников при выделении археологических культур, определении относительной хронологии, культурных и генетических связей. Существует целый ряд направлений изучения керамического материала. Исследуется технология изготовления сосудов, их форма, характер назначения, особенности орнаментации (техника нанесения орнамента, его сюжет). Целью данной работы было проведение историографического обзора морфологического изучения керамики катакомбной культуры Поволжья и Доно-Донецкого региона.

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, среднедонская катакомбная культура, историография, керамика, морфология, типология.

L. I. Maslikhova

MAIN APPROACHES OF MORPHOLOGICAL ANALYSIS CATACOMB CULTURAL CERAMICS

Ceramics is the main archaeological material of Neolithic and subsequent periods – in numbers and information content. For the Neolithic and Bronze Age ceramics is one of the sources in the allocation of archaeological cultures, determining the relative chronology, cultural and genetic ties. There are a number of areas of the study of the ceramic material. The technology of manufacturing of vessels, their shape, nature of the assignment, especially ornamentation (ornament drawing technique, his story) are studied. The aim of this study was to conduct a historiographical review of the morphological study of Bronze Age ceramics of catacomb culture of Povolzh'ye and Dono-Donetskiy region.

Key words: archaeology, Bronze Age, srednedonskaya catacomb culture, historiography, ceramics, morphology, typology.

Работа в области изучения морфологических особенностей древней керамики началась еще в конце XIX века. В конечном итоге изучение морфологических особенностей стало ведущим направлением в исследовании керамического материала неолита-бронзы. Первоначально все сводилось к простому описанию форм сосудов [1].

В 1901г. вышла работа В. А. Городцова «Русская доисторическая керамика», где впервые были выделены и систематизированы основные категории керамики. Особое внимание было уделено сосудам. Так, В. А. Городцов выделил восемь категорий (видов) сосудов, преимущественно, по функциональному признаку; дал описание основных частей формы сосудов, которые, в свою очередь, имели подробную градацию. В этом же разделе был пункт, посвященный размерам сосудов, правда, размеры не являлись одним из основных признаков для выделения типов керамики, и не давалось объяснения - почему берутся именно одни, а не другие параметры сосудов [2].

В начале XX в. В. А. Городцов, на основании материалов, полученных в результате раскопок курганов на Северском Донце, среди прочих, выделил группу памятников принадлежащих катакомбной культуре. Несмотря на то, что при характеристике археологической культуры предпочтение отдавалось погребальному обряду, как главному диагностическому признаку, исследователем были отмечены и особенности керамического инвентаря катакомбной культуры. В частности, в качестве основных черт, характеризующих катакомбную культуру, выделялись: катакомба под стенкой ямы; скорченное положение скелета на правом боку головой на юг или на запад; перекрытие устья катакомбы; наличие в могилах плоскодонных сосудов различных форм орнаментированных оттисками шнура или гребенки; а также – курильниц и жаровен; иногда – каменных топоров, выпрямителей древков стрел и пр. [3].

Дальнейшие исследования подтвердили, что одной из основных отличительных черт катакомбной культурно-исторической общности являются многочисленные находки керамического материала в подкурганых захоронениях. Поэтому, в отличие разработок по технологии, именно морфологический анализ керамики становится ведущим направлением при рассмотрении проблематики, связанной с изучением катакомбной общности.

Общие признаки, характерные для керамического инвентаря были сформулированы следующим образом: во-первых, разнообразие форм и их функционального назначения, а во-вторых – богатство орнаментации. Следующее поколение ученых Б. А. Латынин, О. А. Кривцова-Гракова, Т. Б. Попова при решении проблем катакомбной культуры делают акцент на изучении катакомбной керамики.

В конце 20-х гг. XX века Б. А. Латынин, анализируя материалы погребений, в первую очередь керамику, определил границы катакомбной культуры от правобережья Днепра до левобережья Волги. Главным образом, именно на базе анализа сосудов им выделяется семь ее локальных вариантов, включая среднедонской [4].

В 1938г. появляется работа О. А. Кривцовой-Граковой «Генетическая связь ямной и катакомбной культур», в которой была обоснована мысль о том, что катакомбная культура является непосредственным продолжением ямной. Ключевым для этой теории являлся тезис о типологической преемственности ямной и катакомбной керамики [5].

В середине 50-х гг. XX века было опубликовано монографическое исследование Т. Б. Поповой «Племена катакомбной культуры», в котором, помимо периодизации катакомбной культуры, было выделено три этапа ее существования. Было предложено разделение данной культуры на локальные варианты, прежде всего на основе своеобразия местных типов посуды и ее орнаментации. Ранний этап (рубеж III-II тысячелетия до н.э. – первая четверть II тысячелетия до н.э.) характеризуется распространением на всей территории плоскодонных сосудов с выпуклыми высокими боками, с резко выраженными плечиками, со следами мелкой штриховки на поверхностях, орнаментированных по верхней половине нарезками, «гребенчатым» или «веревочным» штампом в виде елочных, реже – треугольных или фестонных композиций. На развитом этапе (вторая четверть II тысячелетия до н.э.) сосуды приобретают локальную специфику. На позднем этапе (третья четверть II тысячелетия до н.э.) широко распространились сосуды с «валиковой» орнаментацией и зашипами по краю [6].

Впервые детальная разработка типологии катакомбной керамики на основе морфологических признаков была предпринята С. Н. Братченко в 70-е гг. XX века. Он приходит к выводу, что «наиболее важные различия, позволяющие расчленять катакомбную общность на отдельные культуры, проявляются, прежде всего, в керамике, и именно она является ведущей стороной археологической культуры, отражением ее основного содержания» [7]. Исходя из этого, им были разработаны формальные критерии типологии этой категории погребального инвентаря. В основу были положены формы сосудов, техника исполнения орнамента, его элементы и композиции узоров. По общим морфологическим

признакам было выделено восемь Отделов; далее, в зависимости от пропорций сосудов, они были разделены на группы; которые подразделялись на типы [8].

Анализ керамической серии, а также других элементов погребальной обрядности предоставил возможность С. Н. Братченко выделить на Нижнем Дону три основные группы катакомбных памятников. Характеризуя различные катакомбные культуры данной территории, автор отмечал, что каждой из них «присуще определенное своеобразие в стиле орнаментации, заключающиеся, прежде всего, в типах и композициях узоров и их месте на сосудах» [9]. Были установлены ведущие типы керамики локальных катакомбных культур, проведена корреляция этих типов в отдельных комплексах Нижнего Подонья.

В дальнейшем, в 80-е и 90-е годы методика С. Н. Братченко была апробирована и усовершенствована на материалах Северского Донца [10] и Среднего Дона [11].

А. М. Смирнов систематизировал катакомбные памятники Донетчины, которые были подразделены на преддонецкие, раннедонецкие, донецкие и позднекатакомбные памятники, включавшие памятники манычского типа, памятники среднедонской катакомбной культуры и позднедонецкие памятники. При анализе погребений данного региона первостепенное значение отводилось керамике. Так, в особую группу были выделены погребения с керамикой с т.н. «елочной орнаментацией». Погребения с «елочно-гребенчатой керамикой», по мнению А.М. Смирнова, изначально не были присущи донецкой катакомбной культуре и, вероятнее всего, являются свидетельством пришлого характера этой группы населения. Кроме того, было отмечено, что, несмотря на то, что «сочетание гребенчатого и защипного орнаментов выглядит архаически и является атрибутом более древних культур (ямной), соотнесение подобной керамики с ранним этапом существования среднедонской катакомбной культуры справедливо лишь отчасти». Культурная группа с «елочной керамикой» в погребениях и Донетчины, и Среднего Подонья должна быть выделена особо [12].

Ю. П. Матвеев выделил три этапа существования среднедонской катакомбной культуры, разработал классификацию погребальных сооружений, а также основных категорий погребального инвентаря, в том числе и керамики - всего было выделено пять типов сосудов, в качестве наиболее характерных - были отмечены горшки стройных пропорций с высоким раструбовидным горлом, орнаментированные оттисками шнура, тесьмы и т. п. [13].

Анализ погребального обряда, типологическая классификация сосудов, а также другого погребального инвентаря Павловского курганного могильника с привлечением данных других погребений, известных к этому времени, позволил А. Т. Синюку также выделить и охарактеризовать три этапа развития среднедонской катакомбной культуры. Различия форм сосудов легли в основу выделения шести типов керамики, которые, в свою очередь, были разделены на подтипы на основании пропорциональных различий. По орнаментальным признакам керамическая серия была разделена на три орнаментальные группы. Помимо прочего, была установлена определенная закономерность в соотношении типов сосудов и орнаментальных групп [14].

Продолжением работ в этом направлении стала монография Т. Ю. Березуцкой «Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты». Несмотря на то, что морфологическое изучение керамики не являлось самостоятельной целью работы, типология сосудов стала одним из критериев выделения Правобережного и Левобережного локальных вариантов на территории бытования памятников среднедонской катакомбной культуры [15].

Разработка типологии керамики погребений среднедонской катакомбной культуры по морфологическим признакам была одной из целей диссертационной работы Л. И. Маслиховой «Керамика погребений среднедонской катакомбной культуры как исторический источник» [16]. Результатом исследования стало выделение девяти разных отделов сосудов (при этом были заимствованы принципы группировки керамики С. Н. Братченко – отдел –

группа – тип), далее была проведена корреляция отделов и групп сосудов с орнаментальными типами и выявлены их устойчивые сочетания [17]. Также было подтверждено существования двух локальных вариантов в рамках среднедонской катакомбной культуры на основе своеобразия керамических форм [18].

Одновременно с исследованиями доно-донецкой керамики шло изучение керамической традиции эпохи средней бронзы и в Поволжье. Особенно активизировалось оно с 80-х годов, когда появились специальные работы по керамике эпохи средней бронзы Волго-Уралья [19]. Одним из основных направлений этих разработок была попытка морфологической классификации керамического материала.

Опыт подобного исследования был предпринят А. В. Кияшко на основе нижнедонских памятников позднеямного-раннекатакомбного времени [20]. Он провел многосторонний анализ керамики трех периодов культурного развития (позднеямного, раннекатакомбного и раннедонецкого), в котором учитывались ее технологические, морфологические характеристики, и особенность орнаментации. В результате он пришел к выводу, что эволюция ряда ее признаков происходила под влиянием, преимущественно, технологических новаций. Причину таких изменений он видит в распространении на раннекатакомбном этапе в степи северокавказского влияния, что приводит к изменениям автохтонной керамической традиции [21].

А. В. Кияшко была разработана типология степной керамики, в основу которой была положена форма верхней части тулова сосуда (венчик - шейка - плечико) – в качестве критерия выделения типов; и в отдельных случаях – пропорции сосуда, либо степень отогнутости шейки для разделения самих типов на варианты. Спонтанное появление большинства специализированных и локально обусловленных форм керамики, таких как курильницы, модели кибиток, миниатюрные культовые сосудики, а также донецкие кубки, маньчжеские реповидные и цилиндрошейные сосуды, восточноманьчжеские чугушки, ингульские чаши, батуринские амфоры, среднедонские раструбошейные и нижеволжские ребристые горшки и т. д. на развитых катакомбных этапах, а также серийный характер находок в погребениях и своеобразии архитектоники свидетельствуют, по мнению А. В. Кияшко, об их, преимущественно, культовой функции [22].

В 2001 г. С. Н. Братченко вновь возвращается к анализу памятников донецкой катакомбной культуры раннего этапа. В решении проблемы генезиса донецкой и других катакомбных культур автор исследования ведущее значение отводит форме керамики и ее орнаментации [23]. Керамические сосуды были разделены на три группы: 1 – ямные горшки, иногда с округлым дном, орнаментированные различного рода насечками, вдавлениями и т.п.; 2 – бесшейные и короткошейные сосуды, банки; 3 – короткошейные и высокошейные кубки. Характеризуя керамику второй группы, С. Н. Братченко отмечает, что ей наиболее присуща орнаментация, выполненная зубчатым и гребенчатым штампом, наколами и т.п. в виде горизонтальных и вертикальных линий, зигзагов, косоромбических композиций и т.п. К этой же группе были отнесены курильницы на ножках, орнаментированные аналогичным образом. В качестве параллелей подобной орнаментации С. Н. Братченко указывает орнамент раннеполтавкинской керамики, а также орнамент сосудов культур Урала и Южной Сибири [24]. В качестве специфичной черты третьей группы керамики выделяется орнаментация, выполненная тесьмой в форме спирально-концентрических кругов. Аналогичные приемы орнаментации отмечаются С. Н. Братченко в кавказских культурах, в культурах переднеазиатского круга, а также в орнаментации металлических изделий посткуроаракских культур [25]. В результате анализа керамической серии, а также других элементов погребального инвентаря С. Н. Братченко пришел к выводу, что донецкая и другие катакомбные культуры сложились на основе вариантов ямной культуры и синхронных групп Предкавказья, в их взаимодействии (как блок культур) и при контактах с

посткуроаракскими образованиями, что отчасти и подтверждают антропологические исследования [26].

Такова, в общих чертах, степень изученности вопросов, связанных с рассмотрением морфологических характеристик сосудов катакомбной культурно-исторической общности.

Библиографический список

1. **Путятин, П. А.** О гончарном искусстве в каменном веке / П. А. Путятин // Изв. Императ. рус. географ. общ-ва. – С-Пб., 1884, т. XX, вып. 3. – С. 280-309; **Спицин, А. А.** Стоянка каменного века близ г. Балахны / А. А. Спицин, В. И. Каменский // Западное отделение русской и славянской археологии Императ. рус. географ. общ-ва.- С-Пб., 1905, т. VII. – Вып. 1. – С. 1-72.
2. **Городцов, В. А.** Русская доисторическая керамика / В. А. Городцов // Труды XI археологического съезда в Киеве.- Киев, 1901, т.1. – С. 577-672, 5 табл.
3. **Городцов, В. А.** Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901г. / В. А. Городцов // Труды XII А.С. – М., 1905. – С. 174-225; **Городцов, В. А.** Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903г. / В. А. Городцов // Труды XIII А. С. – М., 1907, т.1. – С. 211-285.
4. **Латынин, Б. А.** Курганные погребения так называемого катакомбного типа / Б. А. Латынин // Тез. дисс. – Л, 1929.
5. **Кривцова - Гракова, О. А.** Генетическая связь ямной и катакомбной культур / О. А. Кривцова - Гракова // Труды ГИМ. – 1938, вып. XIII.
6. **Попова, Т. Б.** Племена катакомбной культуры / Т. Б. Попова // Труды ГИМ, вып. 24. – М., 1955. – 180с.
7. **Братченко, С. Н.** Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы / С. Н. Братченко. – Киев, 1976. – С. 56.
8. **Братченко, С. Н.** Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы / С. Н. Братченко. – Киев, 1976. – С. 23-29.
9. **Братченко, С. Н.** Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы / С. Н. Братченко. – Киев, 1976. – С. 56-57.
10. **Смирнов, А. М.** Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце / А. М. Смирнов. – М., 1996. – 182с.
11. **Матвеев, Ю. П.** История населения среднедонской катакомбной культуры / Ю. П. Матвеев. – Автореф. канд. дисс.- Воронеж, 1982. – 24 с.; **Синюк, А. Т.** Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник) / А. Т. Синюк.–Воронеж, 1983. – 192 с.
12. **Смирнов, А. М.** Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце / А. М. Смирнов. – М., 1996. – С. 95-99.
13. **Матвеев, Ю. П.** История населения среднедонской катакомбной культуры / Ю. П. Матвеев. – Автореф. канд. дисс.- Воронеж, 1982. – С. 11-12.
14. **Синюк, А.Т.** Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник) / А. Т. Синюк.–Воронеж, 1983. – С. 109-116.
15. **Березуцкая, Т. Ю.** Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты / Т.Ю. Березуцкая. – Воронеж, 2003. – 92 с.
16. **Маслихова, Л. И.** Керамика погребений среднедонской каткомбной культуры как исторический источник / Л. И. Маслихова. – М., 2006. – 18 с.
17. **Маслихова, Л. И.** Керамика погребений среднедонской каткомбной культуры как исторический источник / Л. И. Маслихова. – М., 2006. – С. 7-9.
18. **Маслихова, Л. И.** Керамика погребений среднедонской каткомбной культуры как исторический источник / Л. И. Маслихова. – М., 2006. – С.17.

19. **Мочалов, О. Д.** Керамика эпохи средней бронзы Волго-Уральской лесостепи и проблема формирования срубной культуры культуры / О. Д. Мочалов. – Автореф. канд. дисс.- Воронеж, 1997. – 20 с.
20. **Кияшко, А. В.** Ранний этап катакомбной культуры на Дону / А. В. Кияшко. – Автореф. канд. дис. – М., 1990. – С. 62-75, 83-85; **Кияшко, А. В.** Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы волго-донских степей / А. В. Кияшко // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2001, вып. 4. – С. 25-43; **Кияшко, А. В.** Культурогенез на востоке катакомбного мира / А. В. Кияшко.– Волгоград, 2002.– С.126-139.
21. **Кияшко, А. В.** Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы волго-донских степей / А. В. Кияшко // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2001, вып. 4. – С. 26.
22. **Кияшко, А. В.** Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы волго-донских степей / А. В. Кияшко // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2001, вып. 4. – С. 29-31.
23. **Братченко, С. Н.** Донецька катакомбна культура раннього етапу / С. Н. Братченко. – Луганськ, 2001.– С. 72-73.
24. **Братченко, С. Н.** Донецька катакомбна культура раннього етапу / С. Н. Братченко. – Луганськ, 2001.– С. 56, 58, 73.
25. **Братченко, С. Н.** Донецька катакомбна культура раннього етапу / С. Н. Братченко. – Луганськ, 2001.– С. 59, 60, 73.
26. **Братченко, С. Н.** Донецька катакомбна культура раннього етапу / С. Н. Братченко. – Луганськ, 2001.– С. 71-74.

УДК 93/94

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г.Воронеж),
Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
З.Ю. Надточий.
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 244-78-32;
e-mail: zoya_nadtochiy@mail.ru*

*Military Training Research Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu. Gagarin» (Voronezh),
PhD in Political Science, Associate Professor, assistant professor of humanities and social and economic disciplines Z.Y. Nadtochii.
Russia, Voronezh,
tel. (473) 244-78-32;
e-mail: zoya_nadtochiy@mail.ru*

З. Ю. Надточий

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

В статье показано, как родственные связи влияют на ход исторических событий, в чем сильные и слабые стороны семейственности, почему жизнь целых поколений зависит от представлений друг о друге родителей и детей. Во второй половине XIX в. царская семья стала символом репрезентации власти императора, в которой и императрице, и наследнику отводились одни из главных ролей. В работе рассматривается, как монархи использовали (или не использовали) свои собственные образы и образы своих близких в династической политике.

Ключевые слова: династия, наследник, император, царская семья, преемник власти, императорский дом.

Z. Y. Nadtochii

POLITICAL MISTAKE OF THE ROMANOV DYNASTY

The article shows how family ties influence the course of historical events, what the strengths and weaknesses of nepotism, why the life of generations depends on the perceptions of each other parents and children. In the second half of the XIX century. the royal family has become a symbol of the power of representation of the emperor, in which the Empress and the heir to set aside one of the main roles. This paper considers how monarchs have used (or not used), your own images and images of their loved ones in dynastic politics.

Key words: dynasty, the heir, the emperor, the royal family, authorities successor, the imperial house.

Самодержавная монархия является одновременно символом мощи и падения Российской империи. Это и одно из явлений общественной жизни, до сих пор составляющее нашу национальную гордость, поэтому в последнее время все чаще обращаются к истории имперской России не только профессионалы, но и политики, и общество в целом. Представления конца XIX – начала XX в., заявляющие об исключительности российского государства, и по сей день откликаются в массовом сознании.

Снова и снова мы возвращаемся к представлениям о собственной самобытности, которая не может быть подведена под мировые стандарты. Но империя рухнула, а имперское сознание осталось, чему способствовала, в том числе и деятельность державных венценосцев. В данной статье попытаемся обозначить проблему представлений царей о миссии династии, чтобы понять, насколько поведение самих Романовых способствовало краху государства.

Смерть старшего сына Александра II, Николая, в 1865 г. вывела императора из равновесия, разрушив его семейные ценности. Эта трагедия не смогла сплотить супругов, а лишь еще более отдалила их друг от друга; каждый из них замкнулся в своих переживаниях.

В этот сложный период в жизни Александра II появилась Екатерина Михайловна Долгорукая. Император, которому было под пятьдесят, страстно влюбился в девушку, которой не было и двадцати [1, С. 21]. Их роман бурно развивался и к началу 1870-х гг. Александр II практически обзавелся второй семьей [2, С. 124-125].

Авторитет монархии падал, ибо личные желания императора возобладали над общественным имиджем. В результате во второй половине 1870-х гг. участие императорской фамилии в церемониалах сводится к минимуму. Царской семьей, которая проводила значительную часть времени во дворце Ливадия в Крыму, где можно было укрыться от столицы с ее обязанностями, попросту перестали интересоваться.

Супруга Александра II скончалась 22 мая 1880 г. Мария Александровна отошла в мир иной без свидетелей: никто из близких не присутствовал при ее кончине. В день ее смерти председатель комитета министров П. А. Валуев записал в дневнике: «До сего дня едва ли какая-либо венценосная жена умерла так бесшумно, так бессознательно и случайно, так одиноко» [3, С. 376]. Императрица, положив на алтарь семьи «свою мученическую жизнь» [4, С. 252], была последней ниточкой, которая удерживала царя от необдуманных решений.

К этому времени роман императора с Долгорукой ни для кого при дворе секретом не был. Человек, обязанный всегда непоколебимо стоять на охране традиций, преодолевать собственные прихоти во имя высших интересов династии и империи, обо всем позабыл. 6 июля 1880 г., через 45 дней после смерти императрицы, Александр II вступил в морганатический брак с княжной Е. М. Долгорукой, получившей в этот день титул светлости и имя княгини Юрьевской [3, С. 395-397].

1 марта 1881 г. Александр II погиб от рук террориста. Впервые царская кровь была пролита в России открыто, прилюдно, на глазах всего света. Однако император лишен права, которым обладает любой: окончить свои дни не по-царски. По тем же причинам опасен для августейших особ и морганатический брак. Как только претендующий на царские титулы Пугачев женился на казачке Устинье, он выдал себя: этот поступок отрицал подлинность и обличал самозванство. Женильба Александра II на княжне Долгорукой не нарушала легитимности власти, но авторитет власти ставился под удар [3, С. 480-481].

Новому императору пришлось восстанавливать престиж династии, который, как мне кажется, к тому времени безвозвратно пошатнулся. Александр III первым из монархов осознал проблему переплетения политики и внутрдинастических отношений. Главную роль в этом сыграл морганатический брак его отца. Императорская фамилия, являвшаяся не только символом государства, но и главным разработчиком государственной стратегии, дала трещину. Семья разрослась настолько, что было трудно сохранять контроль над поступками ее членов, что было чрезвычайно важно для страны, настаивающей на проведении политики, основанной на нравственности.

Первой после Константина Павловича запрет на морганатические браки нарушила дочь Николая I, Мария, в тайне от отца обвенчавшись с графом Г. А. Строгановым. Причем содействовали свадьбе цесаревич Александр Николаевич и его супруга [5, С. 32].

Сам Александр II, когда-то поддерживавший сестру, был решительным противником морганатических связей. Так, дав разрешение на бракосочетание с одной из фрейлин принца Евгения Лейхтенбергского, император заметил, что «Лейхтенберги не Великие князья», дабы о них беспокоиться, но обратился к наследнику: «ни в коем случае не давай разрешения на морганатические браки – это расшатывает трон» [2, С. 121-122].

Меж тем его братья, Николай и Константин, завели длительные романы с балетными танцовщицами, положив тем самым начало обычаю, который утвердился в императорском доме вплоть до его конца. Когда шеф жандармов Петр Шувалов доложил об этом императору, тот «побледнел от изумления и гнева.

– Как? – воскликнул он. – Незаконные связи, внебрачные дети в нашей семье, ведь у нас никогда не было ничего серьезнее гостиных интрижек!» [2, С. 123].

Положение царя усугублялось тем, что его сын, Алексей, собрался жениться на фрейлине А. В. Жуковской. Царская чета воспротивилась этому, и под давлением великий князь был вынужден отказаться от своей затеи [6. С. 569].

Однако это не могло остановить остальных членов императорской фамилии от необдуманных поступков, отражающихся на имидже династии.

Скандалы достигли пика, когда в начале 1870-х годов племянник царя великий князь Николай Константинович был задержан с драгоценными камнями, которые он снял с оклада материнской иконы, чтобы оплатить карточные долги [7. С. 445-446]. Великий князь был объявлен сумасшедшим и сослан в Хиву, но и там продолжал беспокоить семью своим пренебрежением к общественным нормам.

После того как любовница Николая Константиновича, американка Генриетта Блэкфорд, была выслана из России, она опубликовала в 1875 г. под именем Фанни Лир разоблачительные мемуары. Она описывает случай, когда Николай Константинович заявил императору, что «есть предел, где великий князь кончается и начинается человек» [7. С. 423]. Однако нужно понимать, если августейшая персона хочет не выделяться из толпы, то она должна отказаться и от всех имеющихся привилегий. До тех пор, пока великий князь являлся представителем династии, права на частную жизнь он не имел, иначе не могло быть речи о нравственном превосходстве.

Фанни Лир повествует в одной из сцен, как Николай Константинович выставляет напоказ лицемерие своего отца, Константина Николаевича, укорявшего его недостойное поведение: «За что меня винить, это моя кровь», и затем упоминает Петра I, Анну, Елизавету, Екатерину II, Павла, Николая I и, наконец, самого Константина Николаевича – у них у всех были любовницы и любовники [7. С. 427]. Здесь автор воспоминаний явно намекает на правящего императора.

После всего произошедшего, Александру II трудно было убедить двор, что его брак благое дело. На правящую династию был обрушен смертоносный удар, а сама легитимность подверглась попранию и позору. Александр III втайне всегда был готов упрекнуть своего отца, поэтому был намерен решительно бороться с пороками родственников. Так, когда великий князь Николай Николаевич-мл. попросил у императора разрешения жениться на купчихе, царь воскликнул: «Со многими дворами я в родстве, но с Гостиным еще не был и не буду» [3. С. 481]. Возможно, это лишь анекдот.

Династические скандалы поставили перед Александром III необходимость сокращения круга родственников, имеющих царские отличия, пока Романовы не стали объектом всеобщих насмешек. Но новое «Учреждение об императорской фамилии» (2 июля 1886 г.) скорее добавило распрей между родственниками. Дело в том, что по закону о престолонаследии и старшинстве степеней родства династии Романовых Павла I (5 апреля 1797 г.) все потомки по прямой линии от царствовавших государей до праправнуков включительно, носят титул «императорского высочества» и «считаются по рождению своему яко сыновья государевы». Последующие поколения пользуются титулом «высочества» и правами князей и княжон императорской крови, независимо от их степени родства с царствующим императором [8. С. 264]. Все это, естественно, подкреплялось денежным содержанием.

Но фамилия постоянно увеличивалась и к началу 1880-х гг. насчитывала 37 человек [8, С. 264]. После Александра II в составе династии образовалось несколько генеалогических линий, старшинство которых определялось степенью первородства. Александровичи (от Александра III), Владимировичи (от третьего сына Александра II Владимира), Павловичи (от младшего сына Александра II Павла), Константиновичи, Николаевичи, Михайловичи (от сыновей Николая I – Константина, Николая, Михаила) [9. С. 361].

Теперь логика Павла I утратила значение. Увеличение императорской фамилии за счет боковых линий «примет размеры, не оправдываемые ни близостью родства их с

царствующим монархом, ни материальной возможностью поддержать для всех сих лиц условную пышность внешнего существования. В таком случае высокие прерогативы членов царствующего дома могут сделаться достоянием слишком многих, а это, конечно, не будет содействовать к поддержанию в народе того благоговейного уважения, с которым он доселе относился к семейству своего монарха» [8. С. 264-265].

Таким образом, возникла ситуация, которую так охарактеризовал сам Александр III: «Оставить все так, значит пустить по миру свое собственное семейство» [9. С. 363]. Естественно, что остальные члены императорской фамилии негодовали: в адрес царской семьи посыпались колкости и двусмысленные замечания. Великий князь Михаил Николаевич даже заметил, что его сыновья «со временем сделаются недовольными и примкнут к числу таких же недовольных из общества» [8. С. 400].

Новая редакция «Учреждения об императорской фамилии» гласила, что отныне титул великого князя, великой княгини и императорских высочеств принадлежал сыновьям, дочерям, братьям, сестрам, а в мужском поколении и всем внукам императоров, а размеры денежных выплат теперь находились в прямой зависимости от степени родства [9. С. 366-367].

Таким образом, изменив статус многих членов императорской фамилии Александр III не только добился сокращения затрат ее на содержание, но и свел к минимуму круг лиц, несущих ответственность за поддержание престижа династии. Монарх трепетно относился к моральным устоям и, пожалуй, был самым ярым поклонником нравственности [10. С. 151-170].

Однако с этого момента началась романовская осень, когда явно обозначился закат династии [11]. Вступление на престол молодого и неопытного Николая II дало надежду императорской фамилии на большую свободу действий, старшие родственники надеялись влиять на него [12, С. 67]. Именно это царствование показало, как переплелись между собой политические действия и семейные отношения, как Романовы стали бороться за свое место под солнцем вопреки интересам империи, как заигрывание с общественным мнением привело к краху великой державы.

По воспоминаниям великой княгини Ольги Александровны, «все эти роковые годы Романовы, которым следовало бы являть собой самых стойких и верных защитников престола, не отвечали нормам морали и не придерживались семейных традиций» [12. С. 120]. Если Александру III еще какое-то время удавалось сохранять безупречной внешнюю сторону жизни императорской фамилии, то Николаю II такая задача оказалась не под силу. Следовавшие один за другим семейные скандалы держали в напряжении российское общество. Перечислить все нарушения нелегкая задача, сошлемся лишь на самые резонансные проступки. Так, вереницу ослушников возглавил дядя царя великий князь Михаил Михайлович, который женился вопреки запрету Николая II и поселился в Англии. Затем дядя императора великий князь Алексей Александрович составил любовный треугольник с герцогиней Зинаидой и Евгением Лейхтенбергскими. Далее последовал развод Анастасии Николаевны, княжны Черногорской и герцогини Лейхтенбергской, и ее замужество с великим князем Николаем Николаевичем-мл. В 1905 г. двоюродный брат царя, великий князь Кирилл Владимирович, женился на разведенной жене герцога Гессен-Дармштадтского. Но самым тяжелым для Николая II стал скандал с его родным братом Михаилом, который женился на Наталье Шереметьевской, дочери московского присяжного поверенного, уже дважды разведенной к этому моменту [13. С. 122-125]. Напомню, что по закону Михаил был вторым наследником престола.

Недовольство со стороны родственников императора вызывало его отношение к постановлениям семейных советов, к которым царь не только не прислушивался, но и отдавал прямо противоположные распоряжения. Невозможность делать непосредственные доклады по семейным делам великих князей считали ненормальным явлением. Но

окончательный разлад в семью внесло появление Григория Распутина. На нем мы не будем останавливаться, так как это тема отдельного исследования. Отмечу лишь, что он сильно снизил авторитет царской четы в обществе. По замечанию заведующего канцелярией министерства императорского двора А. А. Мосолова, в единственном коллективном письме членов императорской фамилии к государю, вызванном отправкой Дмитрия Павловича на персидский фронт за причастность к убийству Распутина, «поведение великого князя объяснялось велением совести. Трудно было сильнее осудить окружение ее величества» [11. С. 67-68].

Таким образом, семейные склоки и раздоры были вынесены далеко за пределы фамилии; скандалы становились достоянием общественности, что отнюдь не прибавляло Романовым популярности. По сути дела, династия разделилась на несколько кланов, враждующих между собой, объединявшихся только, чтобы раскритиковать действия царя [14, С. 206-207].

Отчасти «семейные восстания» против Николая II были связаны с личностью его супруги, императрицы Александры Федоровны. Женитьба на немецкой принцессе была самым волевым и роковым поступком Николая [15. С. 35]. Несмотря на все протесты матери, император настоял на своем. На фоне нараставших антигерманских настроений свекровь и невестка так и не смогли найти общий язык; они не только делили мужа и сына, но и его политику. Мария Федоровна не старалась помочь неопытной в государственных делах Александре, чем еще более расшатывала хрупкое положение императорской фамилии [11].

Да и сама Александра Федоровна не стремилась завоевать общественное уважение. По характеру последняя императрица была стеснительной и замкнутой женщиной; она не любила публичных мероприятий, так как чувствовала себя не совсем уверенной. Это порождало массу слухов о надменности и высокомерии царицы, которые она даже не пыталась опровергнуть [13. С. 98-100].

Приведу лишь один пример необдуманного поступка императрицы, описанный А. А. Мосоловым. Так, в одну из поездок в Крым Александра Федоровна, будучи беременной, просила на пути не устраивать никаких встреч. Но на одной из станций сдержать толпу, пришедшую приветствовать императора, не удалось. Николай II, после долгих уговоров, показался народу, чем вызвал гнев супруги, заявившей, «что его величество не имеет права поощрять неисполнение своих приказаний» [15. С. 39]. Естественно, что в народе царица была непопулярной, а при дворе считалась главным кукловодом николаевской политики.

Очевидно, что к началу Первой мировой войны Романовы сделали все возможное, чтобы дискредитировать себя, а соответственно и свой политический курс. Династия перестала справляться со своей миссией нравственного хранителя традиционных устоев, что являлось чрезвычайно важным для государства, привыкшего апеллировать к действиям по совести.

На смертном одре Николай I провозгласил свою веру в первенство и бессмертие фамилии, указав детям: «Живите всегда, как ныне, в тесном союзе любви семейной» [8]. Бракосочетанием с княгиней Юрьевской Александр II не просто погрел традиции своего отца, но и разрушил непогрешимый облик августейшей фамилии. Император, всю жизнь стремившийся к совершенству, был противопоставлен и отцу, и первой жене, и цесаревичу. Нравственно он проиграл в глазах общества, поэтому цареубийство воспринималось как посмертное очищение от грехов.

Александр III по-другому должен был строить жизнь своей семьи, но так и не смог избавиться от чувства постоянной опасности. Император и его супруга, Мария Федоровна, всячески стремились оградить личное семейное счастье от глаз недоброжелателей, поэтому его царствование до сих пор сопровождают домыслы и сплетни.

Александр III еще некоторое время удавалось сдерживать скандалы вокруг внебрачных связей членов императорской фамилии. Император даже попытался изменить

ситуацию новой редакцией «Учреждения об императорской фамилии». Изменив статус многих ее членов Александр III не только добился сокращения затрат ее на содержание, но и свел к минимуму круг лиц, несущих ответственность за поддержание престижа династии. Однако закон был рассчитан на долгосрочную перспективу, которой у Романовых не оказалось.

Царствование Николая II стало символом распада не только империи, но и династии. Родственники императора, забыв о своем высоком предназначении, занялись дележом титулов, доходов и влияния, чем окончательно подорвали свой авторитет. Результаты нам известны.

Когда митрополит говорил длинную речь над гробом Александра III, Мария Федоровна не выдержала, у нее случился нервный срыв. Своды Петропавловского собора огласились ее криком: «Довольно, довольно, довольно!» [3. С. 558]. Что ж: в этом соборе только через сотню лет были погребены останки последней царской семьи.

Библиографический список

1. **Палеолог, М.** Роман императора: Император Александр II и княгиня Юрьевская / М. Палеолог. – М.: НПП «Центр прикладных исследований», 1990. – 127 с.
2. **Толстая, А. А.** Печальный эпизод из моей жизни при дворе / А. А. Толстая // Октябрь. – 1993. – №5. – С. 93-134; №6. – С. 119-156.
3. **Волгин, И. Л.** «Колеблясь над бездной...»: Достоевский и русский императорский дом / И. Л. Волгин. – М.: Центр гуманитарного образования, 1998. – 656 с.
4. **Милютин, Д. А.** Дневник Д. А. Милютина / Д. А. Милютин; под ред. П. А. Зайончковского. – М., 1950. – Т.3: 1878-1880 гг. – 324 с.; Т.4: 1881-1882 гг. – 202 с.
5. **Тютчева, А. Ф.** При дворе двух императоров: Воспоминания. Дневник. 1853-1882 / А. Ф. Тютчева; под ред. Н. И. Посновой. – Тула: Приок. Кн. Изд-во, 1990. – 398 с.
6. **Шереметев, С. Д.** Император Александр III / С. Д. Шереметев // Мемуары графа С. Д. Шереметева / сост. Л. И. Шохин. – М.: Изд-во «Индрик», 2001. – С. 414-621.
7. **Лир, Ф.** Глава «августейшего» романа / Ф. Лир // За кулисами политики / сост. А. Либерман. – М.: Фонд Сергея Дуброва, 2001. – С. 403-446. – (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв.).
8. **Половцов, А. А.** Дневник государственного секретаря А. А. Половцова / А. А. Половцов; под ред. П. А. Зайончковского. – М.: «Наука», 1966. – Т.1: 1883-1886 гг. – 551 с.; Т.2: 1887-1892 гг. – 578 с.
9. **Боханов, А. Н.** Император Александр III / А. Н. Боханов. – М.: «Русское слово», 1998. – 512 с.
10. **Van der Kiste, J.** The Romanovs. 1818-1959 / J. Van der Kiste. – Stroud, 2004. – P. 151-170.
11. **Zeevat, C.** Romanov Autumn: Stories from the Last Century of Imperial Russia / C. Zeevat. – Stroud, 2000. – 287 p.
12. **Ольга Александровна**, великая княгиня. Мемуары / Великая княгиня Ольга Александровна, запись Я. Ворреса. – М., 2004. – 272 с..
13. **Мосолов, А. А.** При дворе последнего императора / А. А. Мосолов. – СПб., 1992. – 264 с.
14. **Ольденбург, С. С.** Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург. – М., 2003. – 672 с.
15. **Мария Федоровна**, императрица. Дневники императрицы Марии Федоровны. – М., 2005. – 638 с.
16. **Блудов, Д. Н.** Последние часы жизни императора Николая Первого / Д. Н. Блаудов. – М.: РИА «Кладезь», издат. центр «Россия молодая», 1992. – 24с.

УДК 904

*Свободный университет Берлина, аспирант
Воронежский ГАСУ, Международный научный центр
по фундаментальным исследованиям в области
естественных и строительных наук*

А. А. Строков.

Россия, г. Воронеж, тел. 8(980)246-87-10;

e-mail: anton.strokov@me.com

Независимый исследователь

Т. М. Гакаева

Россия, г. Воронеж, тел. 8(920)211-05-01

e-mail: tamara.gakaeva@yandex.ru

*Berlin Free University, Postgraduate Student
Voronezh State University of Architecture and Civil
Engineering,*

Research Center on Dynamics of Solids and Structures

A. A. Strokov.

Russia, Voronezh, tel. 8(980)246-87-10;

e-mail: anton.strokov@me.com

Independent researcher

T. M. Gakaeva

Russia, Voronezh, tel. 8(920)211-05-01;

e-mail: tamara.gakaeva@yandex.ru

А. А. Строков, Т. М. Гакаева

ОБУВНЫЕ НАБОРЫ ГУННСКОЙ ЭПОХИ С ТЕРРИТОРИИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА¹.

В статье рассматриваются находки ременных гарнитур эпохи Великого Переселения народов, происходящие с территории Таманского полуострова, которые могут быть интерпретированы как элементы обуви. За основу типологии обувных наборов взята классификация Э.А. Хайрединовой, разработанной ею для могильников юго-западного Крыма (прежде всего некрополь Лучистое). На Азиатском Боспоре обувные гарнитуры представлены типами 1-1 и 1-3. К элементам обуви относятся прежде всего пряжки, а также распределители ремней. Датировка находок укладывается в рамки V в. н.э.

Ключевые слова: археология, поздняя античность, Боспорское царство, ременные гарнитуры, пряжки, Таманский полуостров, погребения.

A. A. Strokov, T. M. Gakaeva

FOOTWEAR SETS OF HUN AGE FROM TAMAN' PENINSULA.

The article examines finds of Great Migration Period belt fittings in the Taman Peninsula that can be interpreted as elements of footwear. The typology of footwear sets is based on classification developed by E.A. Khairedinova for burial sites of the South-Western Crimea (first of all, the Luchistoe necropolis). In Asian Bosporus, footwear fittings are represented by Types 1-1 and 1-3. First of all, the elements of footwear include various belt buckles. The finds are dated back to the 5th century AD.

Key words: archaeology, Late Antiquity, Bosporan kingdom, belt fittings, buckles, Taman' peninsula, burials.

В данной работе рассматриваются находки ременных гарнитур V в. н.э. с территории Азиатского Боспора. В последнее время вопросы, связанные с изучением одежды древнего населения Северного Причерноморья и Северного Кавказа, привлекают особое внимание исследователей [1, 2], в том числе тема изучения обуви [3. С. 125-160; 4. С. 94-115].

Однако эта работа во многом осложняется состоянием источниковой базы.

Во-первых, сохранность органических остатков одежды оставляет желать лучшего, а во многих случаях остатки ткани или кожи отсутствуют.

© Строков А. А., Гакаева Т. М. 2016

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №15-31-01278 “Таманский полуостров в эпоху Великого переселения народов (по материалам погребальных комплексов)”.

Во-вторых, при полевых исследованиях не всегда уделяется должное внимание положению предметов в погребении, по которому можно было бы реконструировать форму или покрой одежды, либо его невозможно проследить в связи с разграблением гробницы и перемещению артефактов с их первоначального места.

Все вышеуказанное справедливо и для позднеантичных некрополей Таманского полуострова. Органические остатки обуви в исследуемых памятниках не встречены, о ее реконструкции мы можем судить лишь по сохранившимся металлическим элементам, лежащих в районе стоп погребенного. Прежде всего, это пряжки, а также редкие находки распределителей ремней. Однако во многих случаях (особенно что касается камерных гробниц – склепов) древние захоронения были ограблены, кости погребенных и инвентарь перемещены. На данный момент известно всего 9 захоронений с достоверно обувными гарнитурами, из них 8 происходят из Фанагории и 1 из некрополя у мыса Тузла. Данный факт объясняется масштабностью исследований Фанагорийского некрополя, особенно в последние годы, а также высоким уровнем документированности и опубликованности результатов раскопок последних лет в сравнении с предшествующей советской эпохой.

Судя по всему, обувь населения Тамани интересующей нас эпохи изготавливалась из кожи, а на ноге закреплялась ремнями, поэтому основным элементом обуви является пряжка. Органические остатки обуви нам неизвестны. По классификации Э.А. Хайрединовой рассматриваемые обувные наборы относятся к *1 типу*. Он определяется наличием характерных для конца IV – V вв. н.э. хоботковых пряжек. Обувные наборы, в которых представлены только пряжки, относятся к *1 варианту* этого типа (рис. 1, 1). Все пряжки бронзовые, имеют округлую рамку и длинный язычок, довольно значительно выступающий за кольцо, с резким уступом с тыльной стороны. И рамка, и язычок изготавливались из проволоки, округлой в сечении, иногда граненой. Подвижный щиток представлял собой перегнутую через рамку пластину, в месте сгиба которой имеется прямоугольная прорезь для петли язычка. Нижняя пластина почти всегда тоньше верхней и имеет уже несколько иную форму. Довольно часто рамка в тыльной части, где крепился щиток, бывает заметно спрямлена. Ремень закреплялся между пластинами с помощью одной или нескольких заклёпок. В 2 захоронениях (Фанагория № 1 и 12 2005 г., 30 1950 г.) [5. Рис. 6. 3, 4; Рис. 14. 2, 3; 6, Табл. 64. 34] пряжки имеют прямоугольный щиток, в 2 погребениях – № 3 2005 г. в Фанагории [7. Рис. 7. 3, 4] и 23 1999 г. Тузлинского некрополя – ромбический, при этом тузлинские пряжки имеют орнамент на щитке в форме дуговидных насечек [8. С. 99. Рис. 2. 3, 4]. В могиле 74 1938 г. обувные пряжки имеют треугольный щиток [9. Рис. 12. 1]. В большинстве случаев эти находки являются парными, то есть были найдены на каждой ноге погребенного. Как правило, застежки, использовавшиеся в обувных наборах, имеют меньшие размеры (около 3 см.), чем более крупные поясные пряжки. Тем не менее, в некоторых случаях для застегивания обуви использовались довольно крупные экземпляры (к примеру, в погр. 1/2005 или 30/1950 фанагорийского некрополя). Возможно, многие из известных в некрополе Фанагории небольших пряжек также служили в качестве обувных застежек, однако в большинстве случаев они были переотложены и об их функциональном назначении судить уже невозможно. Примечательна находка в ногах погребенного в гробу 3 погр. 8 1999 г. фанагорийского некрополя наконечника ремня [10. С. 436] – не был ли он частью обувного набора? Если да, то по типологии Э.А. Хайрединовой он мог бы относиться к типу 1 варианту 2. Однако других элементов обуви в данном случае не встречено, поэтому вопрос о принадлежности данного наконечника ремня к обувному набору остается открытым.

Второй вариант обувных наборов, встреченных на исследуемой территории, относится к *типу 1 варианту 3* (рис. 1, 2, 3). Он представлен пряжками-застежками и распределителями ремней, которые состоят из проволочного кольца и трех зажимов, аналогичных щиткам пряжек, прямоугольной формы. Такой вариант встречен в двух захоронениях – склеп 34 2005 г. [11. С. 382-386] и погр. 38 (P2) 2012 г. некрополя Фанагории.

В последнем случае, однако, опубликовано лишь краткое описание в тезисах конференции [12. С. 44], поэтому подробно судить о данном комплексе до полной публикации судить не приходится.

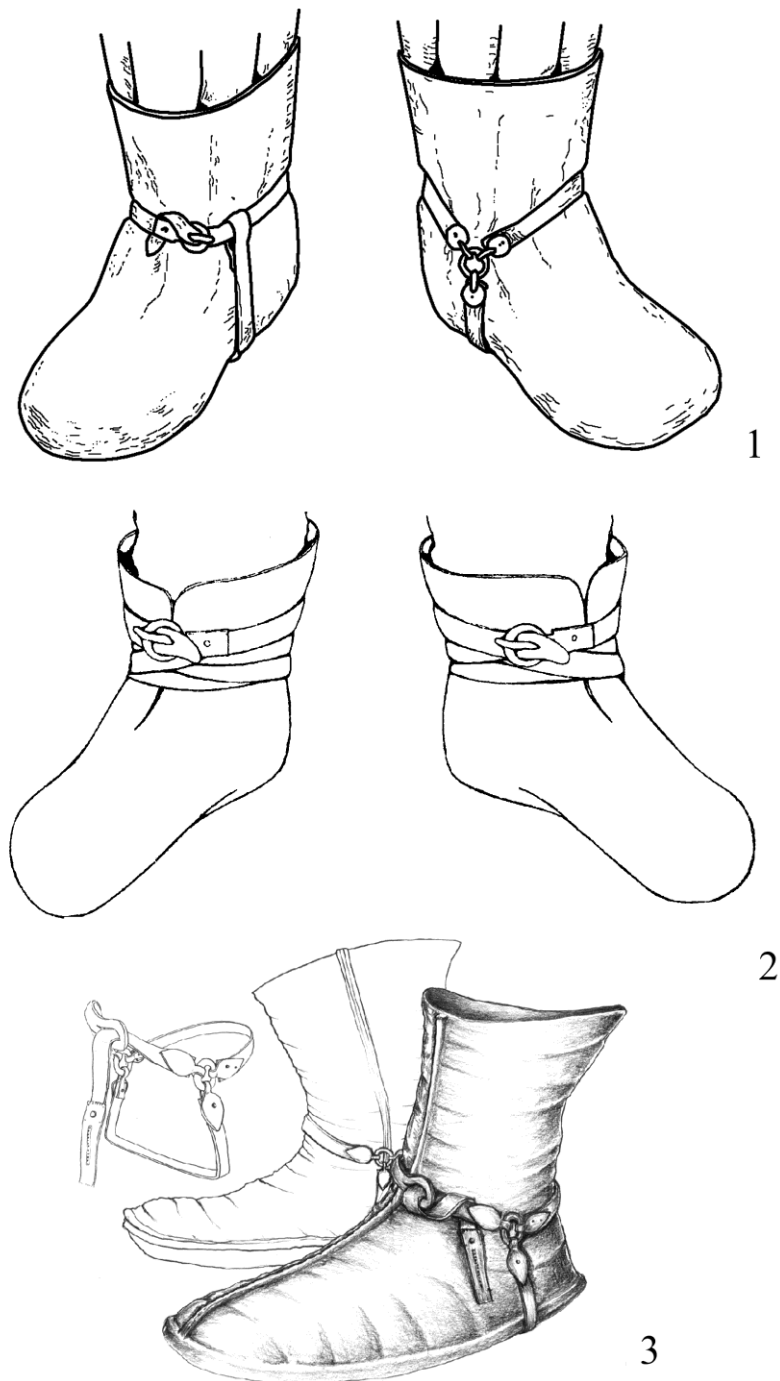

Рис. 1. Реконструкция обуви IV-V вв. н.э.
1 – тип 1-1; 2 – тип 1-3 (по Э.А. Хайрединовой); 3 – вариант реконструкции сапог с распределителями ремней из погребения в Ньередьхаза (по Г. Пинтье).

Особый интерес вызывает могила 34 (рис. 2), в которой был захоронен мужчина-воин. Это небольшой грунтовый склеп, в котором было совершено одиночное погребение. Сохранность скелета очень плохая – он представляет собой тлен. Вместе с человеческими

останками был обнаружен разнообразный инвентарь: железный наконечник копья, небольшая миска, покрытая грубым лаком, с остатками напутственной пищи (ребра овцы), стакан с каплями синего стекла, нож, серебряная накладка, несколько пряжек и кольцо-распределитель ремней.

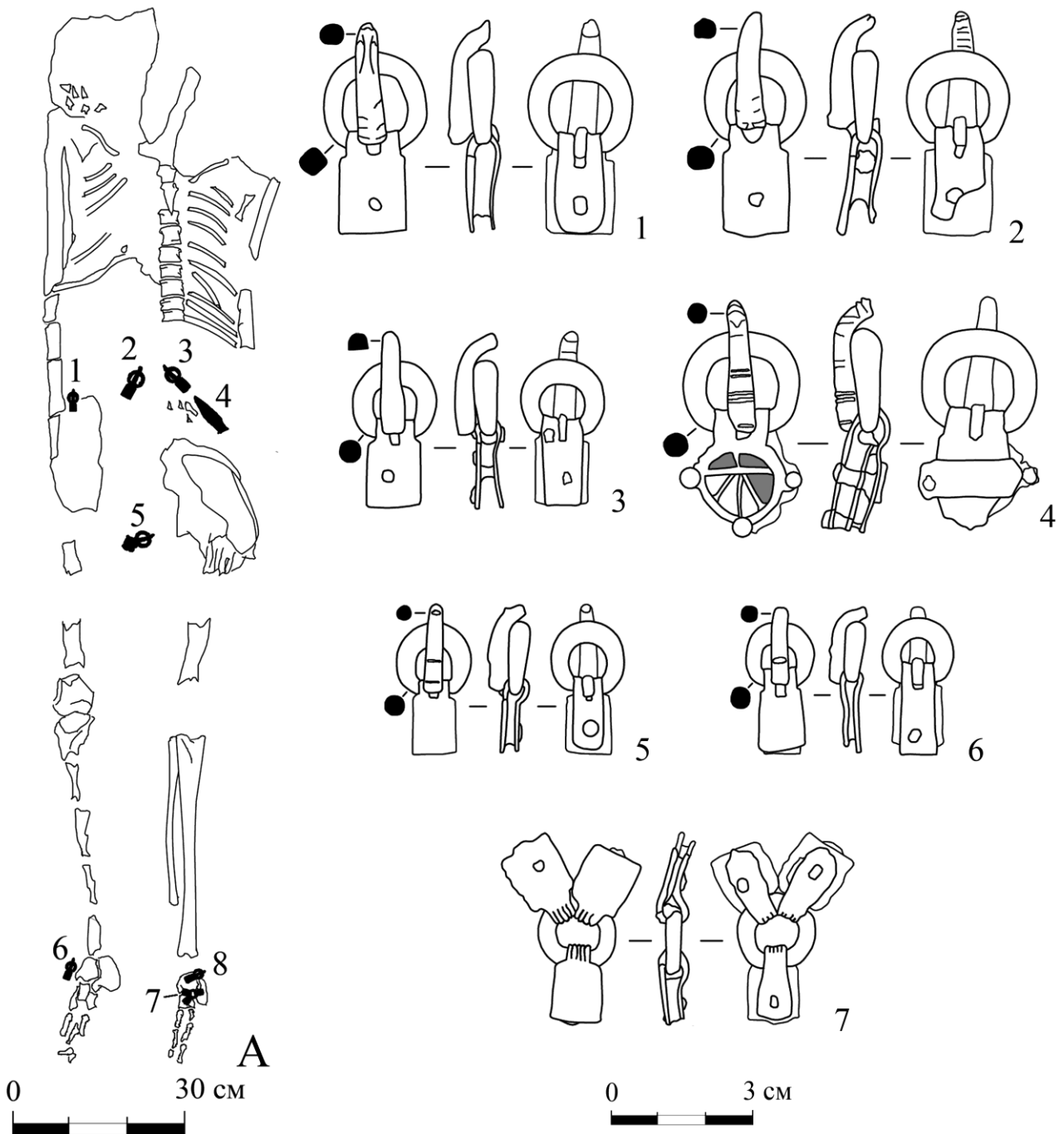

Рис. 2. Инвентарь захоронения 34/2005 Фанагорийского некрополя (по А.П. Медведеву).

Две пряжки были найдены на стопах погребенного (рис. 2, 5, 6) и являлись обувными застежками, они практически идентичны друг другу. Размеры их небольшие, диаметр рамки 15 – 15,5 мм, длина язычка 18 мм, размеры накладки 9 x 16 и 10 x 19 мм. Рамки круглые, массивные, с небольшим утолщением в передней части. Язычки массивные, хоботковые, с уступом, выходят за пределы рамки, имеют небольшие насечки.

На одной из стоп было также найдено кольцо-распределитель ремней (рис. 2, 7). Его диаметр – 16 мм, в сечении он округлый. К кольцу крепились три металлических зажима для ремней, похожих на щитки пряжек. Сохранившиеся концы ремней имели ширину 11 – 13 мм. Скорее всего, имелся и второй распределитель, однако он не сохранился.

Для датировки данного типа обуви ключевое значение имеют хоботковые пряжки. Они распространены на огромной территории от Франции до Урала и Казахстана, в захоронения как оседлого, так и кочевого населения. Они встречаются на территории Западной Европы [13. Abb. 17], в Крыму [14. 1990. Рис. 22, 23], на Боспоре [15. Рис. 12, *1a*, *1b*; 16, 1993. Кат. 109, 117, 231, 284, 379 и др.], в некрополе позднего Танаиса [17. Табл. 13, *197*; 22, *314* и др.] на Кавказе [18, 1989. Рис. 10, 5–6; 11, 2], а также в погребениях джетыясарской культуры на территории современного Казахстана [19. Рис. 125]. В вопросах их датировки большинство исследователей единодушны. Как уже упоминалось выше, их относят к концу IV – 1-й половине V вв. [20. С. 103; 21. Рис. 5. *16–34*; 22. С. 28]. По центральноевропейской хронологической шкале эти застёжки характерны для фазы D2, или 380/400 – 440/450 гг. [23. S. 338, 357. Abb. 17]. На территории Восточной Европы и на Кавказе эти застёжки встречаются и позже, вплоть до 1-й половины VI в. [24. С. 103; 25]. Однако в нашем случае можно исключить позднюю датировку пряжек, особенно из участка, раскопанного в 2005 г. на Восточном некрополе Фанагории.

Кожаная обувь с подобными хоботковыми пряжками, была повсеместно распространена в интересующую нас эпоху на территории Боспора, Восточной Европы, Подунавья [более подробно см. 26; 27], вплоть до территории Британии, где она рассматриваются как элемент восточноевропейской, «дунайской», моды, принадлежащей восточногерманским, возможно готским, наемным воинам [28. P. 109–110. Fig. 1]. Однако находки обуви, в которой, кроме пары ремней, застегивающихся пряжками, использовались еще и распределители, довольно редки. Наиболее реалистичным вариантом реконструкции такой обуви, как нам кажется, является реконструкция Э.А. Хайрединовой [29. Рис. 3, *1b*]. Всего, кроме находок из Фанагории, известно 9 погребений с подобными пряжками и кольцами-распределителями.

Самые известные погребения с подобной обувью – это погр. 5 склепа 88 из крымского могильника у Лучистого и могила 27/1985 некрополя Танаиса. В этих захоронениях, как и в фанагорийском, детали интересующих нас ременных гарнитур были обнаружены на стопах человеческих останков, что не оставляет сомнения в использовании их как застёжек обуви [30. С. 291–293; 31. С. 25. Табл. 22, *310*]. Распределители были аналогичны фанагорийским, только форма щитков была иной – в Лучистом округлая, в Танаисе – листовидная. Погребения в Танаисе и Лучистом также четко датируются 1-й половиной V в.

С территории Северного Причерноморья происходит еще одна находка похожих распределителей (4 шт.), сделанных из золота и украшенных вставками граната – из Ялпугского клада 2006 г. (Одесская область, Украина) [32. Рис. 2, *7-10*]. Публикаторы считают этот клад комплексом, происходящим из захоронения, судя по всему, воина-всадника, о чем можно судить по наличию предметов конского снаряжения. Авторы не указывают функциональное назначение данных распределителей, однако, судя по размеру и аналогиям из Лучистого, Танаиса и Фанагории, можно говорить об их использовании именно как обувных элементов.

Похожие на одесские находки происходят и с территории Северного Кавказа, из могильника Брут (Северная Осетия), курган 2 [33. Кат. 64]. Там также были найдены 4 золотых распределителя, инкрустированные в стиле «клуазонне» гранатами.

А.М. Обломским было опубликовано впускное женское погребение в кургане скифского времени у с. Лихачевка, где также было обнаружено изделие из кожи, пряжек и парных распределители ремней, которое находилось на локте погребенной. Исходя из размеров колец-распределителей (они слишком малы для уздечного набора) и аналогий из

Лучистого и Танаиса, А.М. Обломский сделал справедливый вывод, что это – обувь захороненной здесь женщины [34. С. 222–223]. Автор публикации датировал находку у Лихачевки 2-й половиной V – 1-й половиной VI вв. Однако существует и отличное от этого мнение, кажущееся мне более справедливым, по которому данные пряжки и распределители могут относиться и к предшествующей «гуннской» эпохе [35. С. 110].

Еще одна находка небольших распределителей ремней происходит из Безводнинского могильника в Среднем Поволжье. В погребении 141 1-й половины VI в. [36. С. 110] на грудь воина были положены ремни, от которого сохранились три серебряные пряжки с В-образной рамкой (в публикации даны рисунки только двух из них), 2 серебряных наконечника ремней и 2 серебряных распределителя. Ю.А. Краснов считает, что это уздечный ремень [37. С. 178]. Однако размеры колец-распределителей позволяет говорить с некоторой долей уверенности, что здесь также имеет место быть обувной набор. Стоит вспомнить, что в погребении у с. Лихачевки обувной набор также был найден не на стопах скелета, а в районе локтя, то есть обувь в могилу положили отдельно. Скорее всего, в Безводном наблюдается подобный случай.

Интереснейшую находку сделали недавно венгерские археологи в ходе охранных раскопок около города Ньередьхаза. В мужском захоронении 69/01 в районе ног погребенного были обнаружены похожие бронзовые распределители ремней, зажимы которых имели листовидную форму [38. Pl. III, 7-9]. Данный могильник авторы связывают с сарматами.

Подобную обувь также использовали прибалтийские племена. В могильнике Плинкайгалис в погр. 65 были обнаружены 3 кольца-распределителя с прямоугольными щитками, а также по 2 шпоры, пряжки и наконечника ремня. Автор раскопок В. Казакевичюс реконструирует обувь погребенного, где шпоры крепились к обуви как раз с помощью распределителей ремней [39. Pav. 138]. Датируется могильник Плинкайгалис V-VI вв.

Еще одно похожее кольцо происходит из погребения 10 V в. в бельгийском Самсоне [40. Taf. 98, 21]. К сожалению, нет никакой информации о детальном расположении предметов в захоронении. Тем не менее, судя по размерам, этот распределитель с большой долей вероятности мог быть частью обувного набора. Так считает и Э.А. Хайрединова [41. С. 129].

Следует отметить, что хорошо документированные находки наборов типа 1-3 с распределителями ремней, где фиксируется их принадлежность именно к обуви, известны в основном в Северном Причерноморье (Фанагория, Танаис, Лучистое, Ялпугский клад) или на Северном Кавказе. Возможно, именно под влиянием боспоро-причерноморских традиций этот типа обуви распространился на другие территории (находки в Лихачевке и Безводном, в Венгрии). А.В. Комар, как и А.М. Обломский, датирует лихачевское захоронение 1-й половиной VI в., поэтому он считает, что непосредственной связи находок типа Лучистого с лихачевским набором нет [42. С. 110]. Однако, как уже было упомянуто ранее, кочевническая находка из Украины может быть и «гуннского» времени, соответственно она вполне могла появиться здесь под влиянием населения Северного Причерноморья, а уже оттуда распространиться и на территорию Среднего Поволжья (Безводное), а, возможно, и далее на север – к прибалтийским племенам, которые оставили могильник Плинкайгалис. А.В. Комар связывает возникновение такой традиции (бандажа кожаной обуви ремнями с пряжками, а иногда и распределителями) с ираноязычными народами Евразии. Находки в Ньередьхаза (Венгрия) и Бруте в Северной Осетии, а также в сарматизированном регионе Северного Причерноморья вполне гармонируют с данной точкой зрения.

Примечательно также и то, что в 7 из 10 погребений, где найдены подобные фанагорийскому распределители ремней, были захоронены мужчины-воины. В погр. 34/2005 Восточного некрополя Фанагории среди инвентаря найден железный наконечник копья [43. Рис. 40, 1]. В могиле 5 склепа 88 в Лучистом, в погр. 141 Безводнинского могильника и в

погр. 10 бельгийского Самсона, в кургане 2 могильника Бруг вместе с обувными наборами, были обнаружены мечи (44. С. 291. Рис. 17, 4; 45. С. 178. Рис. 51, 2; 46. 1974. Taf. 98, 15; 47. Кат. 55). Находки в Ялпугском кладе также указывают на всаднический характер погребенного [48. Рис. 1]. В захоронении 65 литовского могильника Плинкайгалис, судя по шпорам, речь идет о погребенном всаднике. Только в Лихачевке и Танаисе с подобной обувью и без оружия были захоронены женщины.

Таким образом, обувь V в. н.э. представляла собой своеобразный кожаный чулок, перетянутый ремнями, которые застегивались пряжкой, иногда с применением дополнительных элементов, таких как наконечники или распределители. Реконструкция, предложенная Э.А. Хайрединовой, выглядит вполне достоверно (рис. 1, 1, 2). Для подтверждения данной гипотезы можно также привлечь иконографические материалы – стоит вспомнить диптих вандала Стилихона, хранящийся в соборе Монца, на котором хорошо видна его обувь с бандажом ремнями под стопой и на голени (49. S. 20), или изображение на блюде из Гордиковского склепа в Керчи [50. Кат. №5]. К схожему выводу и реконструкции пришел и автор венгерских раскопок Габор Пинтье [51. Pl. VII. 4] (рис. 1, 3).

К сожалению, реконструкция элементов одежды на данный момент очень затруднена. В основном это связано со скудностью источниковой базы – кожаные и другие органические материалы сохраняются в земле плохо, при расчистке погребений не всегда удается фиксировать и документировать расположение отдельных элементов одежды или обуви (52. С. 132–133). Поэтому каждое новое погребение, где четко зафиксировано расположение сохранившихся частей обуви, может представлять большой интерес для исследователей.

Библиографический список

1. **Soupault, V.** Les éléments métalliques du costume masculin dans les provinces romaines de la mer Noire, IIIe-Ve s. ap. J.-C. / V. Soupault // *British Archaeological Reports: International Series* 167. – Oxford: Hadrian Books Ltd. 2003.
2. **Мастыкова, А. В.** Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. / А. В. Мастыкова. – М.: Институт археологии РАН. 2009.
3. **Хайрединова, Э. А.** Обувные наборы V-VII вв. из Юго-Западного Крыма / Э. А. Хайрединова // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – Симферополь: Крымский филиал Института востоковедения НАНУ, 2003. Вып. X.
4. **Комар, А. В.** Детали обуви восточноевропейских кочевников VI-VII вв. / А. В. Комар // *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. – СПб.: «Нестор-История», 2010.
5. **Медведев, А. П.** Позднеантичный некрополь Фанагории 4-5 вв. (раскопки 2005 г.) / А. П. Медведев // *Фанагория. Результаты археологических исследований. Материалы по археологии и истории Фанагории*. – М., 2013. Т. I.
6. **Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII вв.** / Под общ. ред. С. А. Плетневой. – М.: Наука. 2003.
7. **Медведев, А. П.** Позднеантичный некрополь Фанагории 4-5 вв. (раскопки 2005 г.) / А. П. Медведев // *Фанагория. Результаты археологических исследований. Материалы по археологии и истории Фанагории*. – М., 2013. Т. I.
8. **Кондрашев, А. В.** О верхней хронологической границе Тузлинского некрополя / А. В. Кондрашев, А.В. Пьянков // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. – Краснодар, 2002. Вып. 2.
9. **Блаватский, В. Д.** Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг. / В.Д. Блаватский // *Материалы по археологии северного Причерноморья в античную эпоху. Материалы и исследования по археологии СССР*. – М., 1951. № 19.
10. **Шавырина, Т. Г.** Исследования западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987-2000 гг.) / Т.Г. Шавырина, О.М. Ворошилова // *Фанагория. Результаты*

- археологических исследований. Материалы по археологии и истории Фанагории. – М., 2013. Т. I.
11. **Медведев, А. П.** Позднеантичный некрополь Фанагории 4-5 вв. (раскопки 2005 г.) / А. П. Медведев // Фанагория. Результаты археологических исследований. Материалы по археологии и истории Фанагории. – М., 2013. Т. I.
12. **Сударев, Н. И.** Новые погребальные комплексы конца IV – начала V в. н.э. на Таманском полуострове / Н.И. Сударев, И.Р. Ахмедов // Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья. – М.: Институт археологии РАН. 2013.
13. **Tejral, J.** Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum / J. Tejral // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum. – Brno, 1997.
14. **Айбабин, А. И.** Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени / А. И. Айбабин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Крымский филиал Института востоковедения НАНУ, 1990. Вып. I.
15. **Корпусова, В. М.** Сільске населення пізньоантичного Боспору / В. М. Корпусова // Археологія. – Киев: Институт археологии АН УССР. 1973. № 8.
16. **Засецкая, И. П.** Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н.э. / И. П. Засецкая // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Крымский филиал Института востоковедения НАНУ, 1993. Вып. III.
17. **Арсеньева, Т. М.** Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. / Т. М. Арсеньева, С. И. Безуглов, И.В. Толочко. – М.: Институт археологии РАН, 2001.
18. **Амброз, А.К.** Хронология древностей Северного Кавказа / А. К. Амброз. – М.: Наука, 1989.
19. **Левина, Л. М.** Этнокультурная история Восточного Приаралья / Л. М. Левина. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.
20. **Амброз, А. К.** Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы / А. К. Амброз // Советская археология. – М.: Наука, 1971. № 2 и 3.
21. **Амброз, А. К.** Хронология древностей Северного Кавказа / А.К. Амброз. – М.: Наука, 1989.
22. **Айбабин, А. И.** Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени / А.И. Айбабин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Крымский филиал Института востоковедения НАНУ, 1990. Вып. I.
23. **Tejral, J.** Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum / J. Tejral // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum. – Brno, 1997.
24. **Дмитриев, А. В.** Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо / А.В. Дмитриев // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII вв. – М.: Институт археологии АН СССР, 1982.
25. **Гавритухин, И. О.** Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины / И.О. Гавритухин, В.Ю. Малашев // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998.
26. **Айбабин, А. И.** Этническая история ранневизантийского Крыма / А.И. Айбабин. – Симферополь: «Доля», 1999.
27. **Комар, А. В.** Детали обуви восточноевропейских кочевников VI-VII вв. / А.В. Комар // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. – СПб.: «Нестор-История», 2010.

28. **Ager, B.** Kingsholm, Gloucester, Burial B1 Revisited / B. Ager // Transactions of the Bristol and Gloucester Archaeological Society. – Bristol, 2012. № 130.
29. **Хайрединова, Э. А.** Обувные наборы V-VII вв. из Юго-Западного Крыма / Э.А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Крымский филиал Института востоковедения НАНУ, 2003. Вып. X.
30. **Айбабин, А. И.** Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму / А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Крымский филиал Института востоковедения НАНУ, 1998. Вып. VI.
31. **Арсеньева, Т. М.** Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. / Т.М. Арсеньева, С.И. Безуглов, И.В. Толочко. – М.: Институт археологии РАН, 2001.
32. **Паламарчук, С. В.** Вещевой комплекс Ялпугского клада / С.В. Паламарчук, М.М. Фокеев // Древнее Причерноморье. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. Вып. IX.
33. Аланский всадник. Сокровища князей I—XII веков: Каталог выставки / Автор-составитель Т.А.Габуев – М.: ГМИНВ, 2005.
34. **Обломский, А. М.** Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевки Полтавской области / А.М. Обломский // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2004.
35. **Засецкая, И. П.** Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху / И.П. Засецкая, М.М. Казанский, И.Р. Ахмедов, Р.С. Минасян. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007.
36. **Комар, А.В.** Детали обуви восточноевропейских кочевников VI-VII вв. / А.В. Комар // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. – СПб.: «Нестор-История», 2010.
37. **Краснов, Ю.А.** Безводнинский могильник / Ю.А. Краснов. – М.: Наука, 1980.
38. **Pintye, G.** Hun Age Single Graves at the Track of Motorway M3 / G. Pintye // Ephemeris Napocensis. – Bucarest, 2014. XXIV.
39. **Kazakevičius, V.** Plinkaigalio kapinynas / V. Kazakevičius // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 1993. 10.
40. **Böhme, H.-W.** Germanische Grabfunde des 4. Bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. Studien zur Chronologie und Bevölkerungsgeschichte / H.-W. Böhme. – München, 1974.
41. **Хайрединова, Э. А.** Обувные наборы V-VII вв. из Юго-Западного Крыма / Э.А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Крымский филиал Института востоковедения НАНУ, 2003. Вып. X.
42. **Комар, А. В.** Детали обуви восточноевропейских кочевников VI-VII вв. / А.В. Комар // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. – СПб.: «Нестор-История», 2010.
43. **Медведев, А. П.** Позднеантичный некрополь Фанагории 4-5 вв. (раскопки 2005 г.) / А.П. Медведев // Фанагория. Результаты археологических исследований. Материалы по археологии и истории Фанагории. – М., 2013. Т. I.
44. **Айбабин, А. И.** Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму / А. И. Айбабин, Э.А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Крымский филиал Института востоковедения НАНУ, 1998. Вып. VI.
45. **Краснов, Ю. А.** Безводнинский могильник / Ю.А. Краснов. – М.: Наука, 1980.
46. **Böhme, H.-W.** Germanische Grabfunde des 4. Bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. Studien zur Chronologie und Bevölkerungsgeschichte / H.-W. Böhme. – München, 1974.
47. Аланский всадник. Сокровища князей I—XII веков: Каталог выставки / Автор-составитель Т.А.Габуев – М.: ГМИНВ, 2005.
48. **Паламарчук, С. В.** Вещевой комплекс Ялпугского клада / С. В. Паламарчук, М. М. Фокеев // Древнее Причерноморье. – Одесса: ФЛП «Фридман А. С.», 2011. Вып. IX.

49. **Il Duomo** di Monza. I tesori / R. Conti, ed. – Milano: Electa, 1990.
50. **Засецкая, И. П.** Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н.э. / И. П. Засецкая // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Крымский филиал Института востоковедения НАНУ, 1993. Вып. III.
51. **Pintye, G.** Hun Age Single Graves at the Track of Motorway M3 / G. Pintye // *Ephemeris Napocensis*. – Bucarest, 2014. XXIV.
52. **Яценко, С.А.** Костюм древней Евразии (ираноязычные народы) / С. А. Яценко. – М., 2006

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

УДК 1.316

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж),
Кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Н. А. Зуева
Россия, г. Воронеж,
тел. 89204050550;
e-mail: zuevan2010@yandex.ru*

*Military Training Research Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu. Gagarin» (Voronezh)
PhD in Philosophy, Associate Professor of the
Humanities and Social and Economic Sciences Chair N.
A. Zueva
Russia, Voronezh,
tel. 89204050550;
e-mail: zuevan2010@yandex.ru*

Н. А. Зуева

ЭМИЛЬ СИОРАН – ФИЛОСОФ СОМНЕНИЯ

Статья посвящена творчеству одного из оригинальных мыслителей современной западной философии, развенчивающего иллюзии человеческого существования.

Ключевые слова: конец истории, существование, скептицизм, пессимизм, сомнение.

N. A. Zueva

EMIL CIORAN – THE PHILOSOPHER OF DOUBT

The article examines the works of one of the most original philosopher of the modern western philosophy who discredits illusions of human existence.

Key words: end of history, existence, skepticism, pessimism, doubt.

Эмиль Мишель Сиоран (Чоран) - французский мыслитель румынского происхождения, автор афоризмов, эссеист, чьи основные работы были сравнительно недавно переведены на русский язык.

Творчество М. Сиорана многогранно и настолько оригинально, что не может оставить равнодушным ни одного читателя: его тексты «конструируются энергией «творческой плазмы», сплавляющей в нерасторжимом единстве художественные образы и философские понятия, описания событий и их концептуальное осмысление» [1. С. 6].

Эмилю Сиорану свойственен особый, неповторимый стиль письма, завораживающий и элегантный, подходящий жанрам, которым отдавал предпочтение автор, - эссеистике и афористике.

Эмиль Мишель Сиоран, или Чиоран (именно так звучит румынская фамилия автора), родился в Румынии в 1911 году. Его детство было счастливым и ничто не предвещало кардинального изменения его мировоззрения, послужившего толчком к рождению мэтра «горьких силлогизмов» [2], «философа-нигилиста» [3].

Сам Эмиль Сиоран вспоминал: «Моим призванием было жить на природе... работать в саду... Самое большое потрясение, которое я пережил, произошло в 1920 году, когда я был вынужден покинуть родное село в Карпатах...».

Некоторые исследователи его творчества [4] связывают появление сиорановского пессимизма и с последующим его увлечением философией Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше (в 1937 году он пишет диссертацию по проблеме зла в философии Ф. Ницше).

Мишель Сиоран был разносторонним человеком, знакомым с наследием античных стоиков, скептиков и эпикурейцев, считал гением Ф.М. Достоевского, несколько скептически и с иронией относился к Платону, Аристотелю, И. Канту, Г. Гегелю, М. Хайдеггеру, а музыка Баха почти убеждала его в существовании Бога...

В течение двух месяцев весной 1941 года был советником по культуре при коллаборационистском правительстве Виши, но позднее постарался забыть о своем крайне правом прошлом. Тем не менее, его политические увлечения (от коммунизма до нацизма [5]) привели к неоднозначному к нему отношению и резким высказываниям в его адрес («экстремист в чистом виде», «убежденный антисемит» и т. п.). Однако, философ С. Лотрингер считает, что увлечение М. Сиорана нацизмом объяснимо с точки зрения его пессимистического мировоззрения: «Он находит в Германии то, о чем всегда мечтал: черную бездну, в которую он и погружается» [6]. Кроме того, здесь речь идет, по-видимому, о характерном сиорановском любопытстве, особенно в отношении идеологий.

Позднее он избегал участвовать в открытых идейных столкновениях своей эпохи. А отказ от признания притязаний румынского национализма и нацистского варварства способствовал превращению Мишеля Сиорана в противника любого фанатизма, любой «страсти к догме». В «Искушении существованием» он пишет: «...бесчинства, порожденные богиней Разума, стимулируемые национальными, классовыми или расовыми идеями, сродни буйству Инквизиции и Реформации» [7. С. 13].

Его неоднозначность приводит к огромному числу эпитетов, которыми читатели – поклонники и критики его творчества, – наделяют М. Сиорана: «аристократ сомнения», «отец отчаяния», «фанатик ничто», «апологет декаданса», «ликующий пессимист» и т. п. Но его загадка остается неразгаданной до сих пор, что, возможно, связано с его устремлением всегда и во всем оставаться мыслителем, «мыслящим против себя самого», и, по словам испанского философа Ф. Саватера, «никогда не перестававшего мыслить в самом глубоком смысле этого слова и писавшего только о том, о чем всегда мыслил». Эта «подвижность», отсутствие того, что принято называть «позицией», позволяет М. Сиорану и после смерти избегать окончательных трактовок, а его читателям – «проторенных дорог, навязываемой мысли, единственной манеры размышления» [8].

Мишель Сиоран называл себя скептиком и замечал: «Скептику тоже хотелось, подобно всем остальным людям, переживать из-за химер, составляющих жизнь. Но у него это не получается: он мученик здравого смысла» [9. С. 221]. Однако, его скептицизм оригинален, поскольку не сводится ни к отрицанию, ни к сомнению, а представляет собой стремление к ясности, своеобразное предостережение «по поводу как поспешных и безапелляционных суждений, так и попыток построения универсальных философских систем» [10. С. 5]. М. Сиоран с сожалением констатирует, что на протяжении многих веков человечество, однако, предпочитало верить, а не сомневаться.

Занимаясь самоопровержением, двигаясь наперекор собственным мыслям, скептицизм Мишеля Сиорана представляет собой оригинальную, «интравертную» его версию, что позволяет мыслителю размышлять с одновременным «подрывом любой приверженности к изложенным мыслям, не говоря уже о «действии» на их основе» [11]. Эта неуверенность, сомнение в правильности собственных размышлений, постоянное самовопрошание о возможной ошибке приводит читателя в тупик, в состояние интеллектуальной оторопи. Как следовать за мыслью, которая вдруг стопорится и пытается повернуть вспять, а по большей части насмехается сама над собой? Эта мысль – призыв прислушиваться к голосу своих сомнений, предохраняющему от опасности догм, предрассудков, «коллективных одержимостей», претензия на уникальный «экзистенциальный маршрут», на собственный

выбор как вызов определенности и проклятию. Эта мысль - призыв к неоднозначной трактовке событий, к воздержанию от поспешных суждений, к сомнению, отделяющему мысль от действия. Это приводит к тому, что читатель начинает ненавидеть или любить эту особую провокационность мысли у М. Сиорана, вот только остаться равнодушным к его творчеству невозможно.

«Очевидным» и «прозорливым» является представление о скептике как уставшем, апатичном и желчном в своих редких суждениях, но М. Сиоран – скептик страстный, «ликующий».

Его творчество «не вполне серьезно» в том смысле, что он не старается ни критиковать, ни поучать: «Его намерение - разъесть, подтачивать бесспорные принципы и незыблемые добродетели, сеять сомнения там, где здравому смыслу все кажется прочным и надежным» [12. С. 8].

Бог? Жалкий трус, чье творение явилось «первым актом саботажа» [13. С. 200], вселенная – «огромной общей спальней, в которой кошмар является единственным способом трезвомыслия» [14. С. 253], жизнь – «фундаментальной ошибкой, свидетельством плохого вкуса» [15. С. 253], а венцом творения - человек, «источающий из себя катастрофы» [16. С. 182].

Философия? «Убежище от разлагающего буйства жизни», попытка «скрыть за блеском возвышенных слов «крики отчаяния», а за сухими абстракциями - «безымянный стон»» [17. С. 8-9]. С его точки зрения, усматривать предназначение философии в объяснении мира, или, как в марксизме, в его практическом преобразовании, сомнительно. Единственная задача философии - раскрытие разлада «мыслящего кентавра с самим собой». Более того, искать в философских истинах вневременную, абсолютную и объективную истину – непростительная глупость, поскольку «философская мода приходит так же, как мода гастрономическая: опровергать идею – это все равно что опровергать какой-нибудь соус» [18. С. 219].

История? «Гниение, заражающее своим тлением будущее», бессмысленное и бессмысленное образование, в котором человечество - «никчемное перекаати-поле» - «может гордо задирать голову» [19. С. 236].

Жизнь, согласно мыслителю, антиномична по сути, поэтому ее постижение не может быть однозначным и тем более она не может быть детерминирована, несмотря на то, что «Бог испокон веков выбирал за нас все, вплоть до галстуков» [20. С. 237]. Подвергая сомнению «очевидное», мысля «против себя самого», он утверждает приоритет экзистенциального сомнения перед безоглядной верой.

В своих работах Мишель Сиоран погружает читателя в мир человеческих иллюзий: одержимость славой и утопической погоней за светлым будущим, а также обнажает парадоксы, связанные с течением и восприятием времени проблемами жизни и ее смысла, одиночества, отчаяния, страха, смерти и самоубийства.

Человека преследует «желание и ужас славы». Человек обуреваем желанием получить одобрение и признание окружающих. Однако, подобное стремление универсально настолько, что даже Бог не смог его избежать, создав Адама и Еву ради собственного восхваления и возвеличивания [21. С. 374].

Однажды познавшие славу, не находят в себе сил от нее отказаться... В человеке всегда живет жажда быть кем-то большим, чем он есть на самом деле, потому «большинство событий возникает из желания ягненка стать волком». Эта одержимость и мания величия становятся менее интенсивными в минуты одиночества, когда человек более походит на самого себя и у него нет необходимости играть роль, основной задачей которой является снискание обожания и восхищения других. Человек – существо, обладающее сознанием собственной значимости, поэтому с исчезновением потребности в признании исчезли бы, вероятно, и мотивы, побуждающие человека творить и самоутверждаться...

Согласно мыслителю, обреченный на страдания человек не по своей воле заброшен в бытие, атрибутивные характеристики которого - справедливость, добро, истина и т. п. - не достижимы для него. Эмиль Сиоран пишет: «...справедливость – это воплощенная несбыточность, гигантская неосуществимость, единственный идеал, о котором можно уверенно утверждать, что он не реализуется нигде и никогда, и которому, кажется, противостоят все законы природы и общества» [22. С. 136].

Бытие, согласно М. Сиорану, «вынужденно антропоцентрично». Человек – ничто в сравнении с вечностью, и его антропологическая ничтожность двойственна: он внутренне незначителен (по отношению к самому себе) и незначителен внешне (по отношению к огромному миру). Первая объяснима случайным фактом его заброшенности в бытие, в «угасающий мир», в котором все обречено на забвение, вторая - его конечностью – основной человеческой драмой, однако ничтожной в сравнении с пространственно-временной бесконечностью мира. Человек – «существо, не способное подняться до понимания святости досуга, дезертир свободы, людоед, припудренный цивилизацией» [23. С. 8].

Бытие человека – «почти ничто», но это все, что у него есть. Безусловно, не всем рожденным судьба благоволит. Но неужели это может рассматриваться как несчастье по сравнению с привилегией быть, быть избранником, единственно способным познать и горести, и радости бытия? «Жизнь – это боль до всех глубин, но радость глубже» [24. С. 166]. И «вовсе не Бог, а Боль пользуется преимуществами вездесущности» [25. С. 198]. Однако, что, как ни боль и страдание могут являться доказательствами того, что ты до сих пор жив? Жизнь – травмирующий опыт, но только она и есть у человека. Приняв эту простую истину, М. Сиоран раскрывает секрет своей способности приспособляться к жизни: «Я меняю свои отчаяния как рубашки», «каждый день является Рубиконом, в котором мне хочется утонуть» [26. С. 209].

«Жутко человеческое существование и к тому же всегда лишено смысла», - так говорил Заратустра [27. С. 15]. «Пессимисту приходится каждый день придумывать все новые и новые оправдания своему существованию: он является жертвой «смысла жизни»», - вторит ему Мишель Сиоран [28. С. 248]. Согласно ему, человек не способен просто наслаждаться бытием, он всегда погибает из-за груза того «Я», которое пытается взвалить на свои плечи. Поиски «смысла жизни» и своего предназначения, надежда на лучшее – вот немногие способы его крушения. В этих поисках человек упорствует, разрушая себя: «Верные себе яростные натуры никогда не отчаиваются, а предпринимают все новые попытки, упорствуя в своих затеях, ибо они не могут жить без страданий...», «горячными и неистовыми являемся все мы, все, утратившие тайну душевного покоя и живущие лишь для терзаний» [29. С. 144].

Потрясение, которое испытывает, понимая и принимая это, человек самосознающий, вполне закономерно приводит его к идее самоубийства, открывающей в сознании самоубийцы иллюзию того, что можно положить конец существованию самого мира, - таков его гордый солипсизм. Ощущение собственной способности вступить в противоборство со смертью, принять «решение» и достичь совершенного состояния «ничто», дает человеку возможность самоуважения. Но жизнь – не только величайший соблазн, но и величайший из пороков, возможно, поэтому человеку так трудно отказаться от нее. Более того, привычное существование в страдании порождает у человека любопытство мазохиста, вопрос «А что же дальше?»: «...разве можно вот так незелегантно покидать мир, который столь охотно служит нашей печали?» [30. С. 239], в котором останутся те, кого мы еще не успели разочаровать и в котором мы еще не пережили всех противоречий и не попали в оставшиеся тупики?

Мысль о самоубийстве, безусловно, искусительна, но, по словам М. Сиорана, «мысль о смерти помогает умереть, но смерть, понимаемая как друг, спутник жизни, помогает жить...». М. Сиоран принимает решение «не выходить из игры», «не бросать партию» и подводит черту под размышлениями о смерти и самоубийстве: «Я живу только потому, что в моей власти умереть, когда мне вздумается; без идеи самоубийства я бы уже давно свел

счета с жизнью» [31. С. 228]. Сознание того, что он есть существо уникальное, неповторимое в своем волеизъявлении, удерживает человека от соблазна по собственной воле уйти в ничто.

Одной из важных проблем, которую М. Сиоран затрагивает в своих работах, - проблема «угасающего мира», «выдохшейся цивилизации» (следует заметить, что речь идет о «последнем закате» современной ему Европы).

С точки зрения М. Сиорана, в стадию угасания раньше или позже входят различные общества. И долговечность агонии человечества зависит от того, насколько быстро иссякнет некая витальная энергия, заставляющая их двигаться вперед. Однако, это движение к пропасти, хотя до сих пор находятся люди, которые верят в то, что общество может кардинально измениться и избежать последней катастрофы.

Подобное неразумие М. Сиоран связывал с верой в «чары несбыточного», то есть в то, что заставляет человека как историческое существо гоняться за недостижимым счастьем. Речь идет даже не о счастье, а об идее счастья. Идея – краеугольный камень всех утопических систем. Утопия («нигдея») вдохновляется и создается толпами жаждущих иного мира здесь и сейчас, - толпами обреченных на ожидание несбыточного. Попытка реализовать утопию может обернуться катастрофой, поскольку «то, что для утопистов было совершенством, для нас превращается в изъян, их химеры становятся нашими бедами. Тип общества, рисовавшийся им в самых возвышенных тонах, для нас, в ежедневном употреблении, непереносим» [32. С. 124].

Герои утопий – зрелище малопривлекательное, они более напоминают автоматы, имеют мало общего с конкретными людьми: «Лишенные плоти и крови, безупречные и никакие, растоптанные общественным Благом, свободные от изъянов и пороков, объемов и контуров, знать не знающие о реальной жизни, об искусстве краснеть за самого себя, изодраться в самообвинениях и самомучительстве...» [33. С. 125]. Утопия стремится к утверждению унифицированного, однородного, типичного, повторяющегося и правильного и именно поэтому она не имеет ничего общего с жизнью – «взрывом, ересью и нарушением физических норм». Человек же – «ересь в квадрате», победа индивидуальности, прихоти, «явление возмутительное, существо, несущее раскол» [34. С. 126].

Человек, по Сиорану, - чудовище, одиночка, разрушитель мирового порядка, постоянно наносящий смертельные удары жизни, наслаждающийся исключительностью, несущий тяжелое бремя привилегии «быть», расплачивающийся за превосходство над себе подобными собственной недолговечностью.

Вирус лучшего будущего не оставляет человека, человечество одержимо прогрессом, который ошибочно представляется как путь к обретению «царства добра и справедливости». Не обретя его внутри себя, «преследуемый чувством внутренней пустоты, которое он пытается скрыть от себя любым способом» [35. С. 97], человек делает историю, онтологическим основанием которой является творимое им зло. Но, как пишет М. Сиоран, «история разделяется с человеком» [36. С. 79] – своим творцом и объектом, двигателем и жертвой.

Осмысливая историю человечества, М. Сиоран не сомневается: «Если бы Ной обладал способностью читать будущее, он, вне всякого сомнения, постарался бы потопить свое судно» [37. С. 181]. Он пытается обнаружить источники апокалипсиса, к которому человечество последовательно приближается. С точки зрения мыслителя, первый шаг к нему был сделан тогда, когда люди объединились в общество, «чтобы как следует тиранить других». Со временем, обуреваемые желанием унижить и растоптать другие народы, они рожают некую безумную идею, ставящую перед этим народом цели, несоизмеримые с их реальными возможностями, и предлагающую идеалы, абсолютно непропорциональные его их современному состоянию. В погоне за этим идеалом общество теряет ту витальную энергию, которая служила стимулом его истории, дряхлеет и, вопреки оптимизму

утопического сознания, стремится к своему закату, в пропасть грядущей катастрофы. М. Сиоран находит в себе силы шутить и в патовой ситуации: «Тот, кто по рассеянности либо по некомпетентности хоть немного задерживает человечество в его движении вперед, является его благодетелем» [38. С. 196].

Однако, ни добрая воля народа, ни политические решения не могут отменить катастрофы. Апокалиптический финал неизбежен, поскольку агония человеческого общества уже началась, а историческое время так напряжено, что попросту не может не взорваться: человек заражает пространство, изгоняет чистоту и порядок, порождая проблемы и кризисные явления в природе и во всех сферах общества. Чтобы разрушить мир и себя, человеку не нужен ассистент в виде судьбы: он растратил себя на то, чтобы уничтожить свою собственную легенду, подтвердил своей историей утопичность проекта «человек». Более того, не удовлетворяясь естественными бедствиями, обрушивающимися на него, человек ощущает потребность заменить их более эффективными искусственными, изобретая все более изощренные способы самоликвидации. А ведь «в те, времена, когда человечество, только-только начавшее развиваться, примеривалось к несчастьям, никто бы и не подумал, что оно сумеет наладить их серийное производство» [39. С. 181].

М. Сиоран уверен в приближении катастрофы (и это, пожалуй, единственное, в чем он уверен), он лишь задается вопросом о той скорости, с которой человечество проделает обратный путь из салонов в пещеры.

Особенно явственно для М. Сиорана прослеживаются намеки будущей катастрофы в Европе. Когда-то процветающая, истратившая ныне все таланты, истощившая свой гений, Европа сегодня искупает прошлый успех бесплодием. Ее настигла судьба Рима, который, почив на лаврах, вознамерился отдохнуть, когда варвары пришли в движение. М. Сиоран размышляет о том, что современные мигранты «просачиваются» в среду коренных жителей, слишком анемичных и утонченных, чтобы опускаться до идеи «своей территории», беречь свою идентичность. Так настезь распахиваются двери, когда-то бдительно охранявшиеся... Так народ, чья историческая идея достигнута, а миссия выполнена, не считает нужным сохранять свою самобытность и теряется в хаосе разноплеменных лиц. Рассуждая о «наследниках пост-истории», Мишель Сиоран приходит к выводу, что «будущее принадлежит отдаленным пригородам земного шара» [40. С. 163], остальным же остается смятение и одновременное желание хохотать перед лицом существования.

Эмиль Сиоран – мыслитель, мастер афоризма, пытающийся шутить на краю пропасти, с мрачным юмором оценивающий прошлое, настоящее и будущее цивилизации. Оригинальность его мышления и трагичность мировосприятия могут вызывать как отрицательные, так и положительные эмоции, но никого не оставят равнодушным.

Библиографический список

1. **Малышев, М. А.** Эмиль Мишель Чоран: развенчание иллюзий существования человека / М.А. Малышев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. - 2014. - Т. 14. - Вып. 1. - С. 5-27.
2. **Assouline, P.** Cioran et la chute de l'homme dans le temps. – (<http://www.lemonde.fr/livres/articles/2011/04/07/cioran-et-la-chute-de-l-homme-dans-le-temps-1504149-3260.html>).
3. **Combis-Schlumberger, H.** Emil Cioran, “plaisantin” à la pensée dévastatrice. – (<http://www.franceculture.fr/philosophie/emil-cioran-plaisantin-a-la-pensee-devastatrice.html>).
4. **David, S.** Cioran. Une réussite crépusculaire / S. David // Revue “Argument: politique, société, histoire”. - Vol. 10 - N. 1 (Automne 2007 – Hiver 2008). –

(<http://www.revueargument.ca/article/2007-10-01/411-cioran-une-reussite-crepusculaire.html>).

5. **Sollers, Ph.** Quant Cioran admirait Hitler. – (<http://bibliobs.nouvelobs.com/essais/20090514.BIB3427/quant-cioran-admirait-hitler-par-philippe-sollers.html>).
6. **Combis-Schlumberger, H.** Emil Cioran, “plaisantin” à la pensée dévastatrice. – (<http://www.franceculture.fr/philosophie/emil-cioran-plaisantin-a-la-pensee-devastatrice.html>).
7. **Сиоран, Э.** Искушение существованием / Э. Сиоран. – М.: Республика, 2003. – 431 с.
8. **Barguillet Hauteloire, A.** La solitude selon Emil Cioran. – (<http://www.agoravox.fr/culture-loisirs/culture/article/la-solitude-selon-emil-cioran-41752.html>).
9. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
10. **Малышев, М.А.** Эмиль Мишель Чоран: развенчание иллюзий существования человека / М.А. Малышев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. - 2014. - Т. 14. - Вып. 1. - С. 5-27.
11. **Сонтаг, С.** «Думать наперекор себе»: размышления о Чоране. – (<http://magazines.russ.ru/inostran/1996/4/choran3.html>).
12. **Малышев, М.А.** Эмиль Мишель Чоран: развенчание иллюзий существования человека / М.А. Малышев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. - 2014. - Т. 14. - Вып. 1. - С. 5-27.
13. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
14. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
15. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
16. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
17. **Малышев, М. А.** Эмиль Мишель Чоран: развенчание иллюзий существования человека / М.А. Малышев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. - 2014. - Т. 14. - Вып. 1. - С. 5-27.
18. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
19. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
20. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
21. **Сиоран, Э.** Искушение существованием / Э. Сиоран. – М.: Республика, 2003. – 431 с.
22. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
23. **Малышев, М.А.** Эмиль Мишель Чоран: развенчание иллюзий существования человека / М.А. Малышев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. - 2014. - Т. 14. - Вып. 1. - С. 5-27.
24. **Ницше, Ф.** Собр. соч.: в 2 т. - Т. 2. / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. – 829 с.
25. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
26. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
27. **Ницше, Ф.** Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм: Сборник: пер. с нем. / Ф. Ницше. – Мн.: ООО «Попурри», 1997. – 624 с.

28. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
29. **Сиоран, Э.** Испытание существованием / Э. Сиоран. – М.: Республика, 2003. – 431 с.
30. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
31. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
32. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
33. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
34. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
35. **Панкратьев, О. В.** Скука и кризис созерцания / О.В. Панкратьев // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 2. - № 2. – С. 96-104.
36. **Чоран, Э.** После конца истории. – (<http://www.fedy-diary.ru/html/092012/19092012-01a.html>).
37. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
38. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
39. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с франц. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
40. **Сиоран, Э.** Испытание существованием / Э. Сиоран. – М.: Республика, 2003. – 431 с.

УДК 130.2

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,
Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
С.А. Коршунова.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: skorsh5@gmail.com*

*Voronezh State University of
Architecture and Civil Engineering,
PhD in philosophy, Associate Professor
of Philosophy, Sociology and History Chair
S.A. Korshunova.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: skorsh5@gmail.com*

С. А. Коршунова

СУБКУЛЬТУРА ДЕТСТВА: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Статья рассматривает историю возникновения и развития субкультуры детства. Автор анализирует концепт «детство» и отмечает объективные критерии взросления человека. Автор делает вывод, что субкультура детства существует в европейском обществе с 16 века, и рассматривает особенности современной субкультуры детства

Ключевые слова: субкультура детства, критерии взросления, этология, импринтинг, феральные дети, пубертат, отложенное взросление

S. A. Korshunova

THE SUBCULTURE OF CHILDHOOD: THE HISTORY OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT

The article reviews the history of the emergence and development of childhood subculture. The author analyzes the concept of "childhood" and notes the objective criteria of adulthood. The author concludes that childhood subculture founded in the 16th century and reviews the peculiarities of the modern subculture of childhood

Key words: subculture of childhood, criteria of adulthood, ethology, imprinting, feral child, puberty, long coming-of-age

Среди всех физиологических отличий человеческого вида от других биологических видов важным отличием является довольно длительный период между рождением человека и его зрелостью (то, что мы называем взрослым состоянием человека).

Можно рассматривать в качестве критерия взросления различные факторы, но среди объективных, безусловно, будет анатомо-физиологический критерий взросления: например, возраст, при котором животное перестает расти. Практически у всех млекопитающих (за редким исключением) период роста, то есть по сути детства, занимает не более 10 процентов от всей продолжительности жизни, характерной для этого вида. Современный человек, способный прожить до 80-90 лет, таким образом, должен достигать взрослого состояния к 8-9 годам. Однако мы понимаем, что рост человеческого организма, а значит и период взросления продолжается и после этого этапа.

Возникает вопрос: «зачем человеку такое долгое детство?».

С биологической точки зрения, человек рождается не таким физически сформированным, как детеныши других животных, кроме того, большой размер головного мозга человека предполагает освоение им огромного количества знаний, умений и навыков. Такие сложные функции мозга, как речь, речевое мышление, воображение, абстрактное мышление требуют длительного времени для их формирования.

Специфика человеческого развития заключается и в особом механизме, с помощью которого происходит процесс обучения ребенка. Этология, начиная с ее основателя Конрада

Лоренца, доказала, что важнейшую роль в становлении человеческого поведения играет импринтинг (запечатление). Дальнейшие исследования этологов показали, что явление импринтинга у высокоорганизованных животных распространено чрезвычайно широко, а его проявления отнюдь не ограничиваются такими простыми и наглядными поведенческими актами, как реакция следования.

В ходе своего эволюционного развития человеку удалось распространить этот психологический механизм на сугубо человеческие области деятельности. Например, импринтинг лежит в основе освоения детьми родного языка, поэтому без особых усилий дети способны не только эффективно запомнить огромное количество слов, но и усвоить грамматические конструкции, парадигмы изменения слов (словообразование). При этом нужно иметь в виду, что существует жесткое ограничение времени, в течение которого возможно такое обучение. Обычно оно происходит в первые годы жизни, начинаясь практически с рождения, когда ребенок получает возможность слышать человеческую речь, приводя к более-менее полноценному владению языком чаще всего где-то на четвертом году жизни. Поэтому родным языком для ребенка навсегда останется тот, звуки которого он слышал в этом возрасте.

Если в этот наиболее продуктивный период ребенок почему-либо был лишен возможности слышать человеческую речь, запечатление может происходить и позже — хотя и менее эффективно. По мнению психологов, эта способность пропадает окончательно в период между шестью и восемью годами: если до этого возраста ребенок не встретился ни с каким человеческим языком, он уже никогда не научится говорить. Об этом свидетельствуют известные науке примеры феральных детей (детей-«маугли») [1. С.118].

Поскольку когнитивная способность человека составляет его качественное отличие от других биологических видов и лежит в основе его эволюционного развития, объем запечатлеваемой человеком информации должен быть намного больше объема информации, получаемой животными. В этом и состоит объективная причина, по которой эволюция продлила человеческому виду его период детства. Как писал известный российский этолог Виктор Дольник: «Долгое детство нужно человеческому ребенку затем, чтобы растянуть период самого эффективного обучения — период импринтингов, которые возможны, пока продолжается формирование новых структур мозга» [2. С. 97].

Однако, рассматривая содержание понятия «детство» человека, следует иметь в виду, что физиологическая зрелость, то есть «взрослость» человека отличается от социальной зрелости. Разрыв между физиологической и социальной зрелостью у человека достаточно заметный: возраст, в котором подросший ребенок становится полноправным членом общества, в разных культурах различается очень сильно, почти нигде не совпадая с возрастом половой зрелости. В некоторых обществах социальная зрелость оказалась даже не связанной с брачным возрастом, что сделало возможным признание «социально взрослыми» подростков, еще не завершивших пубертата.

Кроме того, если фазы физиологического созревания не имеют четких границ, то человеческая культура стремится зафиксировать четкую границу между детством и взрослостью. В одних обществах эта граница обозначается специальным обрядом инициации, в других — просто законодательно установленным возрастом совершеннолетия. Почти каждая законодательная система предусматривает несколько ступеней взросления (возраст уголовной ответственности, получения водительских прав, брачный возраст, возраст политического совершеннолетия и т. д., причем внутри каждого могут существовать дополнительные градации). И практически во всех современных обществах планка совершеннолетия установлена много выше возраста физиологической (репродуктивной) зрелости.

Многие современные ученые, анализируя феномен человеческого детства, склонны рассматривать его как культурную традицию. Человек, стремительно проходящий ступени

эволюции, приобретал облик нового – «культурного существа». Биологические программы, конечно, сохранялись, но часто на уровне подсознательных механизмов. В то же время культура обеспечивала человечеству внутривидовое разнообразие. Теперь уже не биологическая эволюция, а эволюция культуры определяла границы человеческого детства.

Если рассматривать детство как социальный и культурный артефакт, то становится понятным утверждение некоторых исследователей, что детство в современном значении этого слова, существует не более 400 лет [3].

Хотя в греческой философии и существовала разработанная картина семи возрастов жизни человека: младенец (до 7 лет), отрок (до 14 лет), юноша (до 21 года), молодой человек (до 28 лет), мужчина (до 50 лет), пожилой человек (до 56 лет), старик (после 56 лет), брак, согласно греческой традиции, мог заключаться в возрасте 12-15 лет для женщины, а для мужчины на 10-15 лет позже. Кроме того, греческая традиция, не выделяла детей как особую социальную группу, заслуживающую к себе какого-то специального отношения. Мальчики и девочки воспитывались как будущие мужчины и женщины, поэтому их воспитание подразумевало овладение соответствующими навыками и умениями.

Вплоть до IV века до н. э. в Греции не существовало моральных или правовых запретов на детоубийство. Отношение к детям, по современным меркам, было весьма жестоким. Вместе с тем следует отметить, что греки всячески культивировали идею образования. Само слово «школа», изначально означавшее «досуг», отражало представление афинян о том, что гражданин в свободное время должен предаваться учению и размышлениям. Афинская и тем более спартанская школа имели еще мало общего с нынешними школами, возраст учеников, впервые постигавших грамоту, был уже подростковый, но все же само существование школ наталкивало греков на смутное понимание идеи детства.

Римская цивилизация продвинулась на этом пути дальше, так как здесь уже начала формироваться некая норма поведения взрослых по отношению к детям. Так, знаменитый римский педагог Марк Фабий Квинтилиан в своем сочинении «Об ораторском образовании» отмечал широкие возможности детского развития. Он дал ряд дидактических указаний о развитии речи у ребенка, начиная с первых лет его жизни, отмечая необходимость учета индивидуальных особенностей ребенка. Можно утверждать, что Квинтилиан предполагал возрастные отличия у детей и взрослых, поскольку упрекал римскую знать за распущенный язык и вольное поведение в присутствии детей — обычай, за который «следовало бы краснеть».

Падение Рима и наступление Средних веков обусловило резкий сдвиг в отношении общества к детям, вызванный исчезновением важных социальных параметров, формирующих в обществе ареал детства, в частности, грамотности, приобретаемой в школе. В средневековом «неграмотном» мире отсутствовало разделение человеческой жизни на взрослую и детскую сферы. В отличие от древнегреческих эфебов, становящихся совершеннолетними в 18 лет, в Средние века ребенок считался полноценным взрослым с семи лет, поскольку в это время окончательно овладевал речью и, в соответствии с церковными представлениями, был способен отличить добро от зла. В то же время отсутствовала сама концепция образования ребенка как подготовки к жизни во взрослом мире. Существовавшие школы не были для этого предназначены: в них, в частности, не было упорядочения материала по сложности соответственно возрасту ребенка.

Факт, что дети меньше взрослых, не приводил к тому, чтобы дети имели особый статус. Дети присутствовали на всех семейных и общественных мероприятиях, в том числе на погребальных церемониях. Обратной стороной этого явления было то, что средневековый мир не выработал богатых форм «взрослого» бытового поведения, подлежащего усвоению юным существом. Детям не прививали брезгливости, их не приучали

к собственной гигиене. В поведении взрослых и детей было много общего, их роднили «ужасные» манеры.

До XVII века нет никаких ссылок на существование детской речи или жаргона, после – их предостаточно. Не существовало никаких отличий в одежде детей от взрослых, кроме того, что она была просто меньшего размера, об этом свидетельствуют изображения детей на семейных портретах. Кроме роста, они лишены всех деталей, которые мы ассоциируем с детством, и они никогда не изображены отдельно от взрослых. Такие картины являются совершенно точным представлением психологического и социального восприятия детей до XVI в. Отсутствие детства в Средние века подтверждается и демографическими исследованиями. В эпоху неразвитой медицины и высокой смертности из родившихся детей выживали единицы, и у взрослых отсутствовал психологический комплекс сопереживания детям. Пока ребенок не вырастал и не доказывал свою жизнеспособность, он попросту не вызывал у родителей особого внимания и интереса.

Ключевым событием, давшим толчок для формирования субкультуры детства, стало изобретение книгопечатания. Описывая культурные последствия этого важнейшего изобретения, американский философ и социолог Нейл Постман, вслед за канадским экономистом и социологом Гарольдом Иннисом, доказывает, что коммуникационная технология, господствующая в тот или иной период, определяет предметную сферу мышления, символическую систему, господствующую в культуре, и, наконец, устройство самого общества как мыслящей среды.

Таким образом, можно считать, что вся европейская культура стала читающей культурой, а детство стало отростком грамотности. Человек не мог стать взрослым, если не умел читать. Как первый перевод Библии, выполненный Лютером на немецком языке, символизировал становление новых отношений человека и церкви, так и первый научный трактат «Продвижение знания», изданный в 1605 г. на английском языке Френсисом Бэконом, ознаменовал переход европейского общества в новую эпоху – эпоху науки и образования.

Одновременно европейцы снова открыли то, что Платон знал об обучении чтению – что его лучше проводить в раннем возрасте. В XVI в. это стало означать, что молодых нужно отделять от прочих для обучения чтению, т.е. для обучения тому, как быть взрослыми. До печатного пресса дети становились взрослыми, учась говорить, на что все люди запрограммированы биологически. После печатного пресса, детям пришлось зарабатывать взрослость, изучая грамоту, на что люди не запрограммированы биологически. Это означало необходимость создания школ, и прежде всего, начальных школ. Именно начальное образование становится в Европе первой сферой формирования субкультуры детства.

В 1480 г. во всей Англии было 34 школы. К 1660 г. их было более 450. С основанием школ, молодые неизбежно стали восприниматься как особый класс людей, чьи разум и характер качественно отличаются от взрослых, они воспринимались не как маленькие взрослые, а как нечто совершенно другое – как несформировавшиеся взрослые. Школьное обучение стало идентифицироваться с особой природой детства. Детство, в свою очередь, стало определяться посещением школы, и слово «ученик» стало синонимом слова «ребёнок».

В результате сложилось современное представление о развитии человека как о последовательности стадий, где детство есть мост между младенцем и взрослым. За последние 350 лет в Европе разрабатывалась и совершенствовалась концепция детства, формировались и улучшались социальные и культурные институты по уходу за детьми, по их воспитанию и образованию. Дети получили особый преимущественный статус, отражённый в особых представлениях о том, как они должны думать, говорить, одеваться, играть и учиться.

По мере объединения детей в особую социальную группу по признаку ученичества, у этой группы стали появляться другие специфические признаки: своя одежда, манера

поведения, язык (жаргон, сленг) и даже своя система ценностей. В результате сформировалась субкультура детства, а за ней и молодежная субкультура.

На протяжении XVII–XVIII веков принцип построения школьной программы претерпел значительную эволюцию. Первоначально связь между возрастом и уровнем образования не была жесткой. Классы объединяли детей по уровню чтения, а не по возрасту. Со временем уровень знаний класса и календарный возраст детей были приведены во взаимное соответствие. При этом школьная программа строилась, исходя из представления ее составителей о порядке усвоения учебного материала. Программы были нацелены на формирование особых черт интеллекта, необходимых для хорошего чтения: чувство индивидуальности, способность к последовательному логическому мышлению, способность оперировать абстрактными величинами, отказ от немедленного получения удовольствия.

Начиная с XVII века, учителя и родители стали применять строгие дисциплинарные меры по отношению к детям. Естественные склонности ребенка стали восприниматься не только как помеха чтению, но и как проявление природного порочного начала, которое можно преодолеть лишь с помощью образования. Контроль над спонтанными телесными потребностями и проявлениями обеспечивался социально культивируемым чувством стыда. Запретной становилась не только сексуальная и приватно-телесная сфера, но и многие области социальных отношений. Сферой тайного, секретного, недосказанного для детей становились проблемы, связанные с деньгами, болезнями, насилием, смертью и т.д. Эти секреты раскрывались ребенку лишь по мере его взросления.

Важную роль во всех этих процессах играла семья, которая как современный социальный институт выросла из потребностей обучения. Ее основной функцией было вкладывать средства в образование детей, помогать им осваивать школьную программу, контролировать их поведение и круг чтения, тем самым доводя до них требования общества. Такой подход к семье подкрепляется концепцией английского философа Д. Локка, провозгласившего, что родившийся ребенок – это *tabula rasa* (чистая доска), заполняет которую общество, и прежде всего, родители. Если подросший ребенок остается невежественным, ведет себя не дисциплинировано и неприлично, то ответственность за это несут родители.

В течение всего XIX века педагогика, философия, социология и психология формировали сложный комплекс представлений о детстве, существовавших в то время. В результате сложился определенный образ ребенка, имевшего следующие специфические черты:

1. Дети существенно отличаются от взрослых.
2. Чтобы стать взрослым, ребенок должен приложить усилия.
3. Ответственность за выращивание и воспитание детей лежит на взрослых.

Однако начавшиеся в XX веке серьезные социокультурные трансформации приводят к глубоким изменениям и в субкультуре детства. Изобретение способов передачи информации, а затем и телевидения изменяет всю культурную среду. Как замечает Н. Постман в своей работе «Исчезновение детства», новая символическая среда, вызванная к жизни «графической революцией», неумолимо разъедает социальные основы, на которых покоится детство. Оказывается, что для восприятия телевизионной культуры не требуется специальное обучение, визуальный язык не имеет алфавита, поэтому грамотность перестает быть тем водоразделом, который отделяет детство от зрелости. Сама эта новая культура не предъявляет сколько-нибудь серьезных и сложных требований к рациональной деятельности сознания и формам поведения человека. Кроме того, общество, принимая облик массового, теряет свои различительные культурные признаки и становится однородным. Электронные медиа не просто нивелируют культурные различия, но и делают любую информацию общедоступной. В результате секреты любого свойства, раскрытие которых составляет

важнейшую часть информационного потока (в широком смысле слова), не могут быть утаены от детей.

Следует иметь в виду, что с течением исторического времени многие тревожные и острые темы (связанные с отношением между полами, насилием, кровосмешением, душевными болезнями и т. п.) закономерно могут перейти из сферы постыдного в разряд публично обсуждаемых социальных, политических и психологических явлений. Однако, ребенок должен понимать, что взрослые способны контролировать свои физиологические порывы, побуждения к жестокости и насилию. Это, в свою очередь, поможет ребенку формировать рациональное отношение к окружающему миру, воспитывать в себе самоконтроль, обращать внимание на свое социальное и языковое поведение, проявлять нравственные начала своей души.

В мире актуальной, быстро меняющейся, общедоступной информации взрослые перестали быть авторитетными проводниками детей по лабиринту знаний. В связи с распространением телевидения и информационных технологий современный ребенок начинает терять важную черту своего возраста – любопытство. Электронные медиа, прежде всего, телевидение, размывают границу между известным и непознанным, приводят к тому, детское любопытство сменяется цинизмом или самонадеянной заносчивостью. Дети начинают ориентироваться уже не на авторитет взрослых, а на информацию, поступающую «ниоткуда».

Результатом названных изменений становится стирание возрастных границ и отличий. Поведение, привычки, желания и даже внешний вид взрослых и детей становятся неотличимыми. Сейчас почти нет разницы между преступлениями взрослых и детей, и во многих штатах наказания становятся одинаковыми. Индустрия детской одежды, пережившая за последние годы бум, обеспечивает своими товарами не только детей, но и взрослых, стремящихся выглядеть вечно молодыми. Детские игры, когда-то столь впечатляющие и разнообразные и столь категорически неподходящие для взрослых, быстро исчезают.

Многие современные исследователи отмечают новый феномен, наметившийся в сознании и развитии ребенка, - так называемое растянутое взросление. Традиционные жизненные фазы: младенчество, детство, зрелость (взрослый возраст) и старость уступили место новому, трехчастному делению: младенчество — полувзрослый-полудетский возраст (Н. Постман применяет для его обозначения неологизм *adult-child*) — глубокая старость (*senility*). Полувзрослый человек, чьи интеллектуальные и эмоциональные возможности в принципе не реализуемы, всегда присутствовал в культуре, но именно в наше время названный социальный тип превращается в норму. Классическая концепция детства и социализации была ориентирована на главную идею — достичь в процессе воспитания вполне осязаемого результата, который откроет дорогу к полноценному взрослому состоянию. Согласно еще недавно считавшейся общепринятой идее детство успешно и удачно (и для ребенка, и для родителей), если к 18 годам оно завершается — причем таким образом, чтобы это было очевидно всем — ребенку, родителям и окружающим, или как гласит западная поговорка: «тебе 18, и ты вылетаешь из гнезда». Из этого принципа следовало, что став взрослым, нельзя оставаться ребенком ни в каком качестве и ни в каких отношениях [4].

Однако последние научные разработки в когнитивной психологии и физиологии дают научное объяснение процессам отложенного или растянутого взросления. Мозг человека развивается, по крайней мере, до 25 лет. В этот период получает дальнейшее развитие то, что отвечает за эмоциональный контроль и когнитивную деятельность высокого уровня, за планирование и оценку последствий своих решений, за контроль импульсов, сопоставление риска и результата. Взросление — не равноускоренный, а скорее прерывистый процесс. Очевидно, что факторов, меняющих жизненный сценарий молодых (в биологическом смысле) людей, много: в том числе существенный рост средней продолжительности жизни и

увеличение периода активной старости. То есть можно дольше оставаться молодым и невзрослым. Вторым фактором можно считать высокие требования к вступлению во взрослость, которые предъявляет современное общество. Это не только достаточное образование, позволяющее найти работу, способную обеспечить финансовую независимость, уверенность в партнере, с которым можно создать семью, но и много других факторов, на которые ориентируется современный молодой человек. Но чтобы все эти составляющие сложились, требуется время.

Библиографический список

1. **Палмер, Д., Палмер, Л.** Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. Прайм-Еврознак 2003, С.118
2. **Дольник, В.Р.** Непослушное дитя биосферы. СПб: Издательство Петроглиф, 2013. С.97
3. **Постман, Н.** Исчезновение детства // Отечественные записки. 2004. № 3
4. **Золотухина, М.** Взросление по-американски: смена вех // Отечественные записки. 2004. № 5

УДК 001.8:17

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,
Доцент кафедры философии, социологии и истории
Э.Н. Платонова
Доцент кафедры философии, социологии и истории
И.И. Садовая
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Assistant Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
E.N. Platonova
Assistant Professor of Philosophy, Sociology and History Chair I. I. Sadovaya ,
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru*

Э. Н. Платонова, И. И. Садовая

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В НАУЧНОЙ РАБОТЕ И РАБОТЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье рассматривается важнейшая для любой страны мира проблема соблюдения этики в научной работе. Приводятся и изучаются мнения различных авторов по данной проблематике. Систематизированы этические принципы научной авторской работы. Автор приходит к выводу, что научная этика является жизненно важной практической философией научной деятельности, которая призвана повысить её эффективность.

Ключевые слова: наука, этичность, этические принципы, научно-исследовательские организации.

E. N. Platonova, I. I. Sadovaya

ETHICAL PRINCIPLES IN SCIENTIFIC PAPERS AND IN THE RESEARCH ORGANIZATIONS

The article deals with the most important for any country in the world the problem of respect for ethics in research. We have presented and studied opinions of various authors on the subject. We have systematized the ethical principles of scientific work of the author. The author concludes that the research ethics is an important practical philosophy of scientific activity, which is designed to increase its effectiveness.

Key words: science, ethics, ethical principles, research organizations.

Во всем мире сейчас отмечается повышенный интерес к проблемам связи и взаимодействия науки с моралью. Научная деятельность стала профессиональной, начиная с XIX века. С одной стороны, научная деятельность выполняет важнейший социальный заказ, с другой стороны, она должна отвечать требованиям и принципам этичности. Достижения российской и мировой науки естественным образом основываются на принципах добра, порядочности, стремлении принести пользу себе и окружающим и т.д.

Поэтому вопросы этики и этичности всегда занимали важное место в анализе и оценке тех или иных показателей деятельности человека и общества. Из двух категорий качественных и количественных показателей, всегда наиболее важное и решающее значение имеют именно качественные показатели (индикаторы), а значит, значение этических принципов в научной деятельности будет всё больше и больше возрастать.

Не случайно поэтому, можно сказать, что уже практически сформировалось целое самостоятельное направление научных исследований под названием этика науки или иначе - научная этика. Этика науки стала сегодня видом профессиональной этики.

Научная деятельность, являясь всеобъемлющей и самодостаточной, формирует целые кодексы как своды правил и принципов, а именно кодекс научной этики, кодекс этики

научных публикаций и т.д.

Данные своды общепризнанных принципов и правил поведения учёных всегда позитивно оцениваются обществом с моральной точки зрения. “Кодекс научной этики основывается на правах и обязанностях научных работников, признанных международным сообществом, и основных принципах: стремление к знаниям и поиск истины; свобода творчества; коллегиальность; подотчетность; справедливость и честность” [1].

Научная честность и этичность призвана, таким образом, сформировать необходимые этические ценности, которыми должны руководствоваться все без исключения работники науки, не взирая на занимаемые должности, начиная от преподавателя или рецензента и заканчивая ректором вуза или министром образования и науки.

Самые общие фундаментальные этические принципы научной деятельности, которые признаются большинством современных учёных, заключаются в следующем, а именно:

1. Свобода научного творчества;
2. Приоритет и самоценность истины (вспомним известное всем утверждение Аристотеля, ставшее основной идеей этики науки: “Платон мне друг, но истина - дороже”);
3. Ориентированность на новизну научного знания;
4. Открытость достигнутых научных результатов;
5. Публичность деятельности;
6. Организованный и здоровый, умеренный скептицизм.

В своё время базу для этих этических принципов сформулировал социолог Р. Мертон (см. табл. 1). Этические принципы исследовательской работы обсуждают многие известные социологи. Например, Р. Смелзер утверждает, что “сбор данных ставит важные этические вопросы, на которые нельзя дать простые ответы. Этические проблемы обычно концентрируются вокруг возможности своего рода обмана, вина за который возлагается или на социолога, или на характер исследования, или на то и другое одновременно” [7].

Таблица 1.

№ пп	Принципы этики	Содержание этических принципов
1.	Бескорыстность	При опубликовании научных результатов исследователь не должен стремиться к получению какой-то личной выгоды, кроме внутреннего удовлетворения от решения научной проблемы.
2.	Коллективизм	Результаты научного исследования должны быть открыты для научного сообщества.
3.	Организованный скептицизм	Настоящие исследователи должны критично относиться как к собственным идеям, так и к идеям, выдвигаемым их коллегами.
4.	Универсализм	Оценка любой научной идеи или гипотезы должна зависеть только от её содержания и соответствия техническим стандартам научной деятельности, а не от характеристик её автора, например, его социального статуса.

Дело в том, что сегодня в связи с обширной книгоиздательской деятельностью, а также популяризацией и распространением интернета и электронных изданий происходит настоящий бум научных публикаций. Отсюда возрастает роль тех этических принципов и норм, которыми должен руководствоваться автор современных научных публикаций. Автор или коллектив авторов должны чётко осознавать, что несут первоначальную ответственность за новизну и достоверность результатов научного исследования, что предполагает соблюдение ряда следующих важнейших этических принципов (см. табл. 2).

Таблица 2 [2].

№ пп	Принципы этики автора	Содержание этических принципов
1.	Достоверность выводов	Авторы статьи должны предоставлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.
2.	Обязательное цитирование	Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.
3.	Оригинальность текста и выводов, недопустимость плагиата	Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в предоставленной рукописи, полностью оригинальны. Заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.
4.	Подлинность соавторства	Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
5.	Точность тезисов и выводов	Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала
6.	Уникальность и исключительность предоставляемой издателю творческой работы	Авторы не должны предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.

На данных этических принципах, применяемых авторами в повседневной индивидуальной работе, должны основывать свою работу и все научно-исследовательские и образовательные организации и институты и их сотрудники. Следование данным этическим принципам позволит предохранить науку и научные институты от различных деструкторов (ошибок, неудач, нелепостей и т.д.), и “участь человечества - аннулировать их (поправлять ошибки, не допускать нелепостей, устранять погрешности и т.д.)” [4, с. 75].

Научная этика должна выступать как практическая, или моральная, философия научной деятельности, она является своего рода “цементом науки” [3]. В современной культуре при ярко выраженной тенденции к интеграции различных наук имеет место и чрезвычайно широкая дифференциация в большинстве областей научного знания. Каждая наука всегда выполняла и выполняет вполне конкретную миссию, достигая те цели и задачи, которые «подвластны» именно ей. При всем относительно самостоятельном развитии науки несомненным является ее социокультурная обусловленность. В этой связи каждая наука отвечает именно на те запросы общества, личности, времени, которые оказываются в сфере ее «компетенции». Этическая наука на протяжении длительной истории своего развития также выполняла вполне определенную миссию: выявляла основания для различения добра и зла, фундаментальных основ и ориентиров нравственной жизни человека и общества. Этика,

обращаясь к «вечным» вопросам человеческого бытия о счастье и смысле жизни, о чести и человеческом достоинстве, о верности и предательстве, о честности и справедливости, в каждую конкретно-историческую эпоху дает ответы, соответствующие характеру и духу времени, предлагая в своих теоретических обоснованиях вполне конкретные идеалы, образы нравственно совершенной личности, модели нравственной жизни человека и общества. Своеобразием этической науки обусловлены ее специфические возможности и задачи в осуществлении философско-этической «экспертизы» различных обществ, форм государственного устройства, конкретно-исторических «типажей» личности в сфере науки и творчества.

Этика обладает значительным содержательно-теоретическим, методологическим, аксиологическим потенциалом в формировании, утверждении и обосновании определенного типа общественно-государственного устройства, а также такого нравственного образца личности, в котором воплощаются наиболее характерные, «востребованные», необходимые для данного общества нравственные качества человека. Необходимо отметить, что этика формирует, теоретически обосновывает и утверждает конкретные идеалы общественного мироустройства и нравственные образцы личности не только в позитивной форме непосредственного утверждения и обоснования, но и в негативной форме критического анализа и отрицания тех ценностных моделей общества и личности, которые противоречат как идеалам эпохи, так и исходным методологическим позициям конкретных философско-этических учений.

Потенциал этической науки в формировании гражданского общества в современной России коренится в самой ее природе, в ее способности выполнять функцию теоретической «экспертизы» общества по критериям нравственно совершенного, нравственно достойного, предлагать определенные нравственные ориентиры и идеалы. Этот потенциал раскрывается благодаря важнейшей особенности этики, её свойству быть «практической философией», в том числе и науки. Понимание этики как практической философии утвердилось еще в античности. Аристотель, выделивший этику в самостоятельную область научного знания, полагал, что этика, опираясь на учение о душе, т.е. на психологию, служит задачам формирования достойного гражданина государства, т.е. политике.

Особое звучание приобретает практическая направленность этики в Новое время, когда собственно и получает свое теоретическое обоснование идея гражданского общества. Решая задачу научить человека правильной жизни, этика Нового времени, для которой центральной проблемой становится соотношение личных и общественных интересов, концептуально обосновывает наиболее приемлемые пути достижения гармонии между благом общества как целого и благом отдельного человека. Таким образом, появляются такие этические концепции, как этика общей пользы, этика разумного эгоизма и другие различные варианты. Ф. Бэкон, например, считал, что задачи этики оказываются более сложными, чем задачи политики. Сопоставляя задачи и призвание этики по отношению к обществу с задачами гражданской науки, Ф. Бэкон в своём сочинении «Великое восстановление наук» подчеркивал, что этика ставит своей целью «пропитать и наполнить душу внутренней порядочностью, тогда как гражданская наука не требует ничего, кроме внешней порядочности» [8].

Практическая миссия этической науки воплощается в её нормативной сущности. Нормативная сущность этики заключается в том, что она, оставаясь наукой, одновременно несет и функции морали, выступает в качестве ценностно-ориентирующего фактора. Тем самым нормативная сущность этики оказывается в неразрывной связи с ее аксиологической природой. Этика, обращаясь, прежде всего к человеку, анализирует ценностный мир, в котором он живет и одновременно посредством механизма рефлексии формирует, «выстраивает» тот мир ценностей, которыми человек живет. Этика как нормативная и одновременно аксиологическая наука предполагает «выход» за границы наличной

реальности, за границы сущего в сферу должного. Благодаря своей «нормативной сущности», этика, научно обосновывая или опровергая определенные нравственные нормы и принципы, присущие конкретной эпохе, конкретному обществу, тем самым задает определенные нравственные образцы и идеалы в качестве нормативных моделей жизни и поведения [5].

Станут ли предлагаемые этической наукой образы нравственной личности и нравственного мироустройства руководством для их практического воплощения в действительность зависит от многих факторов, в том числе и от того, насколько этика включена в структуру и содержание характерной для данного общества системы образования. Для того, чтобы этика стала «практической философией» не только «по сути», но и «по факту», ее содержательно-теоретический, методологический, аксиологический потенциал должен быть востребован обществом, освоен его гражданами в максимально полной мере. Необходимым условием этого выступает включение курса этики в качестве учебной дисциплины как в средней общеобразовательной, так и в высшей школе. Осмысление накопленного этической наукой богатства и мудрого его использования в практике построения и регулирования социальных отношений в современной России в значительной степени позволит преодолеть сложность переходного периода и осуществить правильный выбор среди множества разнонаправленных в ценностном отношении моделей, путей и способов организации общества. Этика, став органичным и необходимым составляющим элементом в структуре и содержании системы современного образования России, несомненно будет способствовать формированию зрелого и достойного гражданина государства, способного самостоятельно и ответственно принимать решения не только по законам целесообразного, но и по законам нравственно высшего.

Каждое общество заинтересовано в гражданах, обладающих определенными ценностными ориентациями как по отношению к самому этому обществу, так и по отношению к своим согражданам. Существенное значение имеет не только содержательный аспект ценностной системы личности, но и ее иерархическое строение. Обществу безразлично, какое место в иерархической структуре ценностных ориентаций личности занимает экономическое, политическое, правовое благополучие общества, частью которого эта личность является. Отношение человека к обществу как к «высшей» или «низшей» ценности будет определять модели его поведения, формировать и «оправдывать» конкретный набор нравственных качеств, «выстраивать» конкретный стиль взаимоотношений с субъектами различного уровня и характера, определять и «направлять» формы общественно-полезной деятельности, степень ее интенсивности. И здесь практическим руководством к действию могла бы стать мысль Аристотеля о том, что «совершенно невозможно действовать в общественной жизни, не будучи человеком определенных этических качеств, а именно человеком достойным. Быть достойным человеком - значит обладать добродетелями. И тому, кто думает действовать в сфере научной общественной жизни, надо быть человеком добродетельного нрава.

Современная ситуация в российском обществе, характеризующаяся нестабильностью, неопределенностью ценностных ориентиров, отсутствием достаточно четко сформулированных целей и идеалов общественного устройства требует определенного типа личности. В качестве ориентира мог бы стать предложенный П. Фейрабендом образ зрелого гражданина. «Зрелый гражданин - это не человек, который воспитан на принципах специальной идеологии (например, пуританства или критического рационализма) и который носит ее с собой, подобно духовной опухоли. Зрелый гражданин представляет собой личность, которая научилась развивать и обогащать свое мышление, а затем приняла решение в пользу того, что представляется ей наиболее подходящим. Это личность, обладающая определенной духовной стойкостью (которая не подпадает под власть первого

встретившегося ей уличного зазывалы) и, следовательно, способная сознательно избирать то занятие, которое кажется ей наиболее привлекательным” [9].

Значительная мера ответственности в формировании конкретного типа личности в современной России, а именно в формировании зрелого и достойного гражданина государства, возлагается на систему образования. Немалую долю и груз в выполнении этой задачи могла взять на себя этическая наука, цель которой, по мнению П. Кропоткина, «создать в обществе такую атмосферу, чтобы большинство вполне импульсивно, то есть без колебаний, совершало бы именно те поступки, которые ведут к благосостоянию всех и к наибольшему счастью каждого в отдельности. Осмысление и освоение содержательного и ценностного потенциала этической науки максимальным количеством россиян через систему современного образования способствовало бы их нравственному самоопределению и формированию «гражданского видения мира» [10]. Таким образом, потенциал научной этики как самостоятельной науки в формировании современного общества в России является чрезвычайно высоким.

Итак, в настоящее время всё больше и больше возрастает значение научной этики в регулировании различных видов деятельности человека в обществе, в особенности научной работы. Это связано со стремлением постоянно совершенствовать профессиональные нормы применительно к изменяющимся общественным отношениям. Этика науки современного общества не может представлять абсолютную истину в поведении наших современников. Каждое поколение должно решать их вновь и вновь самостоятельно. Но новые разработки должны опираться на моральный запас, созданный предшествующими поколениями. Сегодня, когда имеет место опережающее развитие технических аспектов и отставание культурного, очень важно понять, что для стабилизации общества необходимы этические знания. Интеллигентность должна быть не только в знаниях, но и в способности к пониманию другого. Она проявляется в тысяче и тысяче мелочей: в умении уважительно спорить, вести себя скромно за круглым столом, в умении незаметно помочь коллеге, беречь свой и чужой авторитет, не мусорить вокруг себя - не мусорить не только окурками или руганью, но и, что также немаловажно, дурными (некачественными) идеями [6].

Современная научная этика должна соответствовать нормам общественной толерантности, а также своей универсальной цели - получению и расширению сферы объективного научного знания. Толерантность - это терпимое отношение к миру науки и людям науки. В основе всех хороших манер лежит забота о том, чтобы человек не мешал человеку, чтобы все вместе чувствовали себя хорошо. Надо уметь не мешать, а помогать друг другу. Воспитывать в себе нужно не только манеры, сколько то, что выражается в манерах, бережном отношении ко всему научному миру, научному сообществу и т.д.

Современные учёные – это, в полном смысле данного слова, публичные люди. Поэтому в этическом кодексе современного учёного важно подчеркнуть не только утилитарные, но, прежде всего, высшие интеллектуальные ценности. Особую роль здесь мы отводим вопросам научной честности, сохранению «доброго имени», репутации, а не только известности, популярности среди широкой или узкой научной общественности.

Итак, современная научная этика выступает не только научной мультикультурной дисциплиной, но и социальным институтом. Свидетельство тому - существующие во многих странах центры этических исследований, многочисленные научные журналы и другие издания соответствующей направленности, этические комитеты для общественного контроля за решением морально-этических проблем в научных исследованиях, а затем и в практической сфере деятельности.

Библиографический список

1. Кодекс научной этики / Перевод С. Чернозуб // URL: <http://www.courier-edu.ru/cour0601/600.htm> (дата обращения: 15.03.2016)

2. Кодекс этики научных публикаций // Некоммерческое партнерство «Комитет по этике научных публикаций» // URL: <http://publicet.org/code/> (дата обращения: 15.03.2016)
3. **Абелева, Э. А., Абелев, Г. И.** Этика – цемент науки // Очерки научной жизни // URL: <http://garrigabelev.narod.ru/etica.html> (дата обращения: 15.03.2016)
4. **Гайворонский, Б. П.** Наука как ценность человечества: моногр. / Б. П. Гайворонский. – Воронеж: Воронежский гос. техн. ун-тет, 2009. – 85 с.
5. **Колесников, Р. К.** Этика ответственности в организации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. № 19. Т. 2. С. 41-44.
6. **Склярова, А. М.** Этические нормы и принципы научной деятельности / А. М. Склярова // Библиосфера. 2006. № 3. С. 26-29.
7. **Смелзер, Н.** Социология: пер. с англ. / Н. Смелзер. - М.: Феникс, 1994. - 688 с.
8. **Субботин, А. Л.** Фрэнсис Бэкон. - М.: Мысль, 1974. - 175 с.
9. **Фейрабенд, П.** Против методологического принуждения // Избранные труды по методологии науки: Переводы с англ. и нем. / Общ. ред. и авт. вступ. ст. И.С. Нарский. - М.: Прогресс, 2006. – 465 с.
10. **Кропоткин, П. А.** Этика. - М.: Директ-Медиа, 2011. - 259 с.

УДК 130.2

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
О. А. Радугина.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: radugina@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
O. A. Radugina.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: radugina@yandex.ru

О. А. Радугина

ПРОБЛЕМА СЕКУЛЯРИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XIX ВЕКА В ТРУДАХ А. И. ГЕРЦЕНА И П. А. КРОПОТКИНА

Идеологами секуляризационных процессов во второй половине XIX века становятся радикально настроенные мыслители и общественные деятели, в частности А. И. Герцен и П. А. Кропоткин. П. А. Кропоткин в своих философских работах критиковал религию, поскольку, преклонение перед воображаемыми, «метафизическими» существами, созданными страхом и невежеством, ведет к умственному застою, затрудняет движение вперед. Увлечение А. И. Герцена революционными идеями и естественными науками привели его к окончательному разрыву с религией. А. И. Герцен рассматривал задачу философии в научном обосновании практической деятельности.

Ключевые слова: секуляризация, идеология, религия, общество, социалистические идеи, государство, народ.

O. A. Radugina

THE PROBLEM OF SECULARIZATION OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE XIX CENTURY IN THE WORKS OF A. HERZEN AND P. KROPOTKIN

Secularization process ideologists in the second half of the nineteenth century are radical thinkers and public figures A. I. Herzen and P. A. Kropotkin. Kropotkin criticized religion in his philosophical works because the worship of imaginary, "metaphysical" beings created by fear and ignorance leads to intellectual stagnation, makes difficulties to moving forward. Herzen's enthusiasm of revolutionary ideas and science led him to a final break with religion. A. I. Herzen considered the task of the philosophy in the scientific substantiation of practice.

Key words: secularization, ideology, religion, society, socialist ideas, the state, the people.

Наиболее активным субъектом общественных процессов, начиная с 60-годов XIX века, становится радикально настроенная часть деятелей, выходцев из дворянской среды. Среди идеологов секуляризационных процессов следует назвать А. И. Герцена, Н. П. Огарева и П. А. Кропоткина

Идейно-теоретическая и общественная деятельность Александра Ивановича Герцена (1812–1870 гг.) проходила на стыке классического и постклассического периода дворянства.

В начальный период своей деятельности А. И. Герцен был активным продолжателем идеологии декабризма в общественной жизни России. Потрясенный жестокой расправой царизма надвосставшими декабристами и мероприятиями Церкви в виде благодарственных молебнов за спасение Императора, колокольные звоны, анафемствания, Герцен почувствовал, что он «не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи» [1.С.61.], вместе Н. П. Огаревым, поклялся отомстить за казненных.

Позднее, А. И. Герцен вместе с Н. П. Огаревым выпускали первую русскую революционную газету «Колокол».

Авторы «Колокола» в дореформенный период (1857 – 1861 гг.) выдвигали общедемократические требования: освобождения крестьян с землей, развитие общинного землевладения, уничтожение цензуры, отмены телесных наказаний. После 1861 года, осознав ограниченный характер реформы, они резко выступали против либерализма за революционное переустройство общества. Они активно разрабатывали и пропагандировали теорию русского крестьянского социализма.

В социальной философии А. И. Герцен долгое время стоял на позициях идеологии Просвещения. Исходя из ее установок, он пытался обосновать идею закономерного движения человечества к царству Разума, которое, по его представлениям, реализовывалось в историческом процессе как общество, лишённое антагонизмов. По Герцену, это грядущее общество воплотит и осуществит рациональные элементы предшествующей истории: реалистическое преклонение перед природой, свойственное античности, и принцип суверенности личности, свободы духа развитый, как он полагал, в первоначальном христианстве. Осуществление такого будущего Герцен связывал с реализацией социалистического идеала. Формой движения к такому обществу было соединение философии с жизнью, науки с массами. Когда произойдет такое слияние духа с материей, начнется пора «созидательного деяния». По мнению А. Д. Сухова, А. И. Герцен были основоположниками целостной концепции некапиталистического развития России [2. С.63.]. Этому способствовали обстоятельства его жизненной судьбы. Герцен покинул родину и стал эмигрантом, когда социалистические убеждения его уже сложились. Более близкое знакомство с буржуазной действительностью, представшей перед ним непосредственно, усилило его неприятие. Буржуазный мир произвел удручающее и отталкивающее впечатление. В отличие от К. Н. Леонтьева, который предполагал заблокировать самые подступы к капитализму, Герцен рассчитывал на форсированное движение, которое позволило бы его избежать отрицательных проблем капитализма. В разработке концепции некапиталистического развития России он опирался на два положения, разрабатывавшихся славянофилами: об особом пути России и общине – социальном институте, который обеспечивает такое развитие. Герцен, однако, оригинально трактовал славянофильские рассуждения: самобытность России для Герцена – в ее обращении к социализму. По его мнению, община – предпосылка и прообраз русского социализма. Но та община, которая существует ныне, все же не является готовым элементом такого общества. Придавленная другими социальными силами, внешними для нее, она неспособна к естественному и свободному развитию. Лишь когда эти препоны падут, перед ней откроются новые перспективы. Но одной лишь общины недостаточно, чтобы продвигаться к социализму. Герцену было ясно, что для России одних лишь собственных условий мало, чтобы стать социалистической. Социалистические идеи появились здесь совсем недавно, тогда как в Западной Европе они разрабатывались на протяжении столетий. Мощная мысль Запада, имеющая за собой длительную историю, способна, полагал Герцен, оказать стимулирующее воздействие на те потенции, которые содержит в себе славянский быт. Община и некоторые сопутствующие ей явления – артель, сельское управление, мирская сходка, взаимопомощь и т. п. – краугольные камни, на которых можно созидать храмину будущего.

Герцен не соотносил переход к социализму в России с реальными успехами социализма на Западе, с европейским движением за социализм. Он считал, что Россия может стать ведущей поборницей за исторический прогресс, взять на себя роль социального лидера. По Герцену выходило, что уже в 40-х гг. XIX в. Россия ближе к социализму, чем Запад, способна скорее достичь его. Но как могла страна, даже еще не переступившая порог капиталистической формации, войти, и не как-то, а первой, в формацию, которая должна бы последовать за капиталистической? По силам ли были России подобные деяния?

События середины 60х гг. все больше убеждали Герцена, что и Россия заражается «буржуазной оспой». И в поисках решения социальных проблем России он обращает свой взор к

Первому Интернационалу. Развитие революционных убеждений и занятия естественными науками привели Герцена к окончательному разрыву с религией и идеализмом. Усматривая задачу философии в научном обосновании практического деяния, Герцен резко критиковал ее отрыв от «практических сфер» жизни, характерный, по его мнению, как для ряда последователей гегелевской философии. Выполнить свое назначение философия сможет, по Герцену, лишь в союзе с естествознанием. В качестве основополагающего принципа философии Герцен выдвинул материалистически трактуемый им принцип единства бытия и мышления.

Герцен высоко оценивал диалектику Гегеля за разработку идеи развития, называл ее впоследствии «алгеброй революции» [1.С.23.]. Вместе с тем Герцен видел и непоследовательность Гегеля, обусловленную как идеалистическими основами его диалектики, так и стремлением быть «в ладу с существующим». Твердо придерживаясь материализма в объяснении природных явлений, Герцен не смог, однако, раскрыть социально-историческую обусловленность возникновения и развития человеческого познания.

Революционно-демократическую традицию дворянской мысли, направленную на развитие секуляризации российского общества, в этот период представлял, наряду с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, представлял Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921гг.). Как отмечал А. Д. Сухов, «произведения Кропоткина не всегда отмечены идейной последовательностью. Литературное пространство их может быть мировоззренчески неоднородным, противоречивым, и отдельные части его воспринимаются по-разному. Наиболее обстоятельно Кропоткиным были разработаны социальная проблематика философии и те подразделения философского знания, которые соприкасались с социологией. Причина тому – многолетнее изучение и осмысление им опыта Французской революции XVIII в., поиск выхода из той социальной ситуации, которая была современна ему» [3. С.148.]. Вместе с тем, Кропоткин уделял значительное внимание и религиозной проблематике. В своих философских работах он критиковал религию поскольку, на его взгляд, преклонение перед воображаемыми, «метафизическими» существами, созданными страхом и невежеством, ныне ведет к умственному застою, внушает пассивность, затрудняет движение вперед. Негативную роль религии в обществе Кропоткин усматривал и в том, что она, используя ложные умозаключения, софизмы, оправдывает порабощение человека человеком и порицает одни лишь грубейшие проявления насилия. К обсуждению религиозной проблематики вынуждала его практика революционного движения, в которое он был вовлечен, находясь в народнической среде. В этой среде бытовало мнение, что идеи социальной справедливости, в том числе социалистические, можно сочетать с христианством, что, используя некоторые библейские тексты, легче сблизиться с народом, разделяющим религиозные верования.

Не считая для себя возможным лукавить, Кропоткин не отрицал, однако, позитивных последствий от обращений самой религиозной среды к поискам социальной справедливости.

В своей работе «Хлеб и Воля» он положительно оценивал широкое народное движение в средневековой Европе, «религиозное по своей форме и внешним проявлениям, но чисто коммунистическое и проникнутое стремлением к равенству по своему содержанию» [4. С. 429.]. Такую оценку он дал крестьянскому восстанию XIV в. во Франции (Жакерии) и в Англии восстанию под руководством Уота Тайлера, которые, по его словам, потрясли феодальное общество «до основания». И хотя оба потерпели поражение, они все же «разбили» феодальное могущество. Эти движения, по мнению Кропоткина, были направлены не только против феодальных баронов и государственной власти, но и против церкви; осуществлялись они во имя заветов первоначального христианства. «Религиозные формулы», которые использовались подобными движениями, были обусловлены исторически, составляли «неизбежную дань тому времени» [4.С.430.].

Известно, что П. А. Кропоткин вошел в мировую и отечественную историю как теоретик и практик анархизма. В соответствии с установками анархизма, он много внимания уделяет проблеме государства. Кропоткин отрицал позитивную роль государства в истории общества. Государство он однозначно характеризовал как «вредную» надстройку. Таковым оно, по его мнению, является всегда, и никаких исключений история не знает. Разоблачая апологетические концепции государства, он писал: «...государство – нечто гораздо большее, чем организация администрации в целях водворения “гармонии” в обществе, как это говорят в университетах. Это – организация, выработанная и усовершенствованная медленным путем... чтобы поддерживать права, приобретенные известными классами, и пользоваться трудом рабочих масс; чтобы расширить эти права и создать новые, которые ведут к новому закреплению обездоленных законодательством граждан по отношению к группе лиц, осыпанных милостями» [4.С.430.]. В тесной связи с государством Кропоткин рассматривал и социальную функцию церкви. Он пишет о существовании между ними тесного союза, взаимной поддержке. Церковь, по его образному выражению, «сестра»государства. А взятые совокупно, они представляют собой два «ярма». «Церковь имеет своей целью удержать народ в умственном рабстве. Цель государства – держать его ...в экономическом рабстве» [4. С.351.]. Церковь – такой же притеснитель, как государство, законы, полиция, военщина.

Раскрыв эксплуататорскую сущность всякого государства, Кропоткин много внимания уделял выявлению сил, способных его разрушить, И в качестве главной силы он называет народ, народные массы. Разрушительная и творческая сила народных масс, по Кропоткину, в наибольшей мере проявляется во время революций. В своих исторических сочинениях Кропоткин стремится ввести в общественное сознание российского общества позитивный образ революции и ее движущую силу – народные массы. В своих работах Кропоткин подчеркивал, что революция призвана не только разрушать, но и пересоздавать хозяйственные, политические, равно как умственные и нравственные компоненты общества. Исследуя роль народных масс, он сравнивал две великие революции, Английскую и Французскую, и отмечал большую радикальность второй из них, объясняя это именно тем, что массы народа в XVIII столетии действовали активней и наступательней, чем в XVII. Кропоткин высоко оценивал роль народных масс и в других кризисных ситуациях, при иных социальных метаморфозах. Так, частности он полагал, что крепостное право в России было устранено вовсе не добровольно и не по великодушию, как это официально преподносилось. В его падении заслуга, прежде всего, крестьянских восстаний, усилившихся с 1850 г. Поэтому не Александру II и не Я. И. Ростовцеву надо воздвигать памятники, а жертвовавшим собой «крестьянам-освободителям» [5. С.211.].

Библиографический список

1. Герцен, А. И. Собр. соч. в 30 тт. – М.: Изд-во: АН СССР, 1954–1965 гг. – Т. 8. – С. 61.
2. Сухов, А. Д. Русская философия: особенности, традиции, исторические судьбы. – М., 1995. – С.63.
3. Сухов, А. Д. Философский аспект творчества П. А. Кропоткина // Философия и общество – 2006. – №3. – С.148.
4. Кропоткин, П. А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. – М.,1990. – С. 429.
5. Кропоткин, П. А. Анархия, ее философия, ее идеал. // Соч. – М., 2004. – С. 211.

**ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
PHILOSOPHY AND SCIENCE OF RELIGION**

УДК 273

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

Ю. В. Ахромеева

Россия, г. Воронеж;

тел. (473) 271-50-04

e-mail: yuliya-akhromeeva@rambler.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

Phd in Philosophy, Senior Lecturer of Philosophy, Sociology and History Chair

Y. V. Akhromeeva

Russia, Voronezh,

tel. (473) 271-50-04

e-mail: yuliya-akhromeeva@rambler.ru

Ю. В. Ахромеева

ДВИЖЕНИЕ «NEW AGE»: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

Автор рассматривает популярное в современной культуре движение «New Age», проводит сравнительный анализ мировоззренческих принципов этого течения и христианства, указывая на их тотальную несовместимость в понимании Бога, мира, человека.

Ключевые понятия: «Новая Эра», христианство, гностицизм, монизм, пантеизм, оккультизм, оккультный расизм, спиритизм, трансцендентализм, теософия, синкретизм.

J. V. Akhromeeva

THE «NEW AGE» MOVEMENT: MAIN FEATURES

The author considers the «New Age» movement, so popular in the modern culture, compares its worldview principles and the main postulates of Christianity, shows the total incompatibility of them, their conceptions of God, universe and human.

Key words: «New Age», Christianity, gnosticism, monism, pantheism, occultism, occult racism, spiritism, transcendentalism, theosophy, syncretism.

«New Age» – английское выражение, которое переводят по-разному: Новое время, Новый век, Новая Эра. Это самая известная на Западе (а теперь и на Востоке) и самая широко рекламируемая современная религия. Следует отметить, что не существует единой секты под названием «Новая Эра», секта всегда характеризуется четко организованной структурой, Нью Эйдж – явление широкоохватное, аморфное, в которое вовлечено много сект и организаций. За термином «New Age» стоят два понятия. В более строгом смысле – это широкое оккультное неоязыческое движение, основанное на некоторой идеологической базе. Но можно говорить о Нью Эйдж и в расширительном смысле как о социокультурном феномене, как об идеологической основе современной постхристианской цивилизации. В первом смысле говорить об определении Нью Эйдж довольно трудно. Можно назвать его конгломератом различных спиритистских и оккультных групп. В религиозной сути Нью Эйдж трудно найти что-то новое, это совокупность уже известных идей и теорий.

Если человек объявляет о своей принадлежности к движению Нью Эйдж, то, скорее всего, он будет иметь в виду неоязыческий оккультизм. Это движение, по мнению ньюэйджеров, представляет собой громадный потенциал для достижения мировой гармонии, для улучшения общества, для достижения человеческого счастья, самореализации и обретения внутреннего мира.

Дж. Лавлок – автор концепции Геи – Матери-Земли пишет о неизбежной гибели «мужской агрессивной религиозности» христианства и замены её «женской миролюбивой религиозностью» сознания Нью Эйдж.

Основная и первая характеристика этого движения – вера в то, что современное человечество живет в переходный период вступления Земли в новую эру. До сих пор мы жили в эру Рыб, под астрологическим знаком Рыб. Рыба – знак христианства. Но сейчас владычество Рыб заканчивается, и наступает эра Водолея, когда всё будет новое и другое. Эра Рыб – жидкая и водянистая, а Эра Водолея будет яркой и блестящей. По поводу времени наступления Эры Водолея имеются различные мнения. Большинство представителей нового религиозного мышления соотносит начало Новой Эры с началом нового тысячелетия. Но более общепринятое мнение – то, что звёздная эра длится в среднем 2200 лет. Некоторые деятели движения – например, американская актриса Ширли Маклейн, считают, что Эра Водолея уже наступила – это эра гуманизма, братства и оккультизма. Эпоха Водолея – конечное состояние человечества – царство абсолютного счастья, где все материальные и духовные проблемы будут полностью решены.

Исследователи движения Новой Эры Алексеев и Григорьев отмечают следующее: «Сознание Нью Эйдж можно уподобить ядру в оккультной субкультуре, вокруг которого в зависимости от числа разделяемых идей концентрируются самые различные оккультные группы. Это своего рода аналог экуменического движения в оккультной среде» [1. С. 160-161].

Ньюэйджеры склонны следовать принципу «кто не против нас, тот с нами», и даже те, кто разделяет далеко не все их идеи, воспринимаются ими как единомышленники. Увлеченность духом глобальности позволяет им причислить к «своим», например, пророков ноосферы Тейяра де Шардена и Вернадского, – это при том, что Вернадский вообще понимал ноосферу материалистически. Ньюэйджеры считают, что их мировоззрение синтезирует весь религиозный опыт мира.

Исследуя движение Нью Эйдж, необходимо рассмотреть его истоки и причины распространения. Американские исследователи Джош Макдауэлл и Дон Стюарт, основываясь на работах Курта Ван Гортена, выделяют четыре фактора, объясняющих причину широкого распространения мышления Нового Времени.

«1. Возникновение в XIX веке трансцендентализма и групп научно-метафизического мышления.

Представителем этих движений может быть назван Эммануил Сведенборг, который, по его словам, совершал астральные путешествия по Солнечной системе. Его ученик – физик Фритьоф Капра описал свои лабораторные опыты в терминах Нового Времени: «Точка поворота», «Тао физики». Трансцендентализм изложен в наиболее общей форме Ральфом Уолдо Эмерсоном. Его теория о вселенском духе, который пропитывает Вселенную, частично была взята из толкования Эмерсоном индуизма. Оптимальное для человека состояние, по его мнению, – состояние гармонии со вселенским духом.

2. Популяризация оккультизма.

Широкое внедрение оккультного сознания во все слои общества началось с сестёр Фокс, основавших в середине XIX века в северной части штата Нью-Йорк движение спиритуализма. Спиритические сеансы предполагают использование досок с буквами и надписями для общения с умершими, гадание на картах, предсказывающих будущее, гадание на кофейной гуще. С середины XIX до середины XX века это движение в Америке выросло до трех четвертей миллионов человек. Также проводились эксперименты в области парапсихологии: экстрасенсорика, телепатия, телекинез.

3. Растущий интерес к восточным философиям.

Восточные гуру поняли, что чтобы получить новообращенных с Запада, нужно приспособить восточную философию к т.н. «западному материализму». Вследствие чего

возникают различные формы индуизма, буддизма, которые получили новый смысл, как только их замаскировали западной терминологией и научным языком. Поэтому восточная философия стала привлекательной для западного человека.

4. Широко распространившееся осуждение христианства. Это осуждение можно усмотреть в Гуманистическом манифесте 1933 и 1973 годов. Многие организации, такие как Союз Американских Гражданских вольностей, Ассоциация Американских Атеистов, различные организации за аборты и ассоциации гомосексуалистов публично осудили христианство. Это происходит повсеместно в прессе, по радио и на телевидении. Совокупность этих факторов заставила людей начать поиск альтернатив христианству. И их приняло движение Нью Эйдж» [2. С. 158].

На наш взгляд, можно выделить два основных корня у древа Нью Эйдж.

Первый источник движения – спиритизм, о котором уже упоминалось.

Спиритизм присущ самым примитивным религиям. Это вера в то, что мы можем установить контакт с населённым духами потусторонним миром и принудить этих духов к общению с нами. В русском обществе популярность спиритизма достигла апогея во время «серебряного века».

Второй корень Нью Эйдж – теософия, основанная Еленой Блаватской.

Это явление более широкое: объединяет элементы спиритизма, гипнотизма, гностицизма, восточных и египетских мифов, оккультных приемов и методов, астрологии и эзотерической антропологии, а также восточных религий. Блаватская разрабатывала своё учение в паре с американским полковником Олкоттом. Затем их последователями стала пара Анни Безант и Чарльз Ледбиттер. «Новая эпоха» у Блаватской связывалась с рождением шестой расы, которая будет обладать обостренным оккультным сознанием. Считалось, что Новая Эра приблизится лишь через 25 тысяч лет. Однако вскоре сроки рождения Новой Эры были сокращены. Безант и Ледбиттер разработали концепцию явления «Спасителя» – слияние из ожидаемого буддистами Будды-Майтрейи и второго пришествия Христа. Они взяли на воспитание мальчика Джидду Кришнамурти и объявили его буддийским Майтрейей.

Элис Бейли считала, что Новая Эра возникнет в XX веке. Николай и Елена Рерихи утверждали, что новая эпоха должна начаться в 1936 году. По мнению большинства ньюэйджеров, рождение Новой Эры произойдет, когда число людей, проникшихся этой идеологией и медитирующих на идею прихода «Спасителя», достигнет некой критической массы. Благодаря «Тайной Доктрине» (главному произведению Блаватской), стал широко известен миф о существовании махатм – иерархии высших духов (или загадочных существ), которые тайно направляют историю человечества.

Впоследствии эта идея обнаружится в учении самых различных оккультных обществ, сатанинских групп и кружков черной магии.

Несмотря на различия движений Нью Эйдж, можно выделить некоторые общие черты, характерные для них.

Американский исследователь Уолтер Мартин отмечает следующие:

«1. Группа призвана открыто содействовать новому времени, т.е. Эре Водолея.

2. Группа открыто поддерживает характерные веяния нового времени (монизм – «всё едино», пантеизм – «всё есть Бог», гностицизм – «спасение или исцеление приходит с помощью особых познаний», карма и перевоплощение, духовная эволюция, восшедшие учителя, равные Христу и т.д.).

3. Группа открыто отстаивает оккультные практики нового времени (медиумизм, астрология, психическое исцеление, нумерология, магия, различные способы достижения изменённого состояния сознания, т.е. медитация, монотонные песнопения, потеря чувствительности, гипноз и т.д., использование кристаллов и пирамид в психотерапевтических и мистических целях).

4. Группа пользуется специфической терминологией Нью Эйдж (чакры, космическое сознание, всемирная энергия, глобальная деревня, самореализация, высшая самость, сотвори свою собственную действительность, сила Кундалини, Инь и Янь и др.)» [3. С. 109-110].

Есть и другая попытка сформулировать эти признаки:

1. Бог не является личностью, это – абстрактный Дух, который пронизывает Вселенную и проявляется во всем существующем.

2. Человек – носитель этого Духа, по своей природе он божественен, и несет в себе запас скрытых духовных сил. Задача человека заключается в том, чтобы пробудить их в себе и стать человекобогом.

3. После смерти душа воплощается в другое тело, судьба человека при этом определяется законом кармы – влиянием совершённых в прошлых перерождениях добрых дел и злых поступков.

4. Совершенствуясь на протяжении многих перерождений, человек может достигнуть сверхъестественного мира; души, существующие в нем, в зависимости от степени своего совершенства, входят в иерархию, которая оказывает влияние на ход земной истории.

5. Высшие духи могут воплощаться в нашем мире, чтобы принести людям сокровенное знание; они становятся учителями человечества, ими были Будда, Кришна, Иисус, Конфуций, Магомет и др. Их учения являются элементами одной всеобщей религии.

6. Особую роль в сознании Нью Эйдж играет само представление о близости рождения Новой Эры, которая во многих случаях связывается с приходом «спасителя». При этом Новая Эра воспринимается ньюэйджерами как состояние всего человечества. Характерной чертой сознания Нью Эйдж является дух глобальности. Ньюэйджеры полагают, что результатом рождения Новой Эры будет возникновение «нового человека».

«Возглавлявшая ассоциацию гуманистической психологии Джин Хаустон замечала, что будет скачок, сравнимый по своим масштабам с расстоянием между неандертальцем и современным человеком. В результате глобальной трансформации сознания на планете возникнет раса человекобогов» [4. С. 667-668].

Американский ученый Норман Гейслер выдвигает 12 специфических доктрин Нью Эйдж:

- «1. Безличный Бог;
2. Вечная Вселенная;
3. Иллюзорная природа материи;
4. Циклическая природа жизни;
5. Необходимость перевоплощений;
6. Эволюция человека в Божество;
7. Продолжающиеся откровения от неземных существ;
8. Тождество человека с Богом;
9. Оккультные практики;
10. Вегетарианство и холистические (целостные) методы охраны здоровья;
11. Всемирный глобальный порядок;
12. Синкретизм (единство всех религий)» [5. С. 145-146].

Из всего этого понятно, что в своей сущности мировоззрение Новой Эры отличается от христианского вероучения и ценностей, являясь закономерным следствием кризиса западной христианской культуры.

Продемонстрируем это в виде небольшого сравнительного анализа, в котором будут показаны основные различия между идеологией New Age и христианством.

1. Согласно христианству, истинный Бог есть духовное, нематериальное, бестелесное, сознательное, разумное и выражающее волю Бытие, по своей воле создавший весь мир, как видимый людьми, так и невидимый. Бог христиан трансцендентен, потусторонен. А представители движения Новой Эры утверждают, что мир и Абсолют едины, и что вне мира

Бога не существует.

2. В христианстве Бог есть личность, и более того – триединство личностей Отца, Сына и Святого Духа. Ньюэйджеры утверждают, что Абсолют не обладает ни личностью, ни волей.

3. Согласно христианству, человек, созданный по воле Личного Бога, сам есть личность, и что личностное бытие человека не есть некий недостаток, который надо преодолеть. А согласно мировоззрению Нового Века личность есть начало ограничения, сам человек не более чем «комплекс сочетаний», а личностное самосознание есть «зеркало дьявола», и человек, встав на путь «самоусовершенствования», в конце концов должен стереть свою личность, растворив её в безликой «нирване».

4. С точки зрения христиан религия – связь человека с Богом-Творцом, и направление собственно религиозных чувств на любой иной предмет есть язычество. В мировоззрении New Age религия – связь с «Космосом» и «космическими иерархиями», стихиями, «энергиями».

5. Согласно христианству, Бог не связан законами созданного им мира, он может творчески обновлять человеческую жизнь – если человек желает этого обновления. Бог может оставлять грехи и изымать человеческую душу из-под действий греха. Ньюэйджеры же полагают, что никто не может помочь человеку в покаянном обновлении его жизни, что последствия прошлых поступков, именуемые «действием кармы», неотвратимы.

6. В христианстве человек – личность, а значит он не сводится к наличному состоянию своего внутреннего мира, и может изменять его. Стремление к такому изменению называется «покаянием» – «переменой ума». С точки зрения идеологии Новой Эры покаяние – поступок невозможный, ненужный и вредный.

7. Христиане полагают, что действия человека, будучи свободными, не предопределены прошлыми состояниями его души или мира. Ньюэйджеры же считают, что такой свободы у человека нет: ничего кроме кармы не существует.

8. Согласно христианству, Иисус из Назарета – истинный Мессия, Христос, Бог, предсказанный пророками Ветхого Завета. Представители движения Нового Века не считают Христа Богом и спасителем.

9. Христианство утверждает телесное воскресение Христа. А согласно идеям Новой Эры Христос вообще не воскресал, это было воскресение не тела, а некоего духа.

10. С точки зрения христианства тело – важная часть нашего человеческого бытия, а значит, не может быть «перевоплощения» души в разных телах. Ньюэйджеры считают тело не более чем одеждой, которую душа может менять много раз.

11. В христианстве душа человека даже в высших её проявлениях не есть Бог. Христианин спасается благодатью – приемля силу и действие Бога, ту силу, которую сам человек не может породить или произвести из себя. А с точки зрения представителей движения Нового Века благодать – психическая энергия человека, результат его собственной деятельности, высшей психической энергии.

12. Согласно христианству, все люди равны перед Богом, ценность всякой человеческой жизни одинакова. А в мировоззрении New Age члены новой расы (расы, которая знаменует эру Водолея) выше всех остальных людей. Поэтому мы можем смело утверждать, что перед нами – не больше, ни меньше – доктрина духовного расизма.

Таким образом, движение Новой Эры представляет собой мировоззрение, тотально отличное от христианского, а популярность данного течения обусловлена процессом дехристианизации европейской культуры и современным социокультурным и духовным кризисом западной цивилизации.

Библиографический список:

1. **Алексеев В.**, Григорьев А. Религия Антихриста. Новосибирск, 1997. – 342 с.

2. **Макдауэлл Дж.,** Стюарт Д. Обманщики: Во что верят приверженцы культов. Как они заманивают / Дж. Макдауэлл, Д. Стюарт. – М., 1995. – 224с.
The New Age Cult. Minneapolis, 1989. – 324 с.
3. **Дворкин А. Л.,** Сектоведение / А. Л. Дворкин. – Нижний Новгород: Издательство во имя св. князя Александра Невского, 2000. – 693 с.
4. **Берри Г. Дж.,** Во что они верят / Г. Дж. Берри. – М., 1994. – 324 с.

УДК 130.121

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,
Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
И. М. Бочарова.
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy,
Sociology and History Chair
I. M. Bocharova.
Russia, Voronezh,
tel. (473) 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru*

И. М. Бочарова

«ФИЛОСОФ ИЗ НАРОДА» – С. Л. ФРАНК (РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ)

В статье рассматриваются взгляды С. Л. Франка, который, безусловно, является выдающимся мыслителем русской религиозной философии Серебряного века, на религиозные проблемы современного ему общества и на религиозный кризис и крушение вековых православных устоев, которые произошли на переломе двух эпох.

Ключевые слова: Церковь, нравственность, православие, российский этнос.

I. M. Bocharova

**S. L. FRANK AS THE "PHILOSOPHER OF THE PEOPLE"
(RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL VIEWS)**

The article examines the views of S. L. Frank who is definitely an outstanding thinker of Russian religious philosophy of the Silver Age on the religious problems of contemporary society, religious crisis and the collapse of centuries-old Orthodox foundations, which occurred at the turn of two ages.

Key words: Church, morality, Orthodoxy, the Russian ethos

Духовное философское обновление России начала XX века было представлено, как известно, блестящими и яркими индивидуальностями. Эти авторы исследовали проблемы человека, Бога, нравственности, добра и зла. «Вся история нашего умственного развития окрашена в морально-утилитарный цвет», – справедливо говорит С. Франк [1. С. 290].

При своем философском различии русские философы выражали на качественно новом уровне православное самосознание, каждый по своему «в удивительно красивой богословской рапсодии» [2. С. 75]. Творческой деятельности этих мыслителей в решении проблем религиозной философии положил начало В. Соловьев. «К числу его продолжателей относится С. Л. Франк [3. С. 258]. Сам С. Франк писал, что большое влияние на него оказали идеи Платона и Н. Кузанского. Для него «Н. Кузанский был в некотором смысле единственным учителем в философии» [4. С. 265]. В. Н. Ильин писал о Н. Кузанском, что благодаря этому чрезвычайно одаренному философу и глубокому мыслителю русская национально-религиозная мысль чрезвычайно обогатилась привнесенными в нее огромными поистине неисчерпаемыми богатствами, какими являются творения Н. Кузанского. Лишь силе такого калибра как С. Франк было дано понять, усвоить и выйти на самостоятельный путь, имея в качестве вечного спутника бессмертного кардинала Куэса [5. С. 116].

Высоко оценивая философскую систему С. Франка, центрированную на религиозной проблеме, Н. Бердяев отмечал, что С. Франк – свободный независимый философ и религиозный элемент его философии не есть извне независимый авторитет, а внутренний духовный опыт [6. С. 65-67].

По словам В. Зеньковского, С. Л. Франк обладает «Исключительным даром ясного изложения... Ум его синтетический по существу оплодотворяется той метафизикой всеединства, которую С. Франк развивает в своих произведениях, – всегда оригинально и глубоко. По силе философского зрения С. Франка без колебания можно назвать самым выдающимся русским философом вообще, – не только среди близких ему по идеям» [7. С. 392].

Одна из первых работ С. Франка была посвящена философии Ф. Ницше, впоследствии он как и другие сторонники метафизики всеединства, стремился совместить принципы «утонченного» защитника религии и принципы богословия. «философия должна быть обновлена сближением с жизнью, не с жизнью текущей, внешней, чувственной, что есть для нее всегда падение, а с глубочайшей и вечной основой жизни... Этот путь был всегда характерен для русской философии» [8. С. 40].

Характеризуя общество, С. Франк приходит к выводу, что в его основе лежит принцип всеединства. Всеединство получает у него дальнейшее развитие, хотя Вышеславцев высказывал мысль, что С. Франк и Карсавин поддаются соблазну отождествлять Абсолютное со Всеединством [9. С. 150]. Всеединство В. Соловьева получает следующую характеристику: «Всеединство – это животворный зародыш общества, его внутренней духовной жизни, жизни в боге, а церковь – это духовный организм или организм духовности, который составляет основу общества» [10. С. 80]. Поэтому Н. Лосский делает вывод, что мысль о религиозной основе социальной жизни особенно хорошо выработаны в «Оправдании добра» В. Соловьева и книге С. Франка «Духовные основы общества» [11. С. 243]. С. Франк обратил внимание также на отношения между церковью и миром. Он считал, что эти отношения имеют разнообразные внешние и исторические формы, которые не уничтожают имманентной и вечной связи между ними. Изменения происходят в двух направлениях: в стремлении превратить Церковь во внешнюю власть над обществом и в обратной стремлении «мира» отвергнуть начало Церкви [10. С. 65]. То, что у славянофилов рассматривалось как соборность, у С. Франка предстает как первейшее единство «мы» и раскрывается как церковь. Основной функцией церкви, по мнению С. Франка, является «быть душой общества», т.е. воспитательной силой, связующей и направляющей общественную жизнь, т.е. жизнь народа. В соборности славянофилов проявляется «соборность духа», форма общения людей, средство совершенствования личности. В соборности С. Франка, т.е. во внутреннем единстве «мы» и «я» существует связь между «я» и «ты», между членами целого и самим целым [11. С. 243]. Если в реальности «я» противостоит «ты», т.е. «он» как средство для целей «я» или как препятствие к цели. Но эти межличностные противоречия можно преодолеть через первичное единство «мы», зародившееся на заре человечества. Для верующих, надо полагать на шестой день творения мира, когда после Адама появилась Ева и можно было сказать «мы». «Мы» и «я», взятые в плане «мирного бытия», будучи внеположенными друг другу одновременно противоборствуют друг другу [10. С. 65].

Церковь – это высший источник «общественной связи». В церкви раскрываются С. Франком две позиции:

1. Церковь – мистическая богочеловеческая реальность для человека верующего. Для него существует единая истинная церковь, которая представлена, в частности в православии.
2. Церковь для человека неверующего – это не мистическая реальность, она просто социальное явление (социальный институт).

Эти две точки зрения не противоречат друг другу, т.к. здесь представлены две позиции одной реальности, можно сказать «кантовские антиномии». Но С. Франк выдвигает еще одно понятие церкви; к которому он приходит через первое. «От глубокого мистического можно прийти легко до социально-философского понятия церкви» [10. С. 80].

Он считал, что всякое единство человеческой жизни, утвержденное в вере, будучи независимо от догматического содержания верований, от человеческих представлений о Боге (о котором нельзя говорить «он»), присутствием божественного начала в объединении людей, – в этом состоит смысл церкви. Свое понимание социально-философской церкви он размещает между понятиями «религиозной единой истинной церкви» и понятием эмпирическим «как союзом верующих людей» [10. С. 82]. Церковь оказывается есть нечто большее и иное, чем «чисто эмпирическое», чем «союз верующих». Этот союз предстает перед нами не как человеческий коллектив, а «единство первичное», которое утверждает человеческую жизнь в святине, в Боге, в единой духовности, нравственности, моральной чистоте. С другой стороны, эта церковь не совпадает с «Церковью истинной» в религиозно-исповедальном смысле. Она объединяет все человечество, утвержденное в вере, какой бы эта вера по содержанию не была.

В учении самой церкви об основе «Церкви видимой», где существует единство ныне живущих верующих лежит «Церковь невидимая». Церковь «невидимая» шире Церкви видимой. «Невидимая» Церковь объединяет живых и умерших, и не родившихся. В историческом плане по догматическому учению Церкви принадлежит ветхозаветная, а завершением считается Церковь новозаветная. Исторически сама идея берет начало из ветхозаветного теократического сознания еврейства как «богоизбранного» и «богосвященного» народа, а «детоводителем» ко Христу был духовный мир античности.

Но русская православная церковь является полноправной наследницей константинопольской православной Церкви, а сам российский народ – «народ мессии», «народ богоносец», который несмотря на свой звериный образ, в глубине души своей другой образ – образ Христа [12. С. 305].

Исходя из того, что ислам, буддизм, все языческие верования есть искажение веры, Церковь считает, что потенциально эти концессии сопринадлежащие к ней [10. С. 82].

Такая широкая и объединяющая трактовка церкви позволяет С. Франку сделать вывод, что Церковь – это универсальная и имманентная категория человеческой общественной жизни, это союз, органическая связь людей в вере.

В основе всякой общественности лежит соборность. «Двойственность и внутренняя связь между соборностью и внешней общественностью обнаруживается как двойственность и связь между Церковью и эмпирическим наружным «мирским» началом. В этом смысле Церковь не есть организация в этом смысле, она есть эмпирически невидимая и внешне не оформленная соборность.

По внешней форме Церковь имеет вид организации, оформленного союза и носит двойственность между Церковью в первичном смысле и «мирским» началом права, власти, внешней организованности [10. С. 82].

Отношения между Церковью и государством не совпадают с двойственностью между Церковью и тварным миром как «внутренними категориями бытия» [10. С. 82].

Отношения между Церковью и миром может принимать самые разные внешние и исторические формы, вроде ветхозаветного еврейского государства, католического Ватикана, Константинопольского патриархата и средневековой Московской метрополии, а так же современными государствами, но связь между Церковью и «миром» сохранится.

Церковь остается духовным источником нравственности, «питающего ядра общественности во внешнюю власть над обществом».

Основные онтологические отношения между Церковью и миром совпадают в законе и благодати. В зависимости от состояния общества на первое место выставляется или законность или благодать.

Всякая вера, каково бы ни было ее содержание, формирует и отстаивает определенные моральные ценности. Вера возлагает на верующего обязанности и определяет,

что в его жизни, деятельности, интересах и побуждениях должно почитаться добром и что есть зло [13. С. 173].

В трагичные переломные периоды эпохи при неслыханном наличии в ней зла, когда рассматриваются и девальвируются элементарные нормы поведения и легко прощается вся низость и цинизм, к человеку, к его душе предъявляются жесткие требования. Требования, которые несут испытания, с которыми трудно справиться. «Душа подвергается соблазну отречься от всякой святости и предаться пустыне и призрачной свободе циничного неверия... или с ненавистью отвернуться от всякого мира и замкнуться в себе» [14. С. 113].

Тоже произошло с российским этносом, который после политических и экономических потрясений «способен не только на убийство, но и на самоубийство». Народ «зачумленной страны» закружится в диком слепом восторге самоуничтожения [14. С. 113]. Народ, который прославляли философы за праведность вдруг может показать свой реальный нравственный облик [14. С. 113]. Что происходит с нашим народом в момент суровых внутренних испытаний? Что происходит с его духовностью?

Как и почему народ, прозванный народом-богоносцем, стал «народом-нигилистом, кощунственно попирающим свои православные святости?» [15. С. 478]. Как народ, который не без основания прославлен за свою нравственную кротость и чистоту становится народом «неприкрытой корысти и нравственного распутства?» [15. С. 496].

Своеобразие нравственной болезни С. Франк определяет тем, что русский народ – «не народ, нищий духом и лишенный творческого богатства, а народ, несмотря на свое непрерывное, доходящее до наших дней могучее духовное творчество, лишь потерявший способности использовать свое богатство и отдающий предпочтение худшему перед лучшим, злу перед добром» [15. С. 495].

Судьба российского народа определяется у С. Франка двумя порядками: силой коллективного вклада жизнь (т.е. общинным укладом) и общественных отношений, общих исторических условий и изменений народного быта» [15. С. 493].

Происходит надлом между нравственными ценностями и реальностью. Русское религиозное сознание постепенно уходит от реальной жизни, «училось и учило терпеть и страдать, а не бороться и творить жизнь» [15. С. 495]. Силы российского этноса уходят на пассивность, равнодушие, страдание, бездейственную мечтательность. Но параллельно этому вся жизненно-творческая энергия национальной воли становится «нравственно-необузданной, превращается в темное буйство злых страстей и бесплодно-отрицательного рассудочного умствования» [15. С. 495]. С. Франк считал, что русский религиозный дух перестал нравственно укреплять народ в его будничной трудовой жизни, пропитывать нравственными силами экономические и социальные отношения. Здоровый реалистический инстинкт народа оторвался от «духовного корня жизни и стал находить удовлетворение в неверии... в разнузданности мысли и чувства» [15. С. 495].

Все чистые, благородные идеи и поступки становятся мечтательными, бессильными, а все сильное – жестким, бессердечным и злым.

Сентиментально-мечтательное бессилие устремленное к добру и разрушительная энергия нравственной развращенности – это показатель болезненной раздвоенности русского национального духа [15. С. 497]. Православие воспитало в русаком характере пассивную кротость, бездействие и беззащитность доброго русского мужика, что позволило нам терпеть крепостное право, личное бесправие дольше всех в европейском мире. Но вместе с тем, у нас есть способность «на темную иступленность погромов и пугачевщину» [15. С. 497].

Характеру российского этноса, с точки зрения С. Франка, не достает нравственной серьезности, волевой силы, мужественного чувства ответственности за жизнь, понимание трагической трудности осуществления идеалов и умения одолевать эти трудности. С Франк также относит к недостаткам национально характера то, что волевой энергии русского

народа «необходимо облагораживающее и просветленное сознание духовных основ жизни, смиряющего и отрезвляющего понимания ограниченного значения всех достигнутых внешних изменений жизни и необходимой их связи с внутренним культурно-нравственным фондом народной жизни с органическими корнями народной души.

Взросление народа и решение этических задач возможно «как пробуждение духовно умершего и просветленного мужества – не разрушительной дерзости, чисто отрицательной самочинности и отщепенства, а творческого мужества» [15. С. 497].

Жизнь и мысли не только определенной личности, но и всего народа «должны быть пропитаны духом истинного реализма, который сознает духовные основы общественного бытия и включает в себя идеал внутреннего совершенствования» [15. С. 497].

Что же касается политической деятельности отдельной личности и всего народа, то С. Франк это «мыслит как смиренное служение, определяемое верой в непреходящий смысл национальной культуры и долг каждого поколения сбересть наследие предков» [15. С. 498].

Библиографический список

1. **Флоровский, Г.** Пути русского богословия / Г.Флоровский. – Париж: YMCA-Press, 1983. – 600 с.
2. **Кириков, О. Н.** Русское православие. Духовно-догматические ориентации / О. Н. Кириков. – Воронеж: ВГПУ, 1996.– 217 с.
3. **Лосский, Н. О.** Условия абсолютного добра / Н. О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 367 с.
4. **Франк, С. Л.** Из истории русской философской мысли конца XIX – начала XX вв. Антология. / С. Л. Франк. – Нью-Йорк, 1965. – 451 с.
5. **Ильин, В. Н.** Сборник памяти С. Франка / В. Н. Ильин. – Париж, 1980. – 105 с.
6. **Бердяев, Н. А.** Путь / Н. А. Бердяев. – 1939. – 211 с.
7. **Зеньковский, В.** История русской философии. / В. Зеньковский – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 800 с.
8. **Франк, С. Л.** Вступительная речь, произнесенная перед диспутов в Петроградском университете 15 мая 1916 г. / С. Л. Франк // Русская мысль. – 1916. – №9. – 40с.
9. **Вышеславцев, Б.П.** Этика преображенного Эроса / Б.П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994. – 368 с.
10. **Франк, С. Л.** Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М., 1992. – 511 с.
11. **Лосский, Н.** Бог и мировое зло / Н. Лосский. – М., 1994. – 305 с.
12. **Соловьев, В.** Три речи в память Достоевского. / В. Соловьев. Соч. в 2х тт. –Т.2.
13. **Франк, С. Л.** Этика нигилизма / С. Л. Франк. – М., 1990. – 605 с.
14. **Франк, С. Л.** Крушение кумиров / С. Л. Франк. – М., 1990. – 185 с.
15. **Франк, С. Л.** De profundis / С. Л. Франк. – М., 1990. – 605 с.

УДК 230.1

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории
Л.С. Перевозчикова
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: perevozch@vgasu.vrn.ru
Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории
М.В. Черников
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru
Воронежский институт ФСИН России
Кандидат философских наук
В.В. Феррони
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 260-68-01.

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
L.S. Perevozchikova
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: perevozch@vgasu.vrn.ru
Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
M.V. Chernikov
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru
Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service. PhD in philosophy
V.V. Ferroni
Russia, Voronezh, tel. 260-68-01.

Л. С.Перевозчикова, М. В. Черников, В. В. Феррони

МЕНТАЛЬНЫЕ МИРЫ ХРИСТИАНСТВА

Статья посвящена догматическим расхождениям между различными направлениями христианства: православием, католицизмом и протестантизмом.

Ключевые слова: христианство, догматы, деноминации, православие, католицизм, протестантизм.

L. S. Perevozchikova, M. V. Chernikov, V. V. Ferroni

MENTAL WORLDS OF CHRISTIANITY

The article is devoted dogmatic discrepancies between different areas of Christianity: Orthodoxy, Catholicism and Protestantism.

Key words: Christianity, dogmas, denominations, Orthodoxy, Catholicism and Protestantism.

Что значит быть христианином?

Христианин ищет опоры абсолютной, укорененной в вечности, а не во времени. Этим христианин отличается от атеиста, стремящегося разрушить опору; агностика, отказывающегося от нее; язычника, ищущего опору имманентную, «здесь и сейчас» обретаемую.

При этом «идеальный тип» христианина отличается от представителей иных мировых религий. Буддист стремится к опоре вечной, но в вечности, скорее, отсутствующей, а не сущей, его цель – не «спасение» или «обожение», а «освобождение».

Иудей и мусульманин ищут, по сути, такую же опору, как и христиане, но первый стремится Царство Божие низвести на землю (ожидание Мессии, устанавливающего на Земле грядущее царство справедливости в виде иудейского Закона для всех – все должны в идеале стать евреями), а последнему очень хочется прихватить землю на небо (вспомним расхожие представления ислама о рае:

«Ведь для осмотрительных есть место спасения – Сады, виноградники, полногрудые сверстницы и кубок полный. Не услышат они там ни болтовни, ни обвинения во лжи» (Коран, 78:31-35)).

Только христианство «держит» дистанцию между собой и абсолютом, но в различных конфессиях по-разному.

По сути, христианин – это тот, кто разделяет /миры/ и мучительно, порой через самоотречение (что, в принципе, для христианина не совсем правильно, так как, согласно христианскому вероучению, личность спасенного не растворяется в Абсолюте), взыскует связи. Христианин – тот, кто успешно преодолевает препятствия, которые сам себе создает на пути к Абсолюту, который, в свою очередь, просвечивает во всем окружающем христианина бытии. Спасение есть преодоление этого онтологического разрыва между «миром дольным» и «миром горним» через посредничество Иисуса Христа.

Это – с точки зрения мироощущения. А формально – христианин тот, кто принимает Христа как Сына Божьего и Спасителя (либо личного – в протестантизме, либо «общественного» – через Церковь – в католицизме и православии), а не как лже-Мессию (иудаизм) или как обычного, пускай даже и могущественного пророка (ислам), а крест – как «мост» между двумя мирами, и действует в соответствии с этим приятием. Межконфессиональные и межденоминационные различия начинаются с того, как это осуществляется в христианском этосе и праксисе. И если этос связан с тем, что в христианском вероучении Бог есть любовь, у которой отсутствуют какие бы то ни было границы, то праксис находится в тесной связи с ограничениями времени и места, в которые «заброшен» верующий христианин.

Что значит быть православным?

Поскольку конфессиональная принадлежность определяется во многом пространственно-временными параметрами, то три модуса времени – прошлое, настоящее и будущее – могут служить ключом к пониманию межконфессиональных различий. Конечно, все христиане стремятся к вечности, но осуществляют они это стремление все-таки во времени. Православный – это, как правило, тот, кто ориентирован на прошлое. Все, что необходимо для спасения, уже известно из Писания и Предания, которое ограничивается постановлениями семи Вселенских Соборов, последний из которых датирован 787 годом.

Пространственно все Соборы проводились в Византии, и здесь для православного имеет место почти гегелевский поворот мысли – если истина в своей полноте была открыта в Византийской империи, то данный государственный и общественный строй является оптимальным и чуть ли не богоугодным. Поэтому, несмотря на все исторические и общественные изменения, православный пытается всеми силами сохранить «византизм», естественно, в меру своего понимания сути последнего. Кстати, такая попытка может выглядеть весьма привлекательной – например, для отнюдь не православного поэта Йейтса Византия явилась символом вечной, нетленной идеи красоты: «Нет знания выше созерцанья / Искусства нескудеющих высот; / И вот я пересек миры морские / И прибыл в край священный Византии» («Плавание в Византию»).

Посему «идеальный» православный всегда более консервативен, чем католик или протестант (имеются в виду не личные свойства или вкусы, которые могут варьироваться в широком диапазоне внутри любой конфессиональной принадлежности, а некие черты «идеального типа»). Так, православный может и не знать, что такое «филиокве», но если так принято – он будет его отрицать. Православному труднее всех принять что-либо новое – в искусстве ли, в этике, или просто в повседневности. Не случайно, что когда в начале XX века Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус открыли свои знаменитые Религиозно-философские собрания, пригласив на них, с одной стороны, представителей Церкви, а, с

другой, светских философов, оказалось, что они говорят на разных языках, порой вообще не понимая друг друга.

Да и русская религиозная философия, в целом, могла возникнуть только в ситуации, когда Церковь принципиально не идет в ногу со временем и, таким образом, игнорирует возникающие новые проблемы, ответ на которые попыталась дать секулярная мысль, то и дело впадающая, с точки зрения Церкви, в ересь, вследствие того, что ее задача как раз заключалась в том, чтобы осмыслить новое, исходя из него самого, а не из несоответствующего подобному осмыслению старого. Русская философия, таким образом, представляет собой попытку заполнить мировоззренческие лакуны, образовавшиеся в результате не столько неспособности, сколько нежелания их заполнять в рамках православной догматики. Ибо все важное уже сказано, и не доктрину надо подгонять под жизнь, а жизнь под доктрину.

При этом неважно, что доктрина отразила социальную специфику конкретного места в конкретное время. Правда, поскольку на роль Византийской империи длительное время претендовала Россия (а в сознании многих православных – продолжает претендовать), именно российские социально-политические реалии могут рассматриваться в качестве претендента на замещение совсем уж далеких и непонятных византийских. Отсюда – повышенный градус православного «патриотизма», которого нет ни в одной другой конфессии, а также – длительное (вплоть до 2005 года) отсутствие зафиксированной в тексте социальной концепции РПЦ.

Поскольку все необходимое для спасения души уже известно и открыто, а открытия эти зафиксированы в текстах Отцов Церкви, православие опирается на их «духовный опыт» и авторитет в большей степени, чем те конфессии, где Предание не завершено (католицизм) или же вообще не является источником, равным Писанию (протестантизм). Отсюда, поскольку «духовный опыт» адекватно не передаваем, в православии существует высокая степень доверия к авторитету его носителей, что, в свою очередь, может исказиться вплоть до суеверности (распространенная на Руси вера в старцев – кстати, именно «святого старца Иоанна» сделал В. Соловьев «неофициальным лидером православных» в своей «Краткой повести об Антихристе» – часто обретает весьма причудливые формы, близкие к харизматическим культам). Поскольку личный авторитет старца исторически противостоит церковному официозу (вспомним, например, полемику «заволжских» «нестяжателей» с иосифлянами), постольку в православном сознании может иметь место когнитивный диссонанс (как сейчас говорят, «разрыв шаблона»), выражающийся в крайностях поведения и оценок (от безоговорочного принятия до полного отрицания). Не случайно Бердяев, анализируя характер русского человека, писал, что последний «либо свинья, либо уж сразу святой, а быть простым законопослушным гражданином ему скучно». (Следует оговориться, что нет знака равенства между «быть русским» и «быть православным», но из цитаты Бердяева следует, что речь идет о менталитете, сформированном православием – о стремлении к святости, которого нет, например, в русском язычестве).

Исходя из вышеперечисленного, придерживаться базиса православного вероисповедания, кроме общехристианских ценностей, означает: 1) ориентироваться на прошлое; 2) быть консервативным во вкусах и взглядах; 3) пространственно ориентироваться на «Восток», свет с которого противостоит надвигающейся с «Запада» тьме: «Множеством ересей своих они (латиняне) всю землю обесчестили... Нет жизни вечной в вере латинской» (Преподобный Феодосий Печерский); 4) в вопросах вероучения между разумом и опытом выбирать «духовный опыт»; 5) подчиняться духовным авторитетам; 6) быть патриотом уже в силу определенной территориальной привязки православия к России; 7) иметь склонность к отождествлению «Родины» и «государства», мысля идеал последнего по образцу монархии, о чем сказано ещё в шестой новелле Юстиниана «Есть два величайших блага, дары милости Всевышнего людям — священство и царство. Каждое из этих благ, дарованных людям,

установлено Богом, имеет свое собственное назначение. Но, исходя из одного и того же начала, оно и проявляется в единении, в совместной деятельности; 8) иметь склонность к «традиционным» (в терминологии М. Вебера) моделям принятия решений; 9) в деле спасения в большей степени акцентировать участие в богослужении и церковных таинствах, нежели в интеллектуальном осмыслении или же в жизни общины.

Что значит быть католиком?

Из трех модусов времени католику ближе настоящее. Это подтверждается, например, концепцией времени св. Августина блаженного, где будущее есть надежда, а прошлое – память, которые сами пребывают в настоящем. Для Бога же, пребывающего в вечности, существует только вечное настоящее (безусловно, Августин жил до разделения Церквей, а, кроме того – это один из любимых протестантами богословов, но в наибольшей степени, конечно, его наследие воспринято было католицизмом). Кроме того, Католическая церковь считает, что Предание не завершено, и включает в него все постановления своих Соборов и послания Пап, что открыло путь к современной доктрине «аджорнаменто» (буквально: «идти в ногу со временем») и «апрофондаменто» – обоснование развития и трансформации новых идей посредством Писания и Предания. Таким образом, при включенности преимущественно в настоящее, католицизм имеет тенденцию поворота к будущему, а не к прошлому, так как в нем открыт путь догматотворчеству.

Католичество не имело жесткой привязки к конкретному государственному образованию и светским властным структурам, подобным Византийской империи, а, скорее, противостояло государственным властям, одновременно (со времен доктрины «двух мечей» Папы Геласия), будучи относительно самостоятельным, претендуя на свою долю светской власти. Исторически католики достигли в миссионерской деятельности, в отличие от православных, значительно больших успехов (кроме Азии), и современный католицизм не привязан пространственно жестко к определенному региону. Показательно, что, если до XX века большинство римских Пап были итальянцами, то последние три преемника св. Петра, соответственно – поляк, немец и вообще выходец с другого континента (аргентинец). Таким образом, Рим продолжает свою политику, известную еще со времен языческой Империи – превратить весь мир в Рим. Но поскольку Рим – это юг Европы, а католичество в Новое время само распространялось преимущественно на юг (Латинская Америка, Африка), определенная степень позиционирования себя как «Юга» в оппозиции к «Северу» или, точнее, «Северо-Западу», все-таки, возможно, дает о себе знать (например, в «антиамериканских» настроениях многих жителей латинской Америки).

Самоназвание данной конфессии подчеркивает ее стремление к всеобщности, в отличие от названия православной церкви, которое предполагает особую коннотацию – если ее члены «правильно славят» Бога, то, по бинарно-оппозиционному характеру человеческого мышления, должны быть и те, которые делают это «неправильно». Поэтому у католиков, в большинстве своем, отсутствует чувство исключительности по отношению к «инославным», которое постоянно проступает в православной среде. Соответственно, «идеальный» католик менее жесток как по отношению к другим, так и к себе, и более открыт новому (в смысле непривычного или прежде отвергаемого) (пример – относительно недавние высказывания Папы Франциска I по поводу отношения Церкви к гомосексуалистам, выражающие стремление католицизма к компромиссным решениям: так, Франциск заявил: "Если человек – гомосексуалист, но ищет Господа и имеет добрую волю, то кто я такой, чтобы судить его?").

Стремление католичества к светской власти не могло не сказаться и на более светском характере мировоззрения католика. Так, например, декабрист М. Лунин, принявший католичество, писал, что «католическая вера как бы зримо воплощается в женщинах. Она

завершает их врожденное изящество, возмещает их недостатки и украшает равно дурнушек и красавиц, подобно росе, украшающей все цветы. Католичку можно сразу узнать среди тысячи женщин по ее осанке, речи, взгляду. Во всем существе ее есть нечто сладостное, спокойное и безмятежное, указующее на присутствие истины»[1].

Трудно представить себе, чтобы православный написал нечто подобное о «своих» женщинах – все больше нечто подобное Иоанну Златоусту: «Когда ты видишь женщину благообразную, веселую, воспаляющую твои помыслы, то представь, что предмет твоего пожелания — земля, что воспаляет тебя – пепел; и душа твоя перестанет неистовствовать... Представь, что она изменилась, состарилась, заболела, что глаза ее впали, щеки опустились, весь прежний цвет поблек; подумай, чему ты удивляешься. Ты удивляешься грязи и пеплу, тебя воспаляет пыль и прах»[2]. Во втором случае именно «врожденное изящество» должно быть изгнано (по крайней мере, из помыслов), в то время как в первом, наоборот, «недостатки» внешности компенсируются верой! Конечно, речь идет о современном католичестве с его отчетливыми экуменическими тенденциями, стремящимися к уничтожению искусственного неравенства, что, однако, не исключает наличия представления о неравенстве естественном как об иерархическом устройении мира Богом. Это отличает католицизм от протестантизма – в католической «лестнице» существ всем находится какое-то место, даже грешникам, даже не слышавшим самого имени Христа (например, учение Августина о «крипосвятых»), в то время, как протестанты склонны резко противопоставлять собственное «избранничество» «проклятости» других (классический пример – уничтожение индейцев в Северной Америке и их смешение с белыми переселенцами в Америке Южной).

В то же время, католичество, в силу особого акцента на иерархичности, тяготеет в большой степени к аристократизму (не случайно в России католичество распространялось преимущественно (среди не-католиков «по рождению») в дворянских и интеллектуальных кругах (Лунин, Гагарин, Печерин, В. Соловьев), в то время как протестантизм вербовал своих прозелитов преимущественно в мещанской или крестьянской среде).

Акцент на катафатическое богословие привел к высокой степени интеллектуализма (под которым надо понимать акцент на усилие разума в постижении истин веры в противоположность протестантскому рационализму – тенденцией к приспособлению веры к требованиям разума). В то же время, учение о двух путях спасения – верою и добрыми делами – выработало в католическом менталитете внимание к социальной проблематике, рассматривающей личное спасение в контексте спасения другого (в православии, наоборот, спасение другого включено в контекст личного спасения: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся другие»). Католический «принцип» «Спаси других, и спасешься сам» привел к активной деятельности Церкви, особенно монашеских орденов, имеющих довольно высокую степень самостоятельности внутри жесткой церковной иерархии, в миру.

В то же время католичество, не отвергая посредничества между человеком и Богом, не было внимательным к проблеме верификации избранничества, столь занимавшей, согласно М. Веберу, умы протестантов, отказавшихся от всяческого посредничества в вопросе спасения. Поэтому, хотя протестантский менталитет и повлиял на зарождение капиталистических экономических отношений и современной науки (если, опять же, доверять М. Веберу), что позволило сегодня протестантским странам обогнать в развитии католические, католицизм благотворно воздействовал на отвергаемые протестантскими сообществами искусства, понимая последние как, с одной стороны, проблеск красоты горнего мира, а, с другой – как свидетельство несовершенства человека, которому дано видеть лишь проблеск света, «как через тусклое стекло», вместо того, чтобы созерцать весь свет и пребывать в нем.

Под влиянием всех этих факторов сформировался современный «идеальный тип» католика. Его черты: 1) ориентация на настоящее (например, полушутливый принцип «Я

сегодня заработал, чтобы завтра отдохнуть», характеризующий католическую трудовую этику, в отличие от протестантского «Я сегодня заработал, чтобы завтра заработать еще больше»); 2) открытость новому с опорой на старое (единство традиции и новации) /но не прогрессизм, характерный, скорее, для некоторых протестантов!/: 3) тенденция скорее приспособлять новое под уже существующее, чем отказываться от нового или ориентироваться преимущественно на него; 4) пространственная ориентация на «Юг» (Рим как центр, распространение преимущественно в Африке и Латинской Америке), в то же время тенденция к «размыванию» пространственной ориентации; 5) в вопросах вероучения тенденция к интеллектуализму; 6) доверие авторитетам; 7) отсутствие отождествления «Родины» и «государства», противопоставление светских и духовных властей, на сегодняшний момент приобретающее характер личной инициативы в выборе ценностной ориентации; 8) тенденция к аристократическому идеалу; 9) доминирует аффективная (у малообразованных) или ценностно-рациональная (у высокообразованных) модель поведения; 10) в деле спасения – поиск единства между интеллектуальным осмыслением догматов веры и участием в церковных таинствах.

Что значит быть протестантом?

Модус времени, характерный для протестантов, – будущее, начиная от раннепротестантского эсхатологизма времен Крестьянских войн в Германии, вплоть до современного протестантского сообщества, ориентированного в целом на «капиталистический» стиль мышления и действия. Модус пространства – «Запад» или, точнее, «Северо-Запад», впрочем, скорее противопоставляемый «Востоку», чем «Югу» (а может быть, в связи с активизацией ислама, скорее – «Юго-Востоку»?).

Отсутствие единой «протестантской Церкви» децентрализует и мирозерцание протестантов (излюбленная фраза проповедей в России – «где двое или трое собраны во Имя мое, там и Я посреди них»), создавая благоприятную почву для демократических тенденций. Многие протестантские церкви вообще организованы как горизонтальные структуры (например, баптисты), другие же, имеющие определенную иерархию, вследствие отрицания таинства священства, воспринимают собственных иерархов как простых администраторов, избираемых свободным волеизъявлением членов церкви, чьей функцией является управление церковными делами и сношениями, и не более того. Из идеи об отсутствии посредников между человеком и Богом в вопросе спасения (кроме Христа, который есть воплощенный Господь) возникает тенденция к недоверию по отношению к каким бы то ни было земным авторитетам – как светским, так и духовным. Из идеи об избранничестве выкристаллизовывается самоощущение особенности; из понимания веры как доверия – ощущение правильности собственного пути, по которому уже не сам идешь, а ведет тебя Господь, изначально избрав к спасению по Своей неисповедимой благодати.

Отсюда – мироощущение американцев, у которых долгое время господствовал идеал WASP – большинство из них уверены, что они несут другим людям и народам не просто свободу, демократию и рынок, но Истину в конечной инстанции. Церковь, в силу отсутствия иерархии, с одной стороны, и в силу общественного характера религии, с другой, понимается и воспринимается, прежде всего, как община верующих. Соответственно, в деле спасения приобретает особое значение участие в делах общины и взаимопомощь между ее членами. Интеллектуализм Католической церкви замещается рационализмом, более практичным для повседневных целей и задач (здесь, в том числе, одна из причин того, что процесс образования новопротестантских церквей является открытым – новые цели порождают новые толкования). Модели поведения, по преимуществу, целерациональные, где само спасение души рассматривается не столько как ценность, сколько как цель, для обретения которой существуют разработанные, основанные на рациональном толковании Писания

методики. Философия прагматизма, рассматривающая «многообразие религиозного опыта» как многообразие возможных целей и успешных путей их достижения, на наш взгляд, могла возникнуть лишь в протестантской среде.

Протестант – наиболее противоречивая внутренне фигура, так как постоянно пребывает между разнородными требованиями: сознание собственной исключительности вступает в конфликт с «мирским» трудовым праксисом; высокий уровень благосостояния – со светскими возможностями потребления, потенциально предоставляемыми самим этим благосостоянием. Поэтому протестанты часто склонны к фундаменталистским, буквалистским трактовкам Писания – простые интерпретации дают большую устойчивость в повседневности, нежели тонкости католической теологии или высокий символизм православной литургии.

Таким образом, если у православного или католика всегда присутствует риск скатиться в суеверность, для протестанта более вероятен и характерен риск начетничества. У русских протестантов (прежде всего – отделенных баптистов), долгое время существовавших в изоляции от своих зарубежных единоверцев, во враждебной атеистической среде и в православном (как указано выше – консервативном по духу) окружении часто проявляется стремление, аналогичное тому, что наиболее ярко проявлено у амишей в США – к ограничению контактов с миром, замещению «внешних» связей связями внутри общины. Те же протестантские деноминации, которые появились в России уже в постсоветское время (методисты, харизматы), резко отличаются, например, от «отделенных» баптистов своей (иногда показной) мирской активностью и жизнерадостностью. Те крайности, что у православного сознания сосредоточены внутри, в протестантизме выразились в многообразии возможностей внешнего выбора деноминации или общины по своему вкусу. Не случаен анекдот: в плане эксперимента поселяют баптиста на необитаемый остров. Через год приезжают – остров цветет (трудовая этика)! Кругом поля, сады, дом огромный построен и... две церкви! Баптиста спрашивают – зачем тебе две? А он отвечает: «Вот это – моя, а в другую – я не хожу!».

Основное в жизни протестанта – это труд и общение. Оба эти фактора в повседневности направлены на преобразование окружающего мира. Й. Хейзинга в своей «Осени Средневековья» указывает на три базовые модели «пути к прекрасной жизни»: первый «уводил прочь от мира: путь отречения от всего мирского»; второй «вел к улучшению и совершенствованию мира самого по себе»[3]; третий же – «путь мечтаний» – эстетизировал уже существующую наличную реальность. Поскольку сама идея христианства во многом зиждется на взыскании «лучшего» мира («прекрасной жизни»), каждая христианская конфессия неизбежно выбирает один из этих путей в качестве некой доминанты своего праксиса. И совершенно ясно, что протестантам ближе второй путь – совершенствование мира, в то время как православным – уход от него, а католикам – его эстетизация.

Итак, для протестанта характерно:

- 1) ориентация на будущее («Я сегодня заработаю, чтобы завтра заработать еще»), высокая степень эсхатологизма; 2) стремление к прогрессу и толерантность к другим, иногда сопровождаемая вышеуказанными крайностями – противоположностями; 3) ориентация на улучшение мира посредством труда; 4) пространственная ориентация на «Северо-Запад» или просто «Запад»; 5) в вопросах вероучения крайности – от рационализма до начетнического буквализма; 6) неприятие авторитетов (кроме Писания), довольно высокая степень свободомыслия в его интерпретациях; 7) по отношению к государству – опять же двойственная позиция: от высокой степени гражданской активности – до полного неприятия и внутренней самоизоляции; 8) тенденция к демократическому идеалу; 9) доминанта целерациональной модели поведения (иногда – ценностной, как правило, когда протестанты оказываются в инославном или откровенно враждебном окружении); 10) в деле спасения –

минимальная роль таинств, но высокая степень участия в жизни общины и особый акцент на следовании Христу и исследовании Писания.

А в целом, все как всегда: православные молятся, католики философствуют, протестанты – читают Библию, и все – ждут спасения.

Библиографический список

1. **Лунин, М. С.** Письма из Сибири. М., Наука, 1987.
2. **Иоанн Златоуст.** Творения. Т.6. Ч.1. Еще о неясностях Нового Завета. СПб, 1900.
3. **Хейзинга, Й.** Осень Средневековья. – М.: Наука, 1988.
4. **Федотов, Г.П.** Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990.
5. **Успенский, Ф.И.** История Византии. Т.1. М.: Астрель, 2001.
6. **Гонсалес, Х.** История христианства. СПб.: Библия для всех, 2009.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 327

*Воронежский государственный университет,
кандидат политических наук,
факультет международных отношений,
департамент международного сотрудничества
А.А. Болдырихин.
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 224-74-02.*

*Voronezh State University,
PhD in Politology,
International Relations Faculty,
International Cooperation Department
A.A. Boldyrihin.
Russia, Voronezh,
tel. (473) 224-74-02;*

А. А. Болдырихин

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ДЛЯ ЗАРУБЕЖНОГО БИЗНЕСА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается проблема инвестиционной привлекательности российской экономики для зарубежного бизнеса. По мнению автора, санкции, введенные в 2014 г., серьезно подорвали потенциал российской экономики. Однако международный бизнес настроен довольно оптимистично в отношении инвестиционной привлекательности отечественной экономики. Несмотря на политические разногласия с западными партнерами и экономические санкции, российский бизнес также стремится максимально быстро преодолеть полосу затруднений в отношениях и вернуться к докризисному уровню взаимного доверия.

Ключевые слова: российская экономика, инвестиционная привлекательность, международный бизнес, санкции.

A. A. Boldyrihin

INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF RUSSIAN ECONOMY TO FOREIGN BUSINESS TODAY

The article discusses the problem of investment attractiveness of the Russian economy for foreign businesses. According to the author, the sanctions imposed in 2014, have seriously undermined the potential of the Russian economy. However, the international business is set fairly optimistic about the investment attractiveness of the domestic economy. Despite political contradictions with Western partners and economic sanctions, the Russian business is also seeking as quickly as possible to overcome the difficulties in relations and return to pre-crisis level of mutual trust.

Key words: the Russian economy, investment attraction, international business, sanctions.

По результатам многочисленных систематических исследований, проводимых крупными международными агентствами (Ernst&Young, KPMG, Deloitte), инвестиционный климат в современной России представляет собой крайне сложный и весьма противоречивый феномен[1. Р. 7-10]. С одной стороны, существенный уровень международной политико-экономической изоляции мог бы стать причиной для серьезного снижения инвестиционной привлекательности российского бизнеса для международных инвесторов. С другой стороны, компании-аналитики не наблюдают резкого снижения зарубежной инвестиционной активности в отношении России[2].

Как показывают опросы, проведенные специалистами компании Ernst&Young, зарубежные респонденты едины во мнении, что санкции, введенные в 2014 г., серьезно подорвали потенциал российской экономики и вызвали ряд опасений международных инвесторов. Опрошенные сотрудники компаний традиционно выделяют три основные проблемы, связанные с инвестиционным климатом России:

- нестабильность внутренней экономической ситуации, что снижает общий уровень инвестиционной привлекательности и создает проблемы для повышения уровня деловой активности;
- проблемы взаимодействия власти и бизнеса;
- отсутствие поступательных механизмов развития национальной экономической политики[3].

Однако, несмотря на ухудшение общего экономического состояния российской экономики, зарубежные инвесторы видят целый ряд положительных изменений в структуре российского инвестиционного климата:

- наблюдается положительная динамика в сферах таможенного и налогового законодательства для иностранных предпринимателей и инвесторов;
- постепенно повышается эффективность работы государства, устраняются барьеры для диалога между предпринимателями и федеральным правительством;
- существенное улучшение инвестиционного климата на региональном уровне; местные органы власти прилагают значительные усилия для привлечения инвесторов к региональным проектам;
- несмотря на сложности во внешнеполитической ситуации, растет уровень взаимного доверия со стороны иностранных партнеров по отношению к российским коллегам;
- отечественный бизнес демонстрирует стремление максимально соответствовать международным деловым стандартам[4], постоянно совершенствуясь в этом направлении[5, P.3-7].
- В подтверждение данных тезисов говорит и тот факт, что 90% руководителей иностранных компаний верят в экономический потенциал нашей страны, а 50% опрошенных планируют увеличивать объем инвестиций в российскую экономику[5. P. 3-7]. 59% респондентов отметили лишь незначительное ухудшение условий ведения бизнеса в существующей политической и экономической обстановке, а 47% планируют расширение присутствия своих компаний на территории России и наращивание объема инвестиций в текущем году. С другой стороны, исследователи не исключают снижение общего объема прямых иностранных инвестиций (FDI) до 179 млн долларов долгосрочной перспективе, если на Западе сохранится тенденция к политической и экономической изоляции России[5. P. 4].

Аналитики компании Deloitte утверждают, что «даже в сложных политико-экономических условиях Россия продолжает оставаться страной с колоссальным потенциалом для зарубежных инвестиций. Практически каждый сектор экономики, государственный или частный, нуждается в массивных капиталовложениях. Особенно приветствуются компании, занимающиеся продвижением технологий и развитием инновационной деятельности».

С 2003 года Всемирный Банк и Международная финансовая корпорация проводят исследование под названием Doing Business, которое призвано оценивать возможности для ведения предпринимательской деятельности в 189 странах мира. Методика исследования была разработана известным болгарским экономистом, сотрудником Всемирного Банка Симеоном Дянковым совместно с группой аналитиков. Поначалу доклад Doing Business включал в себя только данные об условиях ведения бизнеса по 5 индикаторам для 133 стран[6]. В настоящее время (по состоянию на 2016 г.) данный рейтинг составляется на

основе анализа 11 ключевых индикаторов, среди которых: регистрация компании, получение лицензии на строительство, подключение к линиям энергоснабжения, регистрация собственности, легкость получения кредитов, защита интересов инвесторов, налогообложение, выход на международные рынки, обеспечение исполнения контрактов и процедура закрытия компании[7]. Оценку осуществляют более 7000 экспертов по всему миру, которые анализируют статистические данные и проводят опросы представителей бизнес-сообщества. В целях упрощения и стандартизации анализа рейтинг не учитывает ряд важных политических и экономических факторов, оказывающих влияние на деловой климат в стране, однако методология подготовки отчета позволяет использовать его для государств с различными экономическими моделями.

По данным отчета Doing Business in Russia за 2016 г., российская экономика заняла 51 место из 189 возможных, что подтверждает положительную тенденцию последних четырех лет и позволяет говорить о сохранении сильных трансформационных тенденций. Сильные политические позиции России в блоке стран БРИКС также встречают одобрение со стороны зарубежных аналитиков. В этом году Россия вошла в десятку лучших государств с наиболее прогрессивной схемой регистрации собственности (8 место) и сильным механизмом обеспечения исполнения контрактов (5 место). По показателям простоты открытия компании, подключению к электроснабжению, регистрации собственности, упрощения налогообложения и прозрачности кредитных механизмов Россия также поднялась в рейтинге по сравнению с предыдущими годами[8].

На основании приведенных данных можно сказать, что в краткосрочной перспективе международный бизнес настроен довольно оптимистично в отношении инвестиционной привлекательности отечественной экономики. Несмотря на политические разногласия с западными партнерами и экономические санкции, российский бизнес также стремится максимально быстро преодолеть полосу затруднений в отношениях и вернуться к докризисному уровню взаимного доверия.

Библиографический список

1. Doing Business in Russia: Your Tax and Legal Lighthouse. – KPMG Tax and Legal Report 2012.
2. Deloitte Tax and Legal for Russia 2015 Report.
3. Investment Climate in Russia – Foreign Investor Perception. – Ernst&Young 2015 Report.
4. J.J. Schmidt, D.C. Uecker. Business Ethics in the United States and Russia // Journal of Leadership, Accountability and Ethics. – Vol. 12(2). – 2015; Nothing ventured, nothing gained: changing international perceptions of Russian business – The Economist Intelligence Unit, 2012.
5. Investment Climate in Russia – Foreign Investor Perception. – Ernst&Young 2015 Report.
6. Doing Business 2004. Understanding Regulations. – World Bank, the International Finance Corporation, and Oxford University Press, 2004.
<http://www.doingbusiness.org/~media/GIAWB/Doing%20Business/Documents/Annual-Reports/English/DB04-FullReport.pdf>
7. Doing Business in Russia. Economy Profile 2016. The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. – 2016.
8. S. Bossoutrot. What did Russia achieve in "Doing Business 2016"? // The World Bank. – Oct. 27, 2015. – <http://www.worldbank.org/ru/news/opinion/2015/10/27/what-did-russia-achieve-in-doing-business-2016>

УДК 3.07.004

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,
Кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью
С. В. Булавина.
Студентка 4 курса специальности «Реклама и связи с общественностью»
У. А. Попова
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 276-40-09
e-mail: fire-fly@bk.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD of Philology, Associate Professor public relations Chair
S.V.Bulavina.
the 4th year student of the specialty "Advertising and public relations"
U. A. Popova
Russia, Voronezh, tel. (473) 276-40-09;
e-mail: fire-fly@bk.ru*

С. В. Булавина, У. А. Попова

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕССА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается информационно-аналитическая деятельность в сфере государственного управления. Авторы статьи приходят к выводу о том, что сложившаяся система информационно-аналитической работы, в основном, соответствует современным требованиям развития информационных технологий и позволяет органам государственного управления и исполнительным органам власти Воронежской области, в частности, решать основные тактические и стратегические задачи управления регионом.

Ключевые слова: информационная политика, государственное управление, социальная сфера, кадровый потенциал, социально ориентированные средства массовой информации.

S.V. Bulavina, U. A. Popova

INFORMATION-ANALYTICAL ACTIVITY AS AN IMPORTANT PART OF THE PROCESS OF GOVERNANCE

The article discusses the information-analytical activity in the sphere of public administration. The authors come to the conclusion that the existing system of information and analytical work, mainly, meets the modern requirements of development of information technologies and enables government bodies and Executive authorities of the Voronezh region, in particular, to solve the key tactical and strategic challenges of regional governance.

Key words: information policy, public administration, social services, human resources, socially oriented media.

Информационно-аналитическая деятельность является важнейшей характеристикой процесса государственного управления. Значение ее возрастает в силу усложнения управленческих задач, выражающегося в увеличении числа его объектов, их дифференциации и, как следствие, постоянного нарастания комплекса решаемых проблем. С одной стороны, эти проблемы обусловлены влиянием глобальных тенденций, проявляющихся на всех уровнях самоорганизации социума, с другой стороны, необходимостью переориентации управленческой стратегии на конкретного человека, выступающего основным внешним клиентом по отношению к государственным структурам.

Последнее обстоятельство отражено в концепции улучшения качества жизни населения, которая рассматривается сегодня как главный ориентир для субъектов социального регулирования [1. С. 101-103].

Показательно в данной связи то, что стратегической целью Воронежской области на период до 2025 года провозглашено именно улучшение качества жизни населения на основе инновационно ориентированной экономической и социальной политики, развития наукоемких и конкурентоспособных производств с учетом геостратегических приоритетов на юго-западе Российской Федерации. Задачи, решаемые российским обществом на этапе его социальной трансформации, требуют качественных изменений системы государственного управления на всех уровнях. Она не просто должна стать максимально функциональной, с точки зрения, содержания управленческой деятельности соответствовать современному уровню развития технологий управления, но и приобрести ярко выраженную социальную направленность, ориентацию на граждан, как на потребителей ее услуг. При этом управление необходимо ориентировать не только на решении конкретных проблем, но и на историческую перспективу, сделать его максимально конкурентоспособным на всех уровнях. Данная установка в полной мере соответствует концепции нового государственного управления и находит свое обоснование в Концепции административной реформы, реализующейся в настоящее время в России.

Цели и задачи, сформулированные в Концепции, предъявляют повышенные требования к информационно-аналитическому обеспечению управленческого процесса, которое в современных условиях выполняет несколько взаимосвязанных функций: во-первых, формулирует систему проблем, требующих решения в интересах отдельных граждан и субъекта Российской Федерации в целом; во-вторых, позволяет объективно оценить состояние самой системы управления, выявить проблемные поля в процессе ее функционирования; в-третьих, дает возможность исследовать систему вызовов и угроз, социальных рисков, которые продуцируются, с общими тенденциями глобализации мира, с другой, - являются следствием ошибок и просчетов субъектов управления; в-четвертых, позволяет сформировать прогнозный фон регионального развития и обосновать проекты, позволяющие обеспечить стабильное развитие в кризисных условиях [2. С. 54-55]. Эти задачи актуальны, как для федерального, так и для регионального уровня организации государственной власти.

Однако, несмотря на наличие потребности в активной и эффективной информационно-аналитической работе на региональном уровне, приходится констатировать, что ее современное состояние не соответствует параметрам, объективно заданным целями системы управления. Это обусловлено комплексом причин, к числу которых относятся: сохранение традиционного для системы управления недоверия к науке, доминирующая до настоящего времени установка в практике управления на здравый смысл и жизненный опыт руководителя; недостаток всех видов ресурсов, которые могут быть использованы в аналитике; трудности организации аналитики в ситуации высокого уровня рисков.

Особая проблема аналитической деятельности связана с изменением в современных условиях когнитивных механизмов социальных исследований, обусловленных кризисом рациональности. Информационно-аналитическая работа (ИАР) представляет собой необходимый элемент государственного управления, как деятельность, объединяющая в себе методологию информационно-исследовательской работы, ее организационное, а также технолого-методологическое обеспечение разработки и создания инструментальных средств для ее ведения.

В. Д. Попов пишет: «Знание социальных, медийных законов, коммуникативных законов» государственными служащими, умение применить их в своей профессиональной деятельности, представляет мощный информациологический ресурс государственной службы»[3. С. 23].

Разработка концепции информационно-аналитической включает в себя определение принципов организации ИАР в системе государственного управления на региональном

уровне, формулировку ее стратегии, выявление приоритетных направлений, определение критериев результативности.

Стратегию ИАР целесообразно реализовать по трем основным направлениям, соответствующим основным предметным областям аналитики в системе государственного управления.

Во-первых, оценка состояния объекта управления. Она включает в себя анализ состояния и тенденций изменения ситуации регионе с учетом основных социальных сфер; выявление состояния и тенденций изменения потребностей в ресурсах; оценку состояния и тенденций изменений в идеологической и духовной сферах общества; определение состояния и тенденций изменения характера угроз региональной безопасности; анализ состояния и тенденций изменения научно-методологического и технологического обеспечения деятельности акторов регионального социально-экономического пространства.

Во-вторых, определение потенциала субъекта управленческого воздействия, предполагающее оценку состояния организационной структуры государственного управления; анализ кадрового потенциала государственной и муниципальной службы; определение уровня информатизации государственного управления; анализ состояния нормативно-правовой базы государственного управления в регионе.

В-третьих, анализ эффективности применяемых технологий. Он включает в себя: изучение условий и факторов применения технологий государственного управления; оценку эффективности применяемых технологий; анализ коммуникативных отношений, складывающихся в процессе достижения целей государственного управления.

Завершающей процедурой построения концепции информационно-аналитической работы является определение критериев ее эффективности, к числу которых исследование позволяет отнести адекватность целей информационно-аналитической работы стратегическим направлениям развития региона, полноту и объективность выделения проблем регионального управления, точность прогноза, которая подтверждается социальной практикой, обоснованность проектов и программ информационно-аналитической деятельности, содержание оценки состояния информационно-аналитической деятельности субъектами управления, как руководителями государственных органов, так и государственными служащими [4. С. 133-138]. Проведенное эмпирическое исследование показало, что в Воронежской области в настоящее время сформировалась система информационно-аналитического обеспечения государственного управления.

В институциональном отношении они объединяет специализированные подразделения, функциями которых являются сбор, обработка и интерпретация информации, необходимой для успешного функционирования системы государственного управления в целом, государственные структуры, занимающиеся внедрением информационно-коммуникационных технологий, подразделения в региональных государственных органах, осуществляющие аналитику в пределах своей компетенции и научно-исследовательские учреждения и организации.

В регионе утверждена и реализуется Программа развития информационного пространства, ежегодно осуществляется мониторинг оценки эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения. В последние годы реализован ряд мер, направленных на совершенствование информационно-технологического обеспечения ИАР. В том числе: модернизация информационной инфраструктуры; развитие информационных, телекоммуникационных технологий; обеспечение граждан общественно значимой информацией и развитие независимых, социально ориентированных средств массовой информации; персональная компьютеризация и информатизация органов власти, областных государственных учреждений и организаций, доступность передовых информационных технологий для жителей области.

В регионе осуществляется федеральная целевая программа «Электронная Россия»[5. С. 78-90]. Сложившаяся система информационно-аналитической работы, в основном, соответствует современным требованиям развития информационных технологий и позволяет органам государственного управления и исполнительным органам власти Воронежской области, в частности, решать основные тактические и стратегические задачи управления регионом.

Библиографический список

1. **Кузнецов, В. А.** Информационно-аналитическое обеспечение государственного и муниципального управления в Дальневосточном федеральном округе Текст. / В. А. Кузнецов. Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2010. -223с.
2. **Курносков, Ю. В.** Аналитика: методология, технология и организация информационно-аналитической работы Текст. / Ю. В. Курносков, П. Ю. Конотопов. М.: РУСАКИ, 2011. - 512 с.
3. **Попов, В. Д.** Социальная информатиология — наука XXI века (проблемы становления и развития) Текст. / В.Д. Попов. М.: Изд-во РАГС, 2013. - 335 с.
4. Технологии социального ориентирования человека в глобальном информационном пространстве: учебно-методический комплекс Текст. / В. П. Соломин и др. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. - 239 с.
5. Теория и практика государственного и муниципального управления: политико-правовые, социальные и экономические факторы развития. Государственное управление и совершенствование политико-правовых отношений Текст. Орел: Изд-во ОРАГС, 2013. - Том 1.-202 с.

УДК 378

Воронежский государственный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
Е.В.Бадалова
Россия, г. Воронеж, тел. (903) 855-67-65;
e-mail: mail@kardas.vrn.ru

Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Policy Chair
E.V.Badalova
Russia, Voronezh, tel. (903) 855-67-65;
e-mail: mail@kardas.vrn.ru

Е. В. Бадалова

ТРУДНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Статья посвящена проблемам интеграции российских немцев в германское общество

Ключевые слова: Российские немцы, Германия, интеграционная политика, мультикультурализм

E. V. Badalova

THE DIFFICULTIES OF INTEGRATING RUSSIAN GERMANS AND WAYS TO OVERCOME THEM

The article is devoted to problems of integration of Russian Germans in the German society

Key words: Russian Germans, Germany, integration policy, multiculturalism

Характерным отражением проблем интеграции мигрантов в Германии стала широко развернувшаяся в обществе и политических кругах страны дискуссия с участием первых лиц государства о мультикультурализме и интеграции иммигрантов. Поводом к обсуждению стала публикация книги Тило Сарацина[9], в которой, основываясь на обширной статистике и собственных расчетах и прогнозах, Т. Саррацин, известный политик и бывший сенатор Берлина, убедительно показывает, что, к примеру, мусульманское сообщество в Германии не стремится к интеграции в немецкую жизнь. Уровень образования и участие в трудовой деятельности иммигрантов остается гораздо ниже уровня коренного населения, что при традиционно высокой рождаемости у мусульман представляет реальную угрозу для страны. Автор высказывается за жёсткую миграционную политику и показывает пути выхода из кризиса[9. С. 4].

Книга Сарацина стала поводом или в некоторой степени катализатором, обнажив наличие в Германии серьезных проблем с интеграцией мигрантов в общество. Политики, в свою очередь, пытаясь предугадать мнение общества и извлечь выгоду для себя, спровоцировали дискуссию, которую поддержала пресса. Но главная причина дискуссии объективна – немцы постепенно убедились, что «интеграция» неуспешна.

Возможно, они поняли это достаточно давно, но, что называется, тренд был другим, в моде была толерантность и культ многокультурного общества. Теперь маятник качнулся в другую сторону, чему способствовало и ухудшение уровня жизни, повышение тревожности в обществе в связи с кризисными явлениями в экономике[5].

По итогам дискуссии многие в Германии, в их числе и канцлер Ангела Меркель, признали, что немецкая модель интеграции оказалась неэффективной, что Германии не удалось построить настоящее мультикультурное общество.

При этом, хотя речь шла, прежде всего, о проблемах с турецкой общиной, не осталась в стороне и проблема интеграции российских немцев.

Как отмечают исследователи, «неэффективность механизмов политики мультикультурализма является индикатором, в каком направлении необходимо корректировать правовую базу работы с мигрантами в дальнейшем, сохраняя при этом наиболее действенные и эффективные программы и проекты»[6. С. 92].

В связи с этим нужно отметить, что одной из главных трудностей, с которой столкнулись российские немцы в Германии, стал кризис их этнической самоидентификации. В самоопределении и в становлении самоидентификации российских немцев существенную роль играет отношение к ним принимающего общества. Для них, важно кем их считают сами немцы, и в зависимости от этого они постоянно корректируют свою самоидентификацию.

Хотя, по сравнению с прочими мигрантами в Германии, русские немцы здесь не иностранцы, они – немцы, т.е. номинальные представители титульной нации. Однако, в большинстве случаев их в немецком обществе воспринимают как русских. Даже А. Меркель в одном из своих недавних выступлений высказалась о том, что, хотя русской диаспоры (в отличие от турецкой) в Германии не существует, но есть большое «русскоязычное сообщество» со своими интересами, существенно отличающимися от интересов обычных немцев[1].

Подобное отношение только усиливает кризис этнической идентичности у большинства переселенцев. Они уезжали с территории бывшего СССР немцами, а в Германию приехали «руссаками». Кроме того, остальные иностранные переселенцы в Германии в «тылу» имеют свою родину, свою страну (Турция, Италия и т.д.), и потому не заинтересованы в принципиальной коррекции и усилении собственной этноидентичности. В то время как российские немцы оказываются между двух миров, и не могут в полной мере не идентифицировать себя ни с одним из них.

Их идентичность можно определить частицей «не» – они в России были «не русские», а сейчас в Германии стали – «не немцы».

Эта точка зрения на затрудняющие интеграцию российских немцев факторы, распространена и среди многих немецких исследователей, которые полагают, что трудность самоидентификации – самый существенный барьер на пути к интеграции в германское общество, и только преодолев этот барьер, сделав его мостом, российские немцы смогут успешно интегрироваться в германское общество[См.: 13. S. 15-17; 15. S. 87-88].

С отмеченной проблемой тесно взаимосвязаны и остальные не менее важные проблемы интеграции. Их можно выстроить в следующем порядке:

- «языковая проблема» (трудности со знанием немецкого языка);
- проблема культурной неподготовленности к жизни в Германии (проявляющаяся в том, что у российских немцев иные жизненные установки и ценности, модели и идеалы поведения, по сравнению с немцами германскими);
- формирование в сознании мигрантов негативного образа немца;
- проблемы в поиске достойной работы;
- ограниченность социальных контактов с немецким окружением, как следствие всех вышеперечисленных проблем[10].

Говоря о языковой проблеме, нужно пояснить, что речь не идет о полном незнании российскими мигрантами немецкого языка, а лишь о том, что они не владеют хойдойчем (Hochdeutsch) – современным государственным и литературным немецким языком, принятым для употребления в Германии. При этом многие мигранты в той или иной степени говорят на различных местечковых диалектах немецкого языка (которые сформировались в местах компактного проживания немецкого населения на прежней родине, при сильном влиянии русского и других языков республик бывшего СССР), особенно это касается людей

пожилого и среднего возраста. Однако, эти диалекты непонятны коренным немцам, а мигрантам, в свою очередь, очень трудно освоить «правильный» язык.

При этом с каждой новой волной миграции немцев из бывшего СССР в Германию снижалась доля переселенцев, владеющих немецким языком, и, наоборот, росло число практически не владеющих языком – за счет миграции членов семей российских немцев не немецкой национальности. По данным официальной статистики МИД ФРГ, если в начале 1990-х гг. до 75% заявителей-эмигрантов составляли российские немцы, владеющие немецким языком, и только 25% члены их семей, не владеющие даже элементарными знаниями немецкого языка, то к началу 2000-х гг. это соотношение сменилось на противоположное, 75% переселенцев составили уже члены семей, не владеющие немецким языком[7. С. 22].

Подобное положение способствовало принятию правительством ФРГ ряда мер по ограничению притока поздних переселенцев, таких как введение квот приема (с 1999 г. – не более 100 тыс. человек ежегодно; ужесточение правил въезда, касающихся знания немецкого языка (обязательная сдача экзамена по немецкому языку для лиц, приезжающих для постоянного проживания в стране)[7. С. 23].

Ситуация усугубляется в силу сокращения длительности языковых курсов и программ, которые предоставляются немецким правительством российским переселенцам, а также неудовлетворительной работой в России немецких культурных центров[10].

Языковая проблема интеграции усугубляется проблемой «культурной неподготовленности» русских немцев к жизни в Германии. За многие десятилетия, проживая в русском обществе, они ассимилировались, растворились в нем, а потому весьма малый процент из них знает, а что самое главное – понимает и принимает немецкие ценности, традиции, обычаи, поведение в обществе, а также бытовые особенности жизнедеятельности.

Так, в интервью и опросах, проводимых среди российских немцев в Германии, последние часто указывают на непонимание их жизненных позиций местными немцами. То, что значительно и важно для российских немцев, чаще всего коренными немцами никаким образом не идентифицируется в таком качестве, либо нередко идентифицируется с противоположным знаком, и даже представляется своеобразным социальным «уродством»[8].

Приезжая в Германию, российские немцы оказываются между двух «социальных зеркал» (под «социальным зеркалом» следует понимать реакцию общества на действия отдельного человека, в соответствии с которой он корректирует собственные нормы поведения и формирует для себя принятые в данном обществе жизненные ценности) – своего, привычного – русского, с одной стороны, и германского, – с другой.

Так, с точки зрения российских немцев человек, который получает «серую» зарплату и не платит налоги, может дать взятку и получить от этого выгоду, позволить себе купить дорогую машину, в то же время, получая социальную помощь, и т.п. действует и выглядит вполне нормально, поскольку этот стереотип поведения и ценностей характерен практически для любого, кто жил в советском и постсоветском обществе. Однако, для типичного немецкого гражданина подобное поведение абсолютно неприемлемо. Т.е., российские немцы, живя в Германии, оказываются в ситуации необходимости выбора той или иной модели социально приемлемого поведения, поскольку нельзя выглядеть красиво одновременно в обоих «зеркала».

При этом многие не стремятся выходить из привычного им постсоветского мира, в котором они в психологическом и социальном плане чувствуют себя более комфортно, иначе им пришлось бы оторваться от сообщества российских немцев в Германии.

В результате, как психологическая компенсация, в сознании формируется крайне негативный образ типичного немца, посредством которого российские немцы объясняют для себя невозможность интеграции в немецкое общество.

Стереотипными чертами такого образа типичного немца выступают такие «национальные черты», как: жадность, прижимистость, недружелюбность, закрытость, педантичность, небогатый внутренний мир (не начитан, не эрудирован, не разделяет традиционные для русских взгляды на семью), излишняя тяга к чистоте, порядку и т.п. Причем часто образ этот формируется людьми с минимальным количеством местных контактов[8].

Справедливости ради нужно отметить, что и коренные немцы не «остаются в долгу». Исследователи отмечают, что, несмотря на в целом нейтральное отношение к русским переселенцам (об этом подробно речь шла в п. 2.3. данной работы), у местного населения также имеет место быть «негативный образ русского немца», сформированный во многом под влиянием материалов СМИ (это образ асоциального типа, склонного к противоправной деятельности, алкоголизму, иждивенчеству и т.п.)[12].

К сожалению, в последние год-два (2014-2015 гг.), в связи с не прекращающейся (в силу известных событий на Украине) антироссийской полемикой в европейских СМИ, негативный образ России (захватчика, агрессора, противника «демократических ценностей»[4. С. 57-60]) неизбежно проецируется рядовыми гражданами Германии на их соотечественников из РФ. Это также препятствует интеграции российских немцев, поскольку в силу их привязанностей к прежней родине, они вынужденно занимают политическую и гражданскую позицию, противоречащую доминирующим настроениям в германском обществе.

Как следствие уже перечисленных проблем и трудностей интеграции, связанных с этнической самоидентификацией, недостаточной языковой компетенцией, культурной неподготовленностью, негативным взаимовосприятием (русскими немцами немцев коренных и наоборот), возникает еще одна немаловажная проблема, состоящая в самоизоляции «русских немцев» в Германии.

Большая часть мигрантов из России и республик бывшего СССР, селится в отдельных районах достаточно замкнутыми группами (сообществами). По разным данным, из 2,5 млн. российских немцев около 2 млн. (или 80 %) живут в Германии в самостоятельно созданных «гетто»[3. С. 54]. Они посещают почти исключительно «русские» магазины, предприятия питания (кафе, бары, рестораны и т.п.) и места развлечения, которые становятся своеобразными островками русскоязычной культуры в Германии, основным языком общения в таких местах – русский. Тем самым российские немцы лишают себя возможности чаще контактировать с коренным населением, затрудняя процесс интеграции.

И, наконец, существенным образом на интеграцию российских немцев влияют проблемы социально-экономического характера, с которыми они неизбежно сталкиваются в Германии. Это, прежде всего, проблемы с поиском достойной работы.

Проблема поиска работы тесным образом связана с недостаточной языковой компетентностью, что снижает конкурентоспособность наших бывших сограждан на германском рынке труда. Помимо этого, поиск работы для мигрантов затрудняется тем, что российские и советские дипломы и прочие документы, подтверждающие профессиональную квалификацию, как правило, не принимаются во внимание потенциальными работодателями или даже государственными органами. Это принуждает российских немцев либо к профессиональному переобучению (в том числе со сменой специальности), либо к получению дополнительного образования в самой Германии. Однако такой путь приемлем для сравнительно небольшого количества российских немцев, главным образом для молодежи и молодых специалистов; люди пожилого и среднего возраста к этому просто неспособны. К тому же государственные программы переподготовки кадров в Германии для мигрантов, финансируемые из бюджета, как правило, не предполагают освоения престижных специальностей, не рассчитаны на получение высшего образования; а учиться на коммерческой основе мигранты не имеют финансовой возможности.

Другой путь (без переобучения и дополнительного образования) наиболее характерен. Он заключается в том, что российские немцы устраиваются на работу, требующую более низкой квалификации (например, врачи часто работают в медицинских учреждениях в качестве среднего персонала – медсестер, и даже низшего – санитаров и т.п.; преподаватели ВУЗов вынуждены работать учителями в школах или воспитателями в детских садах; инженеры – простыми рабочими и т.п.), либо на заведомо не престижную или мало приемлемую для коренных граждан (низший техперсонал учреждений и фирм, мелкие конторские служащие, работы с преобладанием физического труда и т.д.) и соответственно низкооплачиваемую. Мы уже приводили данные о том, что на подобных работах занято до 95 % из числа работающих российских немцев[14. Р. 35].

Работая на низкооплачиваемых должностях, российские немцы не могут в достаточной степени удовлетворять свои материальные потребности, существенно снижается их социальный и имущественный статус. Вследствие этого возникают проблемы жилищно-бытового характера (отсутствие достойного по немецким меркам жилья, личного транспорта и т.д.).

Проанализировав основные проблемы интеграции российских немцев в Германии, нужно сказать и о возможных путях (перспективах) их решения. Глубинный характер отмеченных проблем, их разноплановость (ведь это проблемы этнокультурные, языковые, психологические, социально-экономические), к сожалению, не подразумевает ни единого подхода, ни их быстрого решения. Однако, снизить их остроту вполне возможно и в этом отношении делаются в последнее время серьезные шаги.

Приемлемым для русскоязычных немцев в Германии путем интеграции является включение их в германское общество, при обязательном сохранении культурной самоидентификации. В этом плане целесообразно развитие таких внутренних мигрантских структур, как землячества, общества политической, экономической, социокультурной, образовательной направленности (в их рамках можно более эффективно оказывать поддержку землякам – консультативно-информационную, правовую, педагогическую, психологическую, материальную).

Подобным внутренним структурам российских немцев нужно обеспечить содействие со стороны органов власти, причем не только со стороны ФРГ, но и со стороны правительства РФ.

Действенным способом интеграции российских немцев в Германии может стать «предварительная подготовка» будущих переселенцев в России на базе различных общественных организаций российско-немецкого сотрудничества, например, региональных Центров немецкой культуры, Федеральной национально-культурной автономии «Российские немцы» и др. В программу такой подготовки должны входить пакетные комплексные программы обучения (включающие в себя языковые курсы, курсы профессиональной подготовки, социальной адаптации, историко-традиционные, правовые и т.п.), реализуемые обязательно с участием сертифицированных специалистов из Германии. К сожалению, этот путь возможен только для тех, кто пока еще только планирует эмигрировать в Германию.

Поскольку в Германии фактически существует стабильное русскоязычное сообщество (практически этническая диаспора российских немцев), то необходимо наличие у нее соответствующего «представительского органа».

Пожалуй, такая структура в Германии уже сложилась – это Координационный совет соотечественников. Этот орган создавался по инициативе России при большой внутренней потребности в самом русскоязычном сообществе. Такой орган, как Совет – хороший шанс для решения общих проблем, будь то вопросы интеграции, национальной или культурной идентичности или любые другие. Необходимо в этой связи расширять взаимодействие Координационного совета соотечественников с земельными и федеральными органами власти в ФРГ.

Вместе с тем в Германии постоянно ищут новые варианты решения проблемы интеграции российских немцев. Так уже на протяжении 15 лет (с 2000 г.) реализуется государственный проект, направленный на индивидуальную интеграцию переселенцев. С этой целью в 8 городах Германии между недавно прибывшими российскими немцами и правительством были заключены так называемые «Договоры по интеграции» (всего в программе приняли участие свыше 5 тыс. человек), в которых обе стороны дают обязательства по выполнению определенных пунктов.

Переселенцы обязуются активно интегрироваться в немецкое общество, работать над самообразованием и изучением немецкого языка, а государство – предоставлять переселенцам условия для успешного вхождения в жизнь Германии, а также местного жителя, который помог бы российским немцам пройти первичную адаптацию. В одном из выбранных для эксперимента городов (Реклингхаузене) внедрена также система поощрений, которая дает возможность стимулировать инициативных людей [11. С. 23].

Представляется, что реализация подобных программ индивидуальной интеграции переселенцев – довольно перспективное направление работы. Этот эксперимент следует расширять (как территориально, так массово), привлекая к нему как можно большее количество российских немцев.

Приток мигрантов оказывается существенной нагрузкой для немецкого государства. Однако возрастающие при этом проблемы, стоящие перед немецким социальным государством, большинству исследователей представляются «не столько свидетельствами его несостоятельности или полного краха, сколько подтверждением динамического характера модели социального государства, являясь структурно-имманентным индикатором необходимости гибкости во взаимоотношениях между органами власти и ориентированной на социальную помощь общественностью» [2, С. 90].

В качестве перспективных путей (возможных направлений, методов, программ) для решения проблем и трудностей интеграции российских немцев в германское общество были предложены: дальнейшее развитие внутренних мигрантских структур (землячеств, обществ) политической, экономической, социокультурной, образовательной направленности; реализация программ «предварительной подготовки» будущих переселенцев в России на базе различных общественных организаций российско-немецкого сотрудничества; расширение деятельности в ФРГ Координационного совета соотечественников и других органов, представляющих интересы российских немцев перед органами власти; реализация и расширение государственных программ индивидуальной интеграции переселенцев со стороны правительства ФРГ и земельных органов власти.

Библиографический список:

1. Ангела Меркель заявила о провале мультикультурализма в Германии. – URL.: <http://news.tochka.net/53390-merkel-ne-nuzhny-migranty-bez-znaniy-nemetskogo> (дата обращения 26.04.2016).
2. **Бадалова, Е. В., Морозова, В. Н.** Нормативно-правовая база и практика информационного сопровождения социальной политики ФРГ / Е. В.Бадалова, В. Н.Морозова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия социально-гуманитарные науки. – 2016. – № 1(9). – С. 90-97.
3. **Войлокова, Т. Н.** Русские в Германии – пример успешной интеграции? /Т. Н. Войлокова // Государство и общество. – 2011. – № 2. – С. 54-56.
4. **Дмитриева, С. И., Морозова, В. Н.** От «стратегического партнерства плюс» к «трудному партнерству»: российско-германские отношения в 2000-2015 гг. / С. И.Дмитриева, В. Н. Морозова // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики

в контексте трансформаций международных отношений. Выпуск 6. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2015. – С.50-61.

5. **Еременко, Ю.** Все начинается с правильной интеграции / Ю. Еременко. – URL.: <http://pereformat.ru/2011/08/integraciya/> (дата обращения 26.04.2016).

6. **Морозова, В. Н.** Германский опыт интеграции мигрантов в принимающее общество / В. Н. Морозова, Д. П. Золотарев // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 2(6). – С. 87-92.

7. Переселенцы в зеркале закона о миграции // Контакт. – 2002. – № 7 (177). – С. 22.

8. **Савоскул, М. С.** Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации / М.С.Савоскул // Демоскоп. – 2006. – № 243–244. – URL.: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php> (дата обращения 28.04.2016).

9. **Сарацин, Т.** Германия. Самоликвидация / Т. Сарацин. – М.: Рид Групп, 2012.

10. **Угера, А.** Русские немцы. Как остаться немцем в России? Как стать немцем в Германии? Проблема поиска идентичности на пути интеграции в общество Германии / А. Угера. – URL.: http://www.germany-koeln.net/our_russian/index.php?limit=271 (дата обращения 27.04.2016).

11. **Шнайдер, М.** Интеграция по обязательству / М. Шнайдер // Контакт. – 2001. – №24 (168). – С. 23.

12. **Эйхельберг, Е. А.** Российские немцы в Германии / Е. А. Эйхельберг. – URL.: <http://www.studfiles.ru/preview/3209429> (дата обращения 28.04.2016).

13. **Dietz, B.** Integriert oder isoliert? Zur Situation rußlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland / B. Dietz, P. Hilkes. – München, 2004. – S. 15-17.

14. **Schneider, S.** Die Einstellungswandel in der bundesdeutschen Bevölkerung zur Einwanderungen deutschstaemmiger Aussiedler im Zeitraum zwischen 1988 und 1990. – S. 35.

15. **Wroblewska, A.** Die Integration der Rußlanddeutschen aus Sicht einer Forscherin aus einer Drittkultur / A. Wroblewska // Wanderer und Wanderinnen zwischen zwei Welten? Zur kulturellen Integration russlanddeutscher Aussiedlerinnen und Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland / Hrs. Retterath H.-W. – Freiburg, 2008. – S. 87-88.

УДК 316.472.3

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
Е. А. Волкова.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: volkne@bk.ru.

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
E. A. Volkova
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: volkne@bk.ru.

Е. А. Волкова

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО
В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»**

В статье анализируются социально-исторические воззрения Ф. М. Достоевского, в частности, исследование и оценка российского общества и государства в романе «Идиот». Автор приходит к выводу, что писатель стремился изобразить русский народ единым, примирить классовые, сословные противоречия, представить подобное состояние русского общества как особый исторический путь России. Однако, будучи писателем-реалистом, стремившимся рисовать правду жизни русского народа, писатель постоянно наталкивался на вопиющее несоответствие собственной доктрины реальным картинам российской действительности. Достоевский возлагал вину на создавшееся положение на русскую интеллигенцию.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, интеллигенция, исторические взгляды, история России, реформы.

E. A. Volkova

RUSSIN SOCIETY AND STATE IN THE NOVEL F.M. DOSTOEVSKY "THE IDIOT"

The article analyzes the social and historical views of M F. Dostoevsky, in particular, the study and evaluation of the Russian state and society in the novel "The Idiot. The author concludes that the writer tried to portray Russian people united, to reconcile the class, class contradictions, imagine such a state of Russian society as a special historical path of Russia. However, being a realist writer who sought to draw the truth of life of the Russian people, the writer constantly ran into glaring discrepancy own doctrine of the real picture of Russian reality. Dostoevsky blamed on the situation on the Russian intelligentsia.

Key words: Dostoevsky, intellectuals, historical sights, the history of Russian reforms.

Важным этапом в эволюции социально-исторических воззрений Достоевского стал роман «Идиот», который писатель начал в сентябре 1867 года в Женеве и завершил в январе 1869 года во Флоренции. Роман печатался в журнале «Русский вестник» М.Н. Каткова с января 1868 года. Достоевский поставил перед собой крайне сложную задачу – «изобразить положительно прекрасного человека». В письме племяннице С.А. Ивановой от 1 января 1868 года Достоевский так объяснял свое намерение: «На свете есть только одно положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо. (Все Евангелие Иоанна в этом смысле; он все чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного)» [6. С. 251].

Писатель давно вынашивал план изображения «положительно прекрасного человека», постепенно приближаясь к нему. В письме к А.Н. Майкову от 31 декабря 1867 года Достоевский писал: «Идея эта – *изобразить вполне прекрасного человека*. Труднее того, по моему, быть ничего не может, в наше время особенно. <...> Идея эта и прежде мелькала в некотором художественном образе, но ведь только в *некотором*, а надобен полный» [6. С. 241]. . Писатель откровенно признавался, что «...в целом-то выйдет и совсем недурной роман. Но опять об романе говорю Вам – помешался на нем» [6. С. 244]. Анализу романа «Идиот» посвящена следующая научная литература [3]. В основном исследованием проблематики романа занимались представители филологической науки.

В романе «Идиот» образ «положительно прекрасного человека» в изображении Достоевского противостоял положительным героям произведений революционных демократов, прежде всего героям-революционерам романа Н.Г. Чернышевского «Что делать»? Далекий от революционной борьбы, Достоевский вел поиск своего положительного героя в ином направлении. В том же письме к С.А. Ивановой писатель отмечал: «...Из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон. <...> Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному – а, стало быть, является симпатия и в читателе» [6. С. 251].

Как и в других своих произведениях, в новом романе Достоевский дает критический анализ современной ему российской действительности. Он показывает усиливающуюся власть денег в формировавшейся капиталистической системе. Один из героев – Ганя Иволгин мечтает о богатстве и денежном могуществе, ради которого он готов совершить любой аморальный поступок. «Покровитель» Настасьи Филипповны – «человек высшего света, с высшими связями и необыкновенного богатства» Афанасий Иванович Тоцкий олицетворяет отживавший мир помещиков-крепостников, измерявших людей по степени их финансового состояния. Большинство образов в романе являются типичными представителями того общества, в котором жил сам Достоевский.

Главным героем романа «Идиот» является князь Лев Николаевич Мышкин (случайно ли имя-отчество героя совпадают с именем-отчеством Льва Николаевича Толстого). Князь происходил из древнего рода. Это имя действительно встречается в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

Достоевский на протяжении многих лет вел поиск идеального, «положительно прекрасного человека», лишённого свойственных человечеству пороков и недостатков. Князь настолько идеален, что всегда говорит правду, за что нередко страдает. Он открыт, кроток, незлобив, миролюбив. Писатель, очевидно, хотел отразить в образе князя те идеальные нравственные черты, к которым сам стремился.

Мышкин весьма сложен и противоречив. В нем в общих чертах отразилась тоска русского грешника (Достоевский) по святости (Мышкин). Миссия Мышкина – спасение человечества. Достоевский также был своеобразным мыслителем-спасителем русского народа. Причины неурядиц, брожения в российском обществе Достоевский видел в нравственном расстройстве, отсутствии у народа общей нравственной цели и идеала. Своим романом писатель как будто исповедуется перед русским народом.

Мышкин стал пределом погружения Достоевского в душу идеального человека. В последующем писатель не выходил на такую глубину в исследовании положительного человека. Даже Алеша Карамазов – высоконравственный, верующий православный человек, не был столь нравственно идеален.

Князь Мышкин вырос без родителей – на природе, среди детей. И сам он по характеру своему невинен и чист, как ребенок. Его светлая душа, не омраченная страстями и пороками, сходна с детской душой. Писатель постоянно сравнивает своего героя с ребенком. В подготовительных материалах к роману Достоевский писал: «Отверженный с детства сын, Идиот страсть к детям получил. Везде у него дети» [2. С. 202].

На протяжении повествования князь стремительно взрослеет. «Если бы кто теперь взглянул на него из прежде знавших его полгода назад в Петербурге, в его первый приезд, то, пожалуй бы, и заключил, что он наружностью переменялся гораздо к лучшему. Но вряд ли это было так. В одной одежде была полная перемена: все платье было другое, сшитое в Москве и хорошим портным; но и платье был недостаток: слишком уж сшито было по моде...» [6. С. 158].

Мышкин получил богатое наследство от дальнего родственника. Но богатство не изменило его личность – натура осталась прежней. Он по-прежнему раним и чувствителен ко всем социальным явлениям жизни.

Мышкин, в конечном счете, должен погибнуть. Он не может жить в обществе, лишенном справедливости, правды, честности, добродетели, в обители порока и греха. Князь слишком открыт, искренен, не защищен от окружающих, которые тайно и иной раз и явно смеются над простоватым, искренним человеком. Сам князь признается: «С людьми мне будет, может быть, скучно и тяжело» [6. С. 64].

Не только люди, окружавшая князя социальная атмосфера, но и вся российская действительность пагубно влияли на него. «Россия действовала на него постепенно. Прозрения его», – указывал писатель в подготовительных материалах к роману [2. С. 242]. После спокойной, тихой Швейцарии Мышкин оказался в динамичной, бурлящей России, идущей по пути коренных преобразований всех сторон общественной жизни. «Князь только *прикоснулся* к их жизни. Но *то*, что бы он мог сделать и предпринять, то всё умерло с ним» [4. С. 242].

Столкновение с действительностью привело князя к резкому обострению болезни. «Идиот видит все бедствия. Бессилие помочь. Цель и надежда. Сделать немного. Ясная смерть», – так записывал Достоевский в подготовительных материалах к роману [1. С. 241]. Тонкая, ранимая натура Мышкина не выдержала выпавших на его долю суровых испытаний. «Князь сидел подле него (Рогожина. – Авт.) неподвижно на подстилке и тихо, каждый раз при взрывах крика или бреда больного, спешил провести дрожащей рукой по его волосам и щекам, как бы лаская и унимая его. Но он уже ничего не понимал, о чем его спрашивали, и не узнавал вошедших и окружавших его людей» [4. С. 507].

Писатель наделил Мышкина слабым здоровьем, по всей видимости, он, как и сам Достоевский, страдал припадками эпилепсии. Лечившись четыре года у доктора в Швейцарии, князь приехал в Россию относительно здоровым человеком. «Я прежде действительно был так нездоров, что и в самом деле был почти идиот; но теперь я давно уже выздоровел, и потому мне несколько неприятно, когда меня называют идиотом в глаза» [2. С. 275].

Однако духовно, нравственно князь гораздо здоровее других людей, он здоровый среди нравственно больных. В этом аспекте состоит двойственность Мышкина. С одной стороны, он – «князь Христос» – идеальный человек. С другой стороны, он эпилептик – подвержен падучей болезни, бреду, по сути дьявольской болезни. «Затем вдруг как бы что-то разверзлось пред ним: необычайный *внутренний* свет озарил его душу. Это мгновение продолжалось, может быть, полсекунды; но он, однако же, ясно и сознательно помнил начало, самый первый звук своего страшного вопля, который вырвался из груди его сам собой и который никакою силой он не мог остановить. Затем сознание его угасло мгновенно и наступил полный мрак. С ним случился припадок эпилепсии...» [4. С. 195]. Святость в князе сочетается с телесным злом и порождает неразрешимое диалектическое противоречие, в котором противоположности соединяются, притягиваются.

Достоевский в романе поставил тему юродства. Юродивые на Руси были особо почитаемыми святыми, к ним даже правители относились с вниманием и осторожностью как к избранным Богом. Тема юродства звучит с самого начала – во время разговора Мышкина с Рогожиным в вагоне поезда. «...Совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких, как ты, бог любит!», – говорил Рогожин, обращаясь к князю [4. С. 14]. Само слово «юродивый», по подсчетам К. Степаняна, писатель использовал три раза, а «безумный» – свыше ста раз [4].

Нам представляется, что образ князя Мышкина для пореформенной России нетипичен – слишком положителен, идеален. Не случайно сам Достоевский в письме к Н.Н. Страхову от 26 февраля 1869 года называл этот образ «фантастичным» [3. С. 19]. Основной сюжет романа разворачивается в четырехугольнике: князь Мышкин – Рогожин – Настасья

Филипповна – Аглая. Повествование романа начинается с встречи Мышкина с Рогожиным в поезде. Оба героя едут из Европы в Россию. Будучи в Европе, Мышкин мечтал о России. Россия в романе противопоставляется Европе, а Европа определяется через Швейцарию. В Швейцарии Мышкин проходил лечение у доктора Шнейдера (Шнейдер – отнем. Schneider – портной, либо глагола schneiden– отрезать, резать). Швейцарский доктор, по всей вероятности, в переносном смысле разрезал князя на части, урезал его целостную положительную натуру. Туда же, в Швейцарию князь вернулся неизлечимо больным в конце романа – в Заключении.

Швейцария – даже не европейская страна, а место пребывания героя часто упоминается в романе «Идиот» в отличие от «Преступления и наказания», где Достоевский назвал Швейцарию лишь единожды и абстрактно. Туда наряду с Америкой собирался уехать Свидригайлов. Но это намерение не отличалось конкретностью.

Двойственность общественного и внутреннего состояния свойственна не только Мышкину, но и Настасье Филипповне. «На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худа лицом, может быть, и бледна...» [4. С. 27].

Молодая женщина в начале повествования находится на содержании богатого купца Афанасия Ивановича Тоцкого. Наделенная умом, красотой, героиня стремится к нравственной чистоте, несмотря на обвинения общества в аморальности. Стремление к новой жизни Настасьи Филипповны подорвано унижениями ее юности. Двойственность ее коренится в диалектике следующего типа: «беспорядок и красота (жертва судьбы)» (9, 280). Она мечется между нравственно безупречным князем Мышкиным (гармония), в котором она видит свое спасение, и миллионером Рогожиным (беспорядок), в котором коренится ее гибель.

Тема красоты (гармонии) и хаоса (беспорядка) мучила писателя на протяжении всей его творческой жизни. «Красоту трудно судить... Красота – загадка» [4. С. 66]. «Такая красота – сила<...> С этакой красотой можно мир перевернуть!» - говорит о Настасье Филипповне средняя дочь генерала Епанчина Аделаида [4. С. 69]. Красота часто спасает женщину, помогает ей в определенных жизненных ситуациях, но она же может ее погубить, что и случилось с Настасьей Филипповной.

Настасья Филипповна – сильная натура. Ее сила и воля проявилась в сцене с сжиганием 100 тысяч рублей рогожинских денег – огромной по тем временам суммы. Настасья Филипповна «схватила каминные щипцы, разгребла два тлевшие полена и, чуть только вспыхнул огонь, бросила на него пачку. Крик раздался кругом; многие даже перекрестились» [4. С. 145]. В этот сильной по накалу сцене, когда люди, видя горящие ассигнации, доходят до умопомрачения (с Ганей сделался нервный припадок), Достоевский запечатлел отношение к богатству. Женщина преодолела страсть к наживе, оказалась выше денежного соблазна.

Настасья Филипповна в то же время – «малое дитя» [4. С. 476]. Несмотря на ее неодолимое желание, ей не удалось вырваться из круга жизненных испытаний. Она стала трагической жертвой страсти. Достоевский считал, что он точно выписал образ этой женщины. «В совершенную верность характера Настасьи Филипповны я, впрочем, до сих пор верю», - отмечал он в письме к А.Н. Майкову из Женевы от 21-22 марта 1868 г. [6. С. 283].

В романе Достоевский задал вечные вопросы, на грани жизни и смерти, но все-таки ближе к смерти. Тема смерти, чаще всего насильственной, подробное ее описание характерна для каждого романа писателя. Гибнут разные люди, в самых разных обстоятельствах.

Сложным характером отличается Парфен Семенович Рогожин. «Один из них был небольшого роста, лет двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, с серыми маленькими, но огненными глазами. Нос его был широк и сплюснут, лицо скулистое; тонкие губы беспрерывно складывались в какую-то наглую, насмешливую и даже злую улыбку; но лоб его был высок и хорошо сформирован и скрашивал неблагородно развитую нижнюю часть лица. Особенно приметна была в этом лице его мертвая бледность, придававшая всей физиономии молодого человека изможденный вид, несмотря на довольно крепкое сложение, и вместе с тем что-то страстное, до страдания, не гармонизировавшее с нахальной и грубой улыбкой и с резким, самодовольным его взглядом» [4. С. 5].

Сложным, нередко непредсказуемым, является поведение Рогожина в обществе. Он богат, не скуп, расточителен в удовлетворении собственных прихотей. Однако богатство его часто расходуется на неблагоприятные поступки. Как рок давит на него любовь-страсть к Настасье Филипповне. Он сгорает в этой неумемной страсти, не может с ней справиться, подчинить своей воле, богатству. Вот в этом и состоит сила женской красоты, которая, в конечном счете, погубила их обоих.

Достоевский постоянно подчеркивает тяжелый, мрачный характер Рогожина. Сходно с характером описание его родительского дома в Петербурге, который писатель называет «скучным». «Дом этот был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры, цвета грязно-зеленого <...> Лестница была темная, каменная, грубого устройства, а стены ее окрашены красною краской» [4. С. 170]).

Аглая – один из главных женских образов романа, противостоящий Настасье Филипповне. Аглая – младшая, 20-летняя дочь генерала Ивана Федоровича Епанчина. Она, по словам писателя, «бесспорная красавица», но красота ее отлична от красоты Настасьи Филипповны. Обе женщины – антиподы. Они по-женски ненавидят друг друга как соперницы. По словам Настасьи Филипповны, Аглая – «чистенькая». Аглая – наследница богатого состояния. Но она на протяжении всего романа так и не определила свою судьбу. В конечном счете, она вышла замуж за польского графа-эмигранта против желания своих родителей, который оказался вовсе не графом, а темной личностью. Аглая под его влиянием попала в католическое исповедание и стала членом какого-то заграничного комитета по восстановлению Польши [4. С. 509] .

Достоевский чрезвычайно быстро откликался на злободневные события российской общественной жизни второй половины 1860-х годов: земская реформа 1864 года, вызвавшая к жизни новые учреждения местного самоуправления. Особенно интересовала Достоевского новая судебная система как следствие судебной реформы 1864 года – суд присяжных, адвокатура, гласность, состязательность и открытость судопроизводства; проблема смертной казни. Писатель внимательно следил за процессом развития капитализма и порождаемыми им явлениями. Эти темы становились предметом обсуждений героев его произведений.

Находясь во время написания романа «Идиот» за границей, Достоевский понимал значение проводимых императором Александром II преобразований и стал окончательным монархистом. «У нас если кто сделал что-нибудь, то, конечно, один только он (да и не за это одно, а просто потому, что он царь, излюбленный народом русским, и лично потому, что царь. У нас народ всякому царю нашему отдавал и отдает любовь свою и в него единственно окончательно верит. Для народа – это таинство, священство, миропомазание)», - отмечал он в письме к А.Н. Майкову от 21-22 марта 1868 года [6. С. 281] . И далее продолжал: «А нашему, а Александру дай Бог жить-поживать еще хоть сорок лет. Он чуть ли не больше всех своих предшественников, вместе взятых, для России сделал. А главное то, что его так любят. На этой *опоре* все русское движение теперь, все перерождение основано, и только на ней» [6. С. 282]

Монархические идеи Достоевского во второй половине 1860-х годов стали неотъемлемой частью его социально-исторических воззрений, основой подходов и оценок к происходившим в стране и за ее пределами событиям.

В романе «Идиот» нашла отражение проблема социального времени. Мышкин рассказывает об ощущениях узника накануне смертной казни. «Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие; оторваться не мог от лучей; ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольется с ними... Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны... «Что если бы не умирать! Что если бы воротить жизнь, – какая бесконечность! И все это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!» Он говорил, что эта мысль у него, наконец, в такую злобу переродилась, что ему уж хотелось, чтобы его поскорей застрелили» [4. С. 52].

Эти ощущения были свойственны самому Достоевскому, когда он в группе осужденных петрашевцев ожидал смертной казни на Семеновском плацу Петербурга в декабре 1849 года. В последний момент по высшему приказу казнь была заменена сибирской каторгой [1].

В ряде эпизодов романа представлена идейная полемика Достоевского с представителями революционной демократии. Карикатурное изображение идейных противников связано с образами «ложного сына Павлищева» Бурдовского и его друзей-нигилистов. Достоевский дает отталкивающий портрет Бурдовского. «Это был молодой человек, бедно и неряшливо одетый, в сюртуке с засаленными до зеркального лоску рукавами, с жирною, застегнутою доверху жилеткой, с исчезнувшим куда-то бельем, с черным шелковым замасленным донельзя и скатанным в жгут шарфом, с невымытыми руками, с чрезвычайно угреватым лицом, белокурый и, если можно так выразиться, с невинно-нахальным взглядом» [4. С. 215]. Под стать ему и его товарищи – Докторенко, Келлер, Терентьев.

Нередко говорят, что Достоевский современен. В этом нет сомнения. За этой фразой – огромное влияние писателя на общественные процессы. Мыслитель по силе и масштабам своего влияния на исторические события находится вне времени и пространства. Его пророчества поэтому часто сбывались. В романе «Идиот» Достоевский впервые в своих художественных сочинениях, полемизируя с либералами, обратился к важной для него теме – роли и месту России в цивилизационных процессах того времени. «Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё» [4. С. 277].

В письме к А.Н. Майкову от 18 февраля 1868 года из Женевы Достоевский резко критиковал ставших на путь идеализации Европы русских либералов за принижение ими роли России и славянства. «Наш либерал не может не быть в то же самое время закоренелым врагом России и сознательным» [6. С. 258]. В состоянии эмоционального накала он причислял к либералам и В.Г. Белинского, которого рассматривал как «врага отечества сознательного» и «ретрограда» [6. С. 259]. Бесспорно, ни тем, ни другим Белинский не был.

В последующих произведениях, особенно в «Дневнике писателя», Достоевский многократно возвращался к теме России, изучал ее в разных аспектах и взаимосвязях.

Библиографический список

1. **Волгин, И. Л.** Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 года / И.Л. Волгин.- М.: Либерия, 2000.

2. **Нечаева, В. С.** Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время»: 1861-1863 / В.С. Нецаева.- С.288-313.
3. **Померанц, Г. М.** Князь Мышкин / Г.М. Померанц // Померанц Г.М. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. - М.: Советский писатель, 1990.- С.255-301; Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения: Сборник работ отечественных и зарубежных ученых / Ред. Т.А. Касаткина.- М.: Наследие, 2001; Сальникова О.М. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: проблема веры и неверия в морально-нравственных позициях героев / О.М. Сальникова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2006; Щетинин Р.Б. Диалог античной и христианской традиций в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / Р.Б. Щетинин: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Томск, 2009; Баталова А.Н. Образ князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: проблема реально-исторических прототипов / А.Н. Баталова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Екатеринбург, 2013, и др.
4. **Степанян, К.** Юродство и безумие, страсть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» / К. Степанян // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения: Сборник работ отечественных и зарубежных ученых / Ред. Т.А. Касаткина.- С.138..
5. Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза / под ред. Г.К. Щенникова и Р.Г. Назирова.- Екатеринбург: Издательство Уральского ун-та, 1991.- С.163
6. **Туниманов, В. А.** Творчество Достоевского (1854-1862) / В.А. Туниманов.- Л.: Наука, 1980.- С.171.

УДК 930 (2)

*Воронежский государственный университет
Доктор исторических наук, доцент кафедры
регионоведения и экономики зарубежных стран
М. В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 239-29-31
e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
Doctor of History, Associate Professor of Department
of Regional Studies and Foreign Countries
Economics, Maksym V Kirchanov
Voronezh, Russia,
tel. (473) 239-29-31
e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com*

М. В. Кирчанов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДОНЕЗИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА 1970-Х ГОДОВ

В статье рассматривается развитие индонезийских штудий в американской историографии в начале 1970-х годов. Автор анализирует первый в США специализированный журнал «Indonesia», сфокусированный на изучение индонезийской истории, политики и экономики. Автор статьи приходит к выводу, что развитие индонезийских штудий имело междисциплинарный характер.

Ключевые слова: востоковедение, Индонезия, индонезийские исследования, историография, научные сообщества

M. V. Kirchanov

POLITICAL AND SOCIO-CULTURAL STUDIES OF INDONESIA IN AMERICAN HISTORIOGRAPHY IN THE EARLY 1970S

The article examines the development of Indonesian Studies in American historiography in the early 1970s. The author analyzes the first specialized American journal «Indonesia» that was focused on studies of Indonesian history, politics and economics. The author concludes that development of Indonesian Studies has interdisciplinary character.

Key words: Oriental studies, Indonesia, Indonesian studies, historiography, academic community

Повестка дня 1970-х годов. В начале 1970-х годов в развитии американских индонезийских штудий, в том числе в истории ведущего американского специализированного индонезиеведческого издания, журнала «Indonesia», наступил качественно новый этап. Период становления, который пришелся на вторую половину 1960-х годов и совпал с важными политическими процессами в Индонезии (свержение Сукарно, приход к власти Сухарто, становление политической системы и режима, экономической, национальной и региональной политики «нового порядка»), оказался позади, а 1970-е годы открыли перед журналом «Indonesia» качественно новые перспективы развития и роста.

К концу 1960-х – началу 1970-х годов журнал «Indonesia» превратился не только в единственное специализированное англоязычное издание, посвященное Индонезии, ее истории, языкам, культуре, политике и экономике, но и успел стать международным проектом, открытым для американских, австралийских, индонезийских и других исследователей Индонезии.

Особое внимание в 1970-е годы «Indonesia» уделяла популяризации трудов, посвященных Индонезии, изданных как в США, так и за их пределами. Например, во втором номере 1970 года была представлена избранная библиография научных публикаций, посвященных Индонезии и изданных в 1969 году [11]. Составляя подобные библиографические списки, редакторы журнала проявили свою склонность к международному сотрудничеству в сфере изучения Индонезии, в частности – в список были включены три публикации на чешском языке, написанные исследователями из ЧССР. Кроме этого в опубликованный список попало 26 публикаций советских востоковедов, список работ которых оказался сопоставим с тем, что в 1969 году было опубликовано самими американскими индонезиеведами. В тематическом и содержательном плане «Indonesia» в 1970-е годы продолжила традиции второй половины 1960-х годов. Журнал продолжал развиваться как междисциплинарный проект, сосредоточенный на изучении политики, экономики, социологии, истории, культуры, литературы в индонезийском контексте.

Культурно-антропологические штудии. На протяжении 1970-х годов «Indonesia» уделяла особое внимание изучению социально-экономической и культурной компоненты в процессах политической и экономической модернизации в Индонезии. Поэтому обращение к феномену алирана было совершенно естественным и неизбежным. Среди исследователей алирана был Доналд Хиндли [5]. Само явление «алирана» Д. Хиндли связывал с теми специфическими чертами, которые возникли в политической и социально-экономической системе Индонезии после обретения независимости. По мнению Д. Хиндли, националистическое движение, которое и боролось за независимость, оказалось не в состоянии выдвинуть партию, которая монопольно претендовала бы на политическое лидерство. С другой стороны, значительная фрагментация политического пространства и общая социально-экономическая и культурная гетерогенность привели к тому, что в Индонезии более действенными и эффективными оказались не формальные, привнесенные из Европы, политические институты (например, партии), а, наоборот, местные и региональные, нередко неформальные или не в значительной степени формализованные, существующие параллельно и одновременно с государственными институтами, социокультурные отношения и связанные с ними группы, которые в историографии и известны как алиран. По мнению Д. Хиндли, функционирование алирана как некой неформальной и альтернативной системы было связано с существовавшими в индонезийском обществе различными точками зрения на процессы социальных и экономических перемен, то есть было связано с принятием или отторжением нового. Д. Хиндли полагал, что алиран относился к числу чрезвычайно устойчивых явлений и, по его мнению, он практически не изменился к началу 1970-х годов по сравнению с теми формами, в которых существовал, например, во второй половине 1940-х годов. Ситуация с формальными и неформальными элементами в рамках алирана, по мнению Д. Хиндли, в значительной степени осложнялась религиозной структурой населения Индонезии. Д. Хиндли в начале 1970-х годов не только подчеркивал, что Индонезия формально может быть отнесена к числу наиболее населенных мусульманских стран, но и к государствам, где роль ислама существенно снизилась в результате «столкновения традиционализма и модернизма», вызванного политикой форсированной модернизации и ускоренного знакомства с западными политическими ценностями. Поэтому, по Д. Хиндли, только 40 – 45 % индонезийцев принимали участие в деятельности мусульманских организаций, что формировало еще одно измерение в феномене алирана. Кроме этого, Д. Хиндли подчеркивал, что в рамках алирана возможно выделение традиционного и модернового течений. Первое могло основываться и базироваться на мусульманских или неких других, например, архаичных ценностях в то время как второе имело свои основания в западной культуре, активная экспансия которой в индонезийское культурное пространство началась в 1950-е годы. В подобной ситуации Д. Хиндли указывал на то, что алиран в Индонезии будет существовать в условиях

одновременного сосуществования двух противоположных тенденций – исламизации и модернизации различных сегментов индонезийского общества. Поэтому Д. Хиндли выделял как реформистский, так и традиционно ориентированный алиран. Ситуация, по версии Д. Хиндли, существенно осложнялось тем, что алиран не был сферой доминирования только и исключительно традиционных отношений, но стал той сферой, в которой были вынуждены действовать формально современные политические институты, например, партии.

Правда, Д. Хиндли не полагал, что партии в идеологическом плане основаны на алиране, придерживаясь мнения, что алиран играл большую роль в формировании партийных элит. Кроме этого Д. Хиндли был склонен воспринимать индонезийское общество конца 1960-х – начала 1970-х годов как в значительной степени неоднородное и фрагментированное. Поэтому он был вынужден выделять особые вариации и формы алирана, которые сложились среди менее значительной части индонезийского общества – политиков, интеллектуалов и культурных деятелей, получивших западное образование. К подобной версии алирана, по его мнению, были близки и Вооруженные Силы, которые и пришли к власти в результате переворота 1965 года. События середины 1960-х годов, как полагал Д. Хиндли, лишь в некоторой степени изменили, но не отменили алиран. Анализируя раннюю политику Сухарто, Д. Хиндли предположил, что расправа над индонезийскими коммунистами была ничем иным как фактической актуализацией алирана, в рамках которого, используя формальные и неформальные связи, различные группы индонезийского общества сплотились вокруг идеи борьбы против коммунизма, что и вылилось в массовые расправы и политически мотивированные убийства. В подобной ситуации, как полагал Д. Хиндли, борьба между Сукарно и Сухарто в 1965 – 1966 годах была конкуренцией различных форм алирана, которые боролись за доминирование в фактически привнесенных с Запада институтах – регулярные Вооруженные силы, государственный аппарат, политические партии и представительные институты. В целом, в начале 1970-х годов Д. Хиндли полагал, что в будущем феномен индонезийского алирана сохранится, но основные траектории его развития и функционирования изменятся – вместо гетерогенных социально-экономических отношений прогнозировалось сужение алирана до отношений между военными элитами и гражданской оппозицией, как двух основных акторов, готовых оспаривать политическую власть.

Другие исследователи на протяжении 1970-х годов также публиковали в журнале «Indonesia» работы, посвященные комплексному анализу социальных и экономических процессов и институтов в контексте политических трансформаций и модернизаций. В центре внимания Теодора Н. Смита были проблемы коррупции и традиционализма в контексте социально-экономических перемен в Индонезии [10]. По мнению Т.Н. Смита, актуальность изучения коррупционных проблем в Индонезии в начале 1970-х годов стимулировалась ростом... антикоррупционных настроений, носителями которых было, например, индонезийское студенчество, которое в январе 1970 года вышло на демонстрации в Джакарте. Несмотря на разгон демонстраций войсками, как полагал Т.Н. Смит, само их проведение стимулировало изучение проблем коррупции и экономической преступности в индонезийской перспективе.

Анализируя проблемы коррупции в Индонезии Т.Н. Смит полагал, что в этой стране в начале 1970-х годов существовали различные виды коррупции, связанные как с получением материальной выгоды государственными служащими, так и с использованием с их стороны административного ресурса. Коррупция, как полагал Т.Н. Смит, стала социально-экономической проблемой в Индонезии только после получения этой страной политической независимости. По мнению Т.Н. Смита, голландская колониальная система в Индонезии практически полностью исключала коррупцию в то время как местная аристократия стремилась узурпировать свое монопольное положение в качестве посредников между колониальными властями и местным населением. В подобной ситуации коррупция в

колониальной Индонезии существовала, но не уровне голландских чиновников, а на уровне местной аристократии, социально-экономические отношения в среде которой Нидерланды даже не пытались изменять и приближать к европейским нормам. Неформальные экономические отношения сохранялись в среде местной политической аристократии, хотя пребывание в качестве колонии в составе Нидерландов, как полагал Т.Н. Смит, в некоторой степени содействовало распространению западных социальных и экономических норм, которые ослабляли местные экономические традиции. Появление коррупции Т.Н. Смит был склонен связывать с ростом национализма и обретением политической независимости, что привело к власти вчерашних лидеров националистического и антиколониального движения, круг которых оказался весьма ограниченным, что создало условия для монополизации политической власти, слияния экономического влияния с доступом к институтам, принимающим и реализующим решения. Т.Н. Смит полагал, что «управляемая демократия», инициированная Сукарно, в значительной степени содействовала росту коррупционных тенденций, так как круг лиц, принимаемых и реализуемых политических и экономических решений, был крайне узким и ограниченным, связанным с несколькими крупнейшими политическими партиями. В целом, анализируя феномен коррупции в Индонезии в начале 1970-х годов Т.Н. Смит воспринимал ее как отрицательное, в большей степени политическое, а не экономическое явление, которое оказывало негативное и деструктивное значение на экономику страны в целом и на политическую систему. Поэтому, по мнению Т.Н. Смита, коррупция, с которой Сухарто боролся только формально, в перспективе могла стать политической проблемой, чреватой появлением новых внутренних вызовов и угроз, которые могут оспорить монопольное положение элит, пришедших к власти в результате военного переворота 1965 года.

Изучение новейшей истории. В 1970-е годы активизировалось изучение проблем актуальной политической истории Индонезии, так как именно в ней американские историки и их зарубежные коллеги оказались склонны искать предпосылки и причины тех процессов и явлений, которые определяли ход истории уже в независимой Индонезии и в конечном счете привели к государственному перевороту 1965 года. Особое внимание на страницах журнала «Indonesia» в 1970-е годы уделялось вопросам новейшей истории Индонезии: в частности, уже в первом выпуске журнала в 1970 году вышел ряд статей, посвященных противоречиям японской оккупации в Индонезии. Значительное внимание журнал «Indonesia» в начале 1970-х годов уделял вопросам японской оккупации, которая стала важным стимулом для активизации национального и освободительного движения, что в некоторой степени предопределили провозглашение Индонезией независимости после завершения второй мировой войны.

В центре внимания работ Мицуо Накамуры была политика японского генерала Имамуры на раннем этапе военной оккупации [8]. Анализируя политику Японии в Индонезии Мицуо Накамура полагал, что в целом она была подчинена общим принципам и целям японской политики в отношении оккупированных территорий. При этом Мицуо Накамура указывал на то, что реализация решений Токио на оккупированных территориях в полном объеме была невозможна и поэтому оккупационные власти, как гражданские, так и военные на местном уровне были вынуждены учитывать региональную и национальную специфику. Другим не менее важным фактором в проведении оккупационной политики, как показывал Мицуо Накамура, были личные качества японского военного и гражданского персонала в Индонезии, которые контактировали с местным населением, в том числе и с политиками, которые после провозглашения независимости стали играть заметную роль в политической жизни страны. Это было связано с лозунгом японской оккупационной администрации об «освобождении» Азии от европейских колонизаторов, но и подобная риторика, по мнению Мицуо Накамуры, могла гарантировать только временное сближение между японскими властями и индонезийскими националистами. Рассматривая специфику

японской политики в оккупированной Индонезии, Мицуо Накамура полагал, что к моменту оккупации Токио не имел четкой стратегии, так как не сталкивался до этого с «индонезийским лобби» подобным, например, бирманскому или малайскому. В установлении контактов с индонезийскими националистами в большей степени преуспели японские научные и журналистские круги, что оказало влияние на оккупационную политику Японии в Индонезии. Поэтому Мицуо Накамура указывал на то, что военная оккупация поставила перед японской администрацией качественно иные задачи чем в других регионах: следовало не только контролировать территорию, но и изучить страну, установив контакты с местными националистами. Мицуо Накамура полагал, что японскую политику в Индонезии не следует идеализировать, так как оккупационная администрация запретила использовать красно-белый флаг, политические индонезийские организации и газеты. При этом подобная политика определялась как «мягкая», что выразилось в активных контактах японского генерала Имамумы с лидерами индонезийских националистов, в том числе – с Сукарно. Фактическое сотрудничество индонезийских националистов с японскими оккупационными властями, по мнению исследователей 1970-х годов, конечно не могло привести Индонезию к независимости, но содействовало политической активизации националистов, которые провозгласили независимость несколько позднее, воспользовавшись поражением Японии и тем вакуумом власти, который сложился до возвращения голландской колониальной администрации.

Изучение интернационализации индонезийского опыта (проблемы истории зарубежных индонезийских сообществ). В 1970-е годы продолжилось изучение индонезийского национализма и идентичностей. В то время как Мицуо Накамура исследовал японскую оккупационную политику, Руперт Локквуд изучал тактики и стратегии индонезийской эмиграции (вызванной японской оккупацией) в Австралии [7]. Руперт Локквуд указывал на то, что после оккупации Индонезии голландская колониальная администрация была вынуждена бежать в Австралию, куда вместе с ней отправился и индонезийский персонал. По мнению Р. Локквуда, значительная часть индонезийцев, которые оказались в Австралии, была настроена антиколониально, но ни австралийские, ни голландские власти не имели другого выхода кроме того, что использовать их в борьбе с Японией. В этом отношении Р. Локквуд полагает, что Австралия, сама вероятно того не понимая и не желая, внесла вклад в подготовку вооруженных сил будущей независимой Индонезии, а попытка направить национально ориентированных индонезийцев в концентрационные лагеря только усилила в их среде националистические настроения. Анализируя историю индонезийского сообщества в Австралии, Р. Локквуд полагал, что она имеет два важных измерения. Первое измерение – индонезийское и представлено участием националистов, которые оказались в Австралии, в подготовке провозглашения независимости Индонезии. Второе измерение – австралийское. По мнению Р. Локквуда, вынужденное пребывание индонезийцев в Австралии вынудило и заставило индонезийское общество иначе взглянуть на те события, которые имели место в Индонезии и в Азии в целом. Р. Локквуд полагал, что именно кратковременное пребывание индонезийцев в Австралии позволило австралийскому обществу не только понять, что такое восточный национализм и антиколониальная революция, но и начать выработку собственной политики относительно тех стран, которым после второй мировой войны предстояло стать независимыми государствами.

В центре исследований историка Крэйга Э. Локкарда в начале 1970-х годов оказались проблемы зарубежных яванских сообществ за пределами Индонезии, которые, по его мнению, явно проигрывали другим проблемам, связанным, например, с историей китайских групп в Индонезии [6]. Анализируя проблемы миграции яванцев за пределы Индонезии, К.Э. Локкард полагал, что тремя внешними центрами притяжения для них являлись Суринам, Новая Каледония и Малайзия. По мнению историка, на протяжении 1947 – 1963 годов

Индонезию покинуло около 250 тысяч яванцев. К.Э. Локкард полагал, что большинство яванцев направлялось в близкую в культурном, языковом и религиозном плане Малайзию, эмиграция на территорию которой носила преимущественно экономический характер, хотя на рынке труда яванцам было сложно конкурировать с выходцами из Индии и Китая. К.Э. Локкард полагал, что эмиграция из Индонезии к началу 1970-х годов была феноменом новым, так как в исторической перспективе Малайзия и Индонезия в значительной степени были близки, а население было подвержено миграции. Поэтому, К.Э. Локкард исходил из того, что яванцам / индонезийцам вне Индонезии в 1970-е годы предстояло стать сообществом или интегрироваться в новые общества, хотя индонезийцы стремились принести с собой уже сложившиеся социально-экономические отношения, что (по К.Э. Локкарду) указывало на значительную роль «культурного консерватизма» в их среде.

Близкая по проблематике тематика характерна была и для публикаций начала 1970-х годов Вилльяма Р. Роффа [9], который анализировал деятельность индонезийцев (преимущественно студентов) в Египте в 1920-е годы. Вилльям Р. Рофф полагал, что студенты были объединены идеями индонезийского национализма, что нашло отражение в издаваемом ими (с 1925 года) журнале «Seruan Azhar». В.Р. Рофф, анализируя деятельность индонезийцев в Египте, указывает, что они оказались в интеллектуальной атмосфере, в которой идеи национализма в сочетании с антиколониализмом начинали играть все более значимую роль. Поэтому, как полагал, В.Р. Рофф индонезийский национализм в 1920-е годы имел не только собственно индонезийские, но и ближневосточные стимулы и предпосылки. Кроме этого В.Р. Рофф указывает и на то, что голландские власти, знакомые с идеями привозимыми индонезийскими студентами, и представители региональных политических элит в Индонезии периодически предпринимали попытки по организации высшего мусульманского образования на территории Индонезии. В целом, согласно В.Р. Роффу, пребывание индонезийцев в Индонезии содействовало определенной политизации и идеологизации молодого поколения, которое пришло в индонезийскую политику в 1920 – 1930-е годы, «пойдя долгой дорогой в направлении независимости».

Изучение индонезийского национализма. В 1970-е годы в рамках индонезийских штудий началось более активное изучение современной партийно-политической истории Индонезии в контексте индонезийского национализма, так как историки пришли к пониманию того, что именно на партиях лежит определенная доля ответственности за то, что произошло в стране в 1965 году. Дж. Элисео Ракамора, например, изучал тактику и стратегию Национальной партии Индонезии (Partai Nasional Indonesia) [3], воспринимая ее как оппортунистскую и консервативную, хотя ранее (вторая половина 1940-х – начало 1950-х) партия имела совершенно другую репутацию и воспринималась как националистическая. Дж. Элисео Ракамора полагал, что идеологическая и политическая трансформация партии стала следствием того, что в середине 1950-х годов руководство оказалось в руках представителей консервативного течения, а сама партия стала жертвой региональной фрагментации. Тем не менее в 1955 году партия смогла получить большинство на выборах, что не стало стимулом для ее трансформации, а наоборот содействовало еще большей консервации, хотя в партии велись дебаты относительно возможного сотрудничества с коммунистами. Кроме этого, как полагал Дж. Элисео Ракамора, 1960-е годы стали периодом роста антисукарновских настроений, что, с одной стороны, привело к отколу от партии части более левоориентированных лидеров и, с другой, не могло не повлиять на идеологию партии, которая идеологически начала сближаться с критиками и оппонентами Сукарно, несмотря на то, что именно он был основателем партии. С другой стороны, Дж. Элисео Ракамора подчеркивал, что идеология партии носила синтетический характер, что не исключало поддержки политики Сукарно со стороны части партийных лидеров и идеологов. Дж. Элисео Ракамора полагал, что стратегическая ошибка партии состояла в том, что ее идеологи неверно оценили роль армии, не заметив усиление ее

авторитета, что в результате привело к военному перевороту, после которого лидеры партии оказались в состоянии проявить «только свою нерешительность». В целом, по мнению Дж. Элисео Ракамора, военный переворот не только повлиял на Национальную партию Индонезии, но и самым радикальным образом изменил все партийно-политическое пространство страны.

Анализируя в 1970-е годы проблемы истории индонезийского национализма, его исследователи особое внимание уделяли проблемам отношения националистов к китайскому сообществу в Индонезии [12]. Лео Сурьядината полагал, что индонезийский национализм в качестве основной цели в первой половине XX века имел создание независимого государства и индонезийской нации (Bangsa Indonesia), но националисты не имели единой программы действий в отношении неиндонезийских сообществ, крупнейшим из которых было китайское. Лео Сурьядината полагает, что китайский национализм возник раньше национального движения в Индонезии и поэтому индонезийский национализм был склонен видеть в нем опасного конкурента. Опасения индонезийских националистов перед китайскими конкурентами стимулировался, как полагает Лео Сурьядината, тем, что китайские националисты развивали и культивировали идеи панкитаизма. Отношения индонезийских националистов к китайцам, по мнению Лео Сурьядината, в значительной мере отягощалось существовавшими в первой четверти XX века антикитайскими мифами и стереотипами. Отношения между индонезийскими националистами и лидерами местного китайского сообщества в 1930-е годы в значительной степени была осложнена тем, что китайцы предприняли попытку создать собственную политическую партию, что, разумеется, не могло найти понимания среди индонезийских националистов. Если ортодоксальные националисты не были склонны на диалог с китайцами, установить контакты с ними стремились индонезийские коммунисты. Поэтому, Лео Сурьядината полагал, что подобная тактика левых стала одной из причин антикоммунистических репрессий, которые имели место после 1965 года.

Предпосылки имагинативного / инвенционнистского поворота.

В междисциплинарном направлении изучения национализма в рамках индонезийских штудий сложилось новое направление, связанное с анализом тех образов Индонезии как Азии и не-Европы, которые сложились в политическом и историческом воображении европейцев на протяжении колониального периода. В этом контексте представляют интерес исследования Марка Диона, посвященные индонезийским образам в португальском контексте [2]. Марк Дион полагал, что формирование образов Суматры в португальском воображении было связано с оформлением имперской идеи и необходимостью интегрировать в ее контекст колониальные образы, которые для начало следовало вообразить, то есть изобрести (invent) таким образом, чтобы они с одной стороны оправдывали саму идею империи, а, с другой, делали легитимным зависимость колоний в силу их неевропейской – азиатской и восточной – природы. Появление подобной проблематики на страницах журнала «Indonesia» свидетельствовало о том, что его редакторы не только придерживались принципов междисциплинарности, но и следовали в русле магистральных тенденций и теорий, которые позднее, на протяжении 1970 – 1980-х годов стали определяющими в развитии гуманитарных исследований на Западе.

Изучение индонезийского ислама. В 1970-е годы были продолжены и исследования политического индонезийского ислама. Особое внимание историков привлекала «Мухаммадия», которая рассматривалась в качестве наиболее крупной, значимой и влиятельной мусульманской организации в Индонезии традиционалистского толка [4]. Рассматривая историю движения, основанного в Индонезии в 1912 году, Ховард Федерспил полагал, что организация из просветительской относительно быстро трансформировалась в политическую, которая отстаивала идеи необходимости реформ и преобразований в исламе, а также повышения социальной ответственности государства. Социальная риторика в

политической программе мусульманской партии возникла в результате общей политизации индонезийского общества и обострения конкуренции с другими светскими движениями, которые были более активны в использовании социальных нарративов. По мнению Х. Федерспила, эту организацию нельзя было отнести к последовательным националистам, так как она на протяжении длительного времени сотрудничала с голландскими колониальными властями, шла с ними на компромисс в обмен на возможность преподавания в колониальных школах богословских мусульманских дисциплин, что, правда, делалось ее учителями в западной манере. Поэтому, «Мухаммадия» оценивалась как преимущественно религиозная, а не политическая и националистическая организация. При этом Х. Федерспил полагал, что отнесение организации к религиозному традиционализму было весьма условным, так как к середине 1930-х годов «Мухаммадия» стала активно использовать модернистскую политическую риторику, в большей степени трансформируясь в партию. Подобным изменениям содействовали дискуссии относительно арабского языка и арабского влияния в исламе: признавая в целом необходимость изучения арабского языка для чтения «Корана» сторонники «Мухаммадии» все же периодически поднимали вопрос и о роли индонезийского языка, что указывало на их постепенный крен в сторону националистов. Поэтому, по мнению Х. Федерспила, то, что в 1955 году теоретики и идеологии партии указали на необходимость *bidah* (изменения) было совершенно естественным и неизбежным. Особое внимание со стороны исследователей Индонезии в начале 1970-х годов привлекала позиция партии, которую она заняла после переворота 1965 года. С одной стороны, было известно, что «Мухаммадия» настаивала на построении в Индонезии государства, основанного на принципах ислама, что, с другой, совершенно не входило в цели Сухарто. Тем не менее, после переворота военные использовали сторонников партии для борьбы с их политическими противниками. Рассматривая в 1970 году перспективы «Мухаммадии» как политической партии Х. Федерспил указывал на то, что она ослаблена и уже не в состоянии ставить под сомнение сложившийся после свержения Сукарно политический режим, что, тем не менее, не мешало ей заниматься популяризацией теории «исламского общества» в то время как о строительстве «исламского государства» ее идеологам пришлось временно забыть.

Изучение региональной проблематики. В 1970-е годы продолжилось изучение региональной проблематики. Например, М.Дж. Адамс изучал проблемы самоидентификации и мифов группы капундук на острове Сумба [1], которое, по мнению исследователя, значительно в экономическом, политическом и социальном плане отличалось от других групп индонезийского общества. Особенность группы капундук состояла в сохранении, например, клановой структуры. М.Дж. Адамс полагал, что в тех группах в Индонезии, которые к началу 1970-х годов сохранили определенные элементы традиционного общества миф играл важную роль в процессе самоидентификации. По его мнению, миф кроме этого самым тесным образом был связан как с идентичностью сообщества в целом, так и его отдельных членов, которые были ответственны за сохранение и передачу мифа другим поколениям. В этой ситуации примечательно и то, что капундук формально были мусульманами, а святой для мусульман город Мекка был интегрирован в их мифологию. М.Дж. Адамс полагал, что на протяжении XX века группа капундук не была в стороне от процессов социальной и экономической модернизации, но ее включение в этот процесс носило вынужденный характер, что было, например, связано с переселением их тех регионов, где она проживала до этого. В целом, по мнению И.Дж. Адамса, капундук были среди тех немногочисленных к началу 1970-х годов групп, которые сохраняли традиционное восприятие истории, добровольно заменяя ее мифом.

Выводы. Журнал «Indonesia» к началу 1970-х годов превратился в ведущее периодическое издание в США, сфокусированное на изучении индонезийской проблематики. Журнал неоднократно предоставлял свои страницы для оригинальных публикаций,

посвященных проблемам истории Индонезии, а также вопросам индонезийской политики, экономики и культуры. Подобная редакторская политика создала условия для качественного прорыва в американском индонезиеведении и последующих достижений в изучении Индонезии, которые имели место на протяжении 1970 – 1980-х годов. К началу 1970-х годов американские специалисты, которые занимались изучением Индонезии, уже успели обрести определенный опыт, а американское научное сообщество смогло выработать первые методологические и теоретические принципы. Изучение Индонезии носило междисциплинарный характер. Особое внимание уделялось проблемам не только изучения истории, экономики и политических процессов, но и различным аспектам культурной и социальной жизни и истории Индонезии. Успехи первых лет и динамичное развитие журнала во второй половине 1960-х и в начале 1970-х годов создали условия для активного развития индонезийских штудий, превратив впоследствии Корнэллский университет в один из ведущих мировых центров изучения Индонезии.

Библиографический список

1. **Adams, M. J.** Myths and Self-Image among the Kapunduk People of Sumba / M. J. Adams // *Indonesia*. – 1970. – October. – P. 81 – 106.
2. **Dion, M.** Sumatra through Portuguese Eyes: Excerpts from João de Barros' *Decadas da Asia* / M. Dion // *Indonesia*. – 1970. – April. – P. 129 – 162.
3. **Eliseo Rocamora, J.** The Partai Nasional Indonesia, 1963 – 1965 / J. Eliseo Rocamora // *Indonesia*. – 1970. – October. – P. 143 – 182.
4. **Federpiel, H.M.** The Muhammadiyah: A Study of an Orthodox Islamic Movement in Indonesia / H.M. Federpiel // *Indonesia*. – 1970. – October. – P. 57 – 79.
5. **Hindley, D.** Alirans and the Fall of the Old Order / D. Hindley // *Indonesia*. – 1970. – April. – P. 23-66
6. **Lockard, C.A.** The Javanese as Emigrant: Observations on the Development of Javanese Settlements Overseas / C.A. Lockard // *Indonesia*. – 1971. – April. – P. 41 – 62.
7. **Lockwood, R.** The Indonesian Exiles in Australia, 1942 – 1947 / R. Lockwood // *Indonesia*. – 1970. – October. – P. 37 – 56.
8. **Mitsuo Nakamura, General Imamura and the Early Period of Japanese Occupation, Mitsuo Nakamura** // *Indonesia*. – 1970. – October. – P. 1 – 26.
9. **Roff, W. R.** Indonesian and Malay Students in Cairo in the 1920's / W.R. Roff // *Indonesia*. – 1970. – April. – P. 73 – 87.
10. **Smith, Th.M.** Corruption, Tradition and Change / Th.M. Smith // *Indonesia*. – 1971. – April. – P. 21 – 40.
11. **Some Recent Publications on Indonesia** // *Indonesia*. – 1970. – October. – P. 209 – 217.
- Suryadinata, L.** Pre-War Indonesian Nationalism and the Peranakan Chinese / L. Suryadinata // *Indonesia*. – 1971. – April. – P. 83 – 94

УДК 323

*Воронежский государственный университет,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
факультета международных отношений В.Н.
Морозова.*

*Россия, г. Воронеж, тел. (473) 224-74-02; e-mail:
morozova@ir.vsu.ru*

*Воронежский государственный университет,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
факультета международных отношений,
С.И. Дмитриева.*

*Россия, г. Воронеж, тел. (473) 224-74-02;
e-mail: dmitrieva_si@ir.vsu.ru*

*Voronezh State University,
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Politics Chair, International
Relations Department
V.N. Morozova.*

*Russia, Voronezh, tel. (473) 224-74-02;
e-mail: morozova@ir.vsu.ru*

*Voronezh State University,
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Politics Chair, International
Relations Department
S.I. Dmitrieva*

*Russia, Voronezh, tel. (473) 224-74-02;
e-mail: dmitrieva_si@ir.vsu.ru*

В. Н. Морозова, С.И. Дмитриева

**СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ГЕРМАНИИ: КРАХ, РАЗРЫВ ИЛИ
ТРАЕКТОРИЯ АДАПТАЦИИ?**

Статья посвящена анализу современного состояния и перспективам немецкого социального государства. Характеризуя основные аспекты критики социальной политики, особое внимание уделяется мерам, предпринимаемым ФРГ для адаптации социальной функции государства к экономической ситуации. Дилемма социального государства рассматривается также сквозь призму возросших миграционных потоков.

Ключевые слова: ФРГ, социальное государство, социальная политика, миграционная ситуация

V. N. Morozova, S. I. Dmitrieva

WELFARE STATE IN GERMANY: CRASH, BREAKDOWN OR ADOPTION PATH?

This article analyzes the current state and prospects of German welfare state. Describing main aspects of criticism of social policy, particular attention is paid to measures taken by the FRG to adapt the social functions of the state for the economic situation. The dilemma of welfare state is also seen through the prism of increased migration flows.

Key words: FRG, social welfare state, social policy, migration situation.

Дискуссии о состоятельности социального государства в ФРГ, составляя существенную часть общественно-политического дискурса объединенной страны, включают в себя целый ряд вопросов, поиск ответов на которые вызывает новый виток дебатов.

Далеко неполный перечень вопросов включает в себя, как правило, такие аспекты, как: исчерпало ли себя социальное государство Германии; требуется ли кардинальный пересмотр основ социальной политики или разрывы и преемственность в социальной политике являются неизменным атрибутом адаптации демократического государства к вызовам времени; каковы перспективы социального государства в Германии; и, наконец, не следует ли признать в границах возможностей альтернативных подходов в современной ФРГ.

Социальное государство ФРГ, позиционируемое изначально едва ли не панацеей от всех вызовов и угроз и признаваемое одной из лучших практик XX века, тем не менее в ходе своего развития не раз подвергалось критике. Чтобы разобраться в сути современных споров, необходимо вернуться в историю.

Модель социального государства ФРГ в своём становлении прошла ряд этапов [1]: от фазы становления в условиях экономического чуда Л. Эрхарда, позволившего преодолеть социально – экономические проблемы послевоенного времени; через второй этап развития и модернизации социального государства, завершившийся экономическим кризисом середины 1970-х гг.; третий период (середина 1970-х гг. – 1990 г.) неоконсервативного инерционного курса Г. Коля, до четвертого этапа кризиса модели социального государства (1998-2013 гг.), усугубившегося негативными последствиями германского объединения и попытками выхода из него, и современного этапа сложной адаптации социального государства к внутри- и внешнеполитическим реалиям (2014 – настоящее время).

Сменяя приоритеты, расширяя категории населения, подлежащие социальной защите, социальная политика отражала не только экономические факторы, но и напрямую зависела от политической платформы правящей коалиции, от господствующих настроений в немецком обществе. В объединенной стране вектор трансформации социальной политики на фоне сохранения ее классических направлений был связан с увеличением статей расходов для интеграции восточных земель в западные, что требовало значительных финансовых затрат. В итоге, как отметил председатель Союза немецкой промышленности Х.О. Хенкель, «германская модель, созданная Л. Эрхардом, изменилась до такой степени, что нуждается не в косметическом, а капитальном ремонте, а до тех пор не может быть примером для подражания [2. С. 175].

Сегодня Германия находится в поиске новых путей развития, которые адекватны качественным переменам в характере труда, а также трансформационным процессам и современным демографическим изменениям.

В настоящее время в Германии, как и прежде, сильны традиции социального государства и доминирует его позитивное восприятие, а многочисленные дебаты, как представляется, обозначают границы критики социальной сферы: критикуя, не следует замалчивать эффективные практики социального государства, альтернативы которым не существует.

Как отмечают немецкие исследователи, «амбивалентность социального государства состоит в том, что, с одной стороны, оно увеличивает свободное пространство граждан, оберегая их от нищеты и социальной неуверенности, снижая их социальную зависимость, с другой стороны, оно усиливает бюрократию. В этих условиях альтернатива социальному государству не только нежелательна, но и политически нереализуема. В связи с этим перед ФРГ стоит задача, чтобы созданная сложнейшая система социальных гарантий и бюрократия, управляющая ею, оставались на службе немецкого общества, препятствуя, чтобы социальные условия, спасающие от бедственного положения одних и дающие им возможность нового старта, не вели к ситуации социального недовольства и ограничений» [3. С. 13].

Ряд исследователей делают акцент на том, что проблемы социального государства тесным образом связаны с экономической ситуацией (в том числе уровнем безработицы, недовольством налоговым бременем), демографическими тенденциями, внутриобщественными факторами и др. В условиях демократического плюрализма, по их мнению, возникшие проблемы функционирования следует расценивать как шанс для обновления социальной демократии, а не как аргумент для прощания с социальным консенсусом [4. С. 11]. То есть, речь должна идти не о демонтаже социального государства, а о векторе развития, учитывающем зарекомендовавшие себя практики из истории социального государства ФРГ.

В соответствии со статьей 20 Основного закона ФРГ 1949 года, Германия является «демократическим и социальным федеративным государством». В статье 28 закреплено, что «Конституционное устройство в землях должно соответствовать принципам республиканского, демократического и социального правового государства» [5].

Социальные законы ФРГ сведены в так называемый Социальный кодекс. В формальном смысле слова речь идет о кодификации социального права. Вступивший в силу еще в 1976 году, он объединяет 12 томов, в которых систематизированы различные социальные льготы и обеспечения [6]. Кодекс регулирует отношения на рынке труда, политику в области занятости населения, меры по охране труда и др. Каждый из томов, по сути, представляет самостоятельный закон. Ряд социальных законов ФРГ, такие, как: Федеральный закон о содействии обучению 1971 года с изменениями 2015 года; Федеральный закон об обеспечении жертв войны 1950 года с изменениями 2015 года, Федеральный закон о дотациях на аренду жилья 1971 года с изменениями 2013 года, Федеральный закон о выплатах для многодетных семей 1966 года с изменениями 2015 года, не вошли в Социальный кодекс Германии, продолжая оставаться самостоятельными нормативно-правовыми актами [7].

Финансовые расходы, потребовавшиеся для интеграции восточных земель в ФРГ после объединения страны, стали проверкой как экономического курса кабинетов Г. Шредера, а затем и А. Меркель, так и модели социального государства в целом.

Часть исследователей считает, что в основе социального государства неоиндустриальной эпохи должен быть баланс между двумя элементами: повышением уровня благосостояния населения как цели государства и способа ее достижения путем функционирования конкурентоспособной экономики страны и инновационной базы, позволяющей обеспечивать социальные гарантии граждан [8. С. 174].

При оценке реформ XXI века в ФРГ (в том числе реформы рынка труда Хартца), как правило, разграничивают экономические и социальные итоги. В целом, значимым результатом реформ представляется формирование четкого представления на государственном уровне, что в созданных условиях отсутствие работы у человека может быть связано только с нежеланием последнего работать, поэтому стимулировать активность человека эффективно в том числе и путем сокращения помощи.

Подвергаясь критике под влиянием сложившейся международной ситуации, реформы пытаются адаптироваться к возникающим вызовам, будь то глобальный экономический кризис или проявления последствий международных конфликтов в виде значительного потока беженцев.

Какие же изменения в социальной политике Германии произошли с 2015 года? Германия исходит из того, что в каждой жизненной фазе все должны иметь шанс для реализации своих индивидуальных возможностей, улучшая шансы на получение образования, общественную активность, интеграцию в общество или на рынок труда.

Изменения на рынке труда к 2015 году выглядели весьма позитивно. В 2014 году работу имели 42,6 млн человек, что на 372 тыс. больше, чем в 2013 году. Большая часть из них были заняты в сфере медицины, торговли, воспитании [9]. Процент безработных в 2014 году опустился до 6,7 (по сравнению с 6,9% 2013 г. и 6,8% 2012 г.) и составил порядка 2,9 млн человек, что является самым низким показателем, начиная с 1991 года [9]. По данным за 2015 год, количество имеющих работу возросло до 43 млн человек [10].

Федеральное министерство труда и социальной работы поставило амбициозную цель – ликвидировать долговременную безработицу. В конце 2014 года министерство запустило программу под девизом «Дать шанс социальной уверенности». Среди всего прочего предусмотрена индивидуальная помощь и увеличение помощи долговременным безработным. Таковыми считаются те, кто не может найти работу более года. Их около миллиона, почти треть от общего числа безработных. Около четверти из них – старше 55

лет, количество безработных моложе 25 лет составляет только 3%. Больше половины безработных не имеют оконченного профессионального образования [11]. Другими препятствиями для трудовой деятельности выступают медицинские показания и недостаточные языковые знания.

С 2015 года данная программа немного трансформировалась, дав начало программе «Новый старт в Германии: вместе – мы – сила!».

Презентуя программу, Министр труда и социальной работы Андреа Нальс отметила: «Сейчас многие люди ищут в Германии убежище от преследования, войны, насилия. Они все бросили у себя на родине в надежде на лучшую жизнь. Мы хотим дать таким людям новый шанс. Равно как и тем, кто долгое время находился без работы. Речь идет о шансе на новый старт. Но попытка нового начала не означает его автоматического достижения. Предстоит длинный путь. Мы готовы предоставить поддержку на данном пути. Но нужно понимать, что путь налагает также и обязательства. Только тот, кто будет владеть немецким языком, сможет остаться. Если человек хочет претендовать на социальную защиту, он должен подчиняться демократическим процедурам. Лишь тот, кто принимает условия, сможет рассчитывать на поддержку немецкого общества и государства» [12].

«Новый старт» предусматривает три направления.

Для беженцев разработаны меры по возможности максимально быстрому вхождению на рынок труда. Путь к «новому началу» базируется на языковых и интеграционных курсах, практике, профессиональной переподготовке.

Новый старт для длительное время безработных лиц (то есть больше года) означает прохождение переподготовки или переквалификации, повышение квалификации, персональную помощь, социальные выплаты на содержание детей, психологическое сопровождение. В рамках данной программы лица, имеющие статус беженца, получают неограниченный доступ на образовательный рынок и рынок труда.

Третье направление нового старта ориентировано для работодателей. Оно исходит из того, что практика является неплохим началом, а после трех месяцев пребывания возможно сдать профессиональный экзамен соответствующим властям. Неработающим длительное время работодатели при трудоустройстве могут не платить первые шесть месяцев обязательный минимум заработной платы, как и не платить его в период трех месяцев практики. В рамках данного направления особый упор делается на убеждение работодателей важности прохождения работниками курсов переподготовки и повышения квалификации [11].

Как отмечает Е.В. Бадалова, «социальная функция образования в ФРГ направлена на расширение доступа к высшему образованию для всех категорий населения» [13. С. 203]. Для трудоустройства молодых людей с миграционным прошлым правительство предусмотрело около 10 000 мест для выпускников институтов 2015-2016 уч. года [11].

С января 2015 года в Германии была введена минимальная оплата труда: 8,5 евро в час. В итоге при 40 часовой рабочей недели работник получает 1473 евро в месяц. Данный закон поставил около 3,7 млн рабочих в ситуацию получения меньшей зарплаты [9]. Цель закона состоит в том, чтобы каждый работник, работающий полную рабочую неделю, мог сам обеспечивать свое существование [9]. При выплате минимальной заработной платы тем не менее существуют исключения: минимальная заработная плата не распространяется на долговременных безработных в течение первых 6 месяцев их работы, а также на молодежь до 18 лет. Последнее связано с опасением, чтобы работа для молодых людей не выглядела более привлекательно, чем получение образования. Аналогично минимальный размер оплаты труда не затрагивает практикантов, проходящих переквалификацию.

Также определено, что если трудовой договор заключен более, чем на год, то до конца 2016 года можно платить меньше 8,5 евро в час. Это относится к сфере сельского хозяйства, садоводства. В парикмахерской сфере минимальный размер оплаты труда был введен еще с

августа 2015 г. В мясной промышленности минимальный размер составил с октября 2015 года 8,6 евро в час. Для разносчиков газет было определено, что с 2015 года они будут получать 75% от минимальной оплаты труда, с 2016 года – 85 %, с 2017 года – 100% [9].

Однако для большинства отраслей Германии введение минимальной заработной платы ничего не изменило, так как в них оплата труда и так составляла более 8,5 евро в час.

В сфере обслуживания установление минимальной оплаты труда призвано не только улучшить само обслуживание, но и повысить удовлетворенность немецкого населения. С января 2015 г. до октября 2017 г. установлены следующие минимальные размеры оплаты: для западной части Германии с 2015 г. – 9,4 евро, с 2016 г. – 9,75 евро, 2017 г. – 10,2 евро; для восточной с 2015 г. – 8,65 евро, с 2016 г. – 9 евро, с 2017 г. – 9,5 евро. Для частных домашних хозяйств минимальный размер оплаты труда не устанавливается [9].

С января 2015 года было увеличено также пособие по безработице на 8 евро, что составило 399 евро в месяц [9]. С января 2016 года пособие по безработице было увеличено до 404 евро [14]. В безработных семьях пособия на родителей-одиночек составляет 404 евро, подростков от 14 до 18 лет – 306 евро, детей от 6 до 14 лет – 270 евро, детей до 6 лет – 237 евро [14].

К 2015 году уже была достигнута цель, увеличить квоту на занятость женщин, а процент работающих пенсионеров возрос до 66,1% в третьем квартале 2014 года [9]. Таким образом, на пять лет раньше Германия явно перевыполнила задачу довести процент занятости до 60 к 2020 году.

Взносы на обязательное медицинское страхование были снижены с 15,5% до 14,6% от всех доходов. В итоге и работник, и работодатели платят в равной доле по 7,3%. До этого времени работник платил 8,2 %. Чтобы медицинские страховые компании могли адаптироваться к понижению процентной ставки, им было разрешено повышать цены с января 2015 г. на медицинские услуги, не входящие в перечень обязательных и в связи с этим оплачиваемых самим работником [9].

С 2015 года размер пенсионных отчислений снизился на 0,2%, опустившись с 18,9% до 18,7% [9], с января 2016 года эти данные не изменились [14].

Взносы по социальному страхованию зависят от уровня доходов. Каждый работник платит фиксированный процент на медицинские страховки, страхование по безработице, пенсионные отчисления. Однако имеется предельная граница отчислений, выше которой работник не обязан платить. На начало 2015 года для пенсионных отчислений и отчислений по страхованию на случай безработицы она составляла около 100 евро на от 5950 до 6050 евро в месяц на Западе и около 200 евро от 5000 до 5200 евро на Востоке. Для медицинской страховки порог составил для всей территории Германии 4125 евро, что на 75 евро больше, чем в 2014 году. Работник обязан иметь медицинскую страховку до доходов в 4575 евро в месяц [9].

Пенсионные выплаты в 2015 году возросли на 1,67% в западной части Германии, 2,53% - в восточных землях. Увеличение затронуло порядка 20 млн пенсионеров [9]. Однако с 2016 года впервые, пенсионеры, выплаты которым превысили необлагаемую налогом сумму, должны будут платить налоги [14].

Начиная с 2012 года, Германия поэтапно повышала пенсионный возраст, с 2015 года он составил 65 лет и 4 месяца, с 2016 года – 65 лет и 5 месяцев. В ближайшие годы планируется новое увеличение пенсионного возраста. Для тех, кто родился позже 1964 года, выход на пенсию произойдет в возрасте 67 лет [15].

С 2015 года произошло улучшение положения людей, нуждающихся в уходе и опеке. Инвалидам 1 группы платят 244 евро, 2 группы – 458 евро, 3 группы – 728 евро в месяц [9].

С 1 января 2015 года обязательными стали электронные страховые медицинские карты. В отличие от предыдущих на них размещено фото владельца и содержится больше

информации: не только, как раньше: ФИО, дата рождения, адрес, но и данные об индивидуальной непереносимости лекарственных препаратов [15].

Произошли изменения в выплатах по уходу за ребенком. Теперь родители должны выбирать между «выплатами по уходу за ребенком» и так называемыми «выплатами плюс». Во втором случае родитель может не 14 месяцев как раньше получать финансовые выплаты, а в два раза больше, то есть 28 месяцев, но выплаты каждый месяц будут в половину меньше. В то же время, родитель, выбравший 14 месяцев поддержки, может использовать свое право на уход за ребенком до 24 месяцев в период между третьим и восьмым годами жизни ребенка [15].

По программе 2015 года «Перспектива вернуться позволит реализовать потенциал» мужчины и женщины, длительное время не работающие в виду семейных обстоятельств, были отнесены к «тихому резерву», что создало возможности для их частичной занятости [15].

Правительство активно приветствует тех работодателей, которые трудоустраивают людей с ограниченными возможностями здоровья. Инклюзивная инициатива получила от правительства на свою реализацию около 140 млн евро [15].

Для предотвращения безудержного роста цен на аренду жилья немецкое государство установило препятствия: цена в округе на схожее жилье не должна отличаться более, чем на 10%. На будущее запланировано, что риэлтерские услуги будут оплачивать не квартиросъемщик, а тот, кто нуждается в услугах маклера [15].

Таким образом, качественные цели Германии в сфере снижения бедности и социального неравенства ориентированы, прежде всего, на такие целевые группы, как дети, молодежь, одинокие родители, лица с миграционным прошлым, люди с ограниченными возможностями здоровья, пожилые. Германия исходит из того, что в каждой жизненной фазе все должны иметь шанс для реализации своих индивидуальных возможностей, улучшая шансы на получение образования, общественную активность, интеграцию в общество или на рынок труда.

Реализация социальной стратегии ФРГ, в рамках которой в 2014-2015 годах было принято значительное количество социальных инициатив, призванных адаптировать социальное государство к вызовам современности, не приводит к ликвидации всех противоречий социального государства, что в принципе невозможно, но существенным образом укрепляет положение демократической страны, выявляя те сферы, которые требуют более существенной адаптации под влиянием таких угроз, как активизация транснациональной террористической деятельности, неконтролируемые миграционные потоки и др.

В перспективе немецкого социального государства представляется неизбежной тенденция нарастания адресной помощи и отхода от гарантии единых с не зависимости от земли государственных услуг для снижения неконтролируемости роста государственных расходов и противодействия иждивенческому поведению. Обратной стороной адресности станет снижение в среднем социальных выплат, будь то пенсионная сфера, получение образования, медицинское страхование. Вместе с тем, базовые принципы социального государства, гарантированные Основным законом, бесспорно, останутся без изменений.

Процессы глобализации в сочетании с трансформацией социально-политических систем привели к качественно новому этапу миграционных процессов, характеризующемуся интенсификацией миграционных потоков и усложнением социальных проблем, вызванных ими. Так, по данным Министерства по делам мигрантов и переселенцев, в 2015 году в Германию прибыло 476 649 беженцев. Только за январь-февраль 2016 года их число достигло 120 642 человека, 51,7% их них – из Сирии; 14,2 % – из Ирака; 10,6% – из Афганистана [16].

Среди социальных проблем, связанных с миграционной ситуацией в Германии, следует выделить комплексную проблему слабой интеграции мигрантов в принимающее общество, социальный раскол в стране, выражающийся, в том числе, в поддержке или неприятии государственной социальной политики в отношении мигрантов, и тесно связанные с ней проблемы обеспечения иммигрантов работой, проблемы нелегальной миграции, проблемы криминализации мигрантов и др. [17].

Современный кризис мультикультурной модели Германии проявляется в сбое социокультурной интеграции иммигрантов; ограниченности немецких институционально-правовых, политических и экономических ресурсов для снятия конфликтной ситуации. В качестве стратегического вектора решения миграционных проблем в Германии представляется трансформация интеграционных механизмов при обязательном сохранении институционально-правовых гарантий социокультурным группам. При решении проблем межкультурного, межэтнического и межконфессионального взаимодействия между иммигрантскими меньшинствами и «национальным большинством» следует учитывать их системный характер.

На фоне значительного увеличения потока беженцев перспективы германской интеграционной модели зависят в том числе и от способности выстраивания отношений между федеральным и земельным уровнями, что позволяет государству эффективно и своевременно реагировать на импульсы «снизу», а, значит, может повысить успешность реализации программ по интеграции мигрантов.

При мощном миграционном потоке у государства остается только один путь – делать ставку на ужесточение интеграционных мер для иммигрантов, о чем свидетельствует согласование правящей коалицией Федерального Интеграционного закона в середине апреля 2016 года.

Среди конкретных мер по снижению социальных проблем в Германии, вызванных миграционной ситуацией, можно выделить: строгое соблюдение антидискриминационного законодательства в трудовой сфере; постоянный мониторинг уровня толерантности в обществе и реализация программ по преодолению ксенофобских настроений; мощное информационное сопровождение государственной социальной политики.

Вернемся к вопросу о будущем немецкого социального государства. Многочисленные дебаты о состоятельности модели социального государства в Германии наталкиваются на еще более спорную тему поиска альтернативных моделей развития.

Как отмечает В.П. Гутник, «соединить социальное государство и рыночную экономику – это попытка найти компромиссный «третий путь» и соединить высокую экономическую эффективность с социальной справедливостью в обществе» [18]. Демократическое государство не может позволить себе отказаться от социальной модели, но, попадая в ловушку постоянного расширения категорий лиц, подлежащих социальной защите, оно вынуждено все больше дифференцировать социальную помощь, нередко сокращая ее размер.

Однако, все обозначенные проблемы, ставшие поводом для критики социального государства, указывают, на наш взгляд, на динамизм модели «социального государства» и необходимости ее постоянной адаптации к меняющимся внутривнутриполитическим и международным реалиям. Подобные перемены свидетельствуют о способности социальной сферы, трансформируясь, не меняться в сути. То есть немецкая социальная система стала самостоятельной реальностью, значительным фактором, реагирующим на интересы различных социальных слоев. В этом плане государство четко осознает, к чему ведет ошибочное определение сфер активности и невнимание к сегментам, требующим на данном этапе активной государственной поддержки. Не следует сбрасывать со счетов и зарекомендовавшие себя эффективные практики Германии. При разработке стратегий социального развития демократических государств представляется полезными такой

германский опыт, как как мощное информационное сопровождение социальной политики, ориентир на индивидуальный мотивационный, креативный, профессиональный и др. потенциал индивидов, поиск баланса между повышением уровня социальной защищенности и пресечением иждивенческих мотивов населения, взаимная ответственность государства и граждан в контексте реализации социальных реформ.

В то же время очевидно, что социальная проблематика на долгие годы будет определять вектор оценки успешности или, наоборот, несостоятельности курса правящей коалиции и вызывать не совсем типичные для прошлых фаз развития социального государства острые политические дебаты внутри самих партий.

Библиографический список

1. Подробнее об этапах см.: **Морозова, М. Р.** Этапы формирования социального государства ФРГ / М.Р. Морозова // Вопросы истории. – 2007. - №4. – С.109-117
2. **Henkel, H. O.** Jetzt oder nie / H.O. Henkel. — Berlin, 2008.
3. Sozialstaat Deutschland – Geschichte und Gegenwart / hg. U. Becker. – Bonn, 2011. – 360 S.
4. Der deutsche Sozialstaat im 20. Jahrhundert / hg. K. Schoenhoven. – Bonn, 2012. – 209 S.
5. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. – (<http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/gg/gesamt.pdf>)
6. Sozialgesetzbuch. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de.html>)
7. **Морозова, В. Н.** Нормативно-правовая база и практика информационного сопровождения социальной политики ФРГ / В.Н. Морозова, Е.В. Бадалова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2016. – № 1 (9). – С. 90-97.
8. **Андреева, Е. А.** Компаративная оценка факторов и условий формирования неоиндустриального государства России и Германии / Е.А. Андреева, М. Дате, А.В. Ратнер // Экономика региона. – 2015. - №1. – С. 169 – 181.
9. Sozialpolitik. Hintergrund: Neues in 2015. – (<http://www.sozialpolitik.com/artikel/hintergrund-neues-2015>)
10. Strategische Sozialberichterstattung 2016: Deutschland // Bundesministerium für Arbeit und Soziales. – (<http://www.bmas.de/DE/Service/Medien/Publikationen/a360-16-strategische-sozialberichterstattung-2016.html>)
11. Bundesministerium für Arbeit und Soziales. – (<http://www.bmas.de/DE/Startseite/start.html>)
12. Bundesministerium für Arbeit und Soziales.: Interviews. – (<http://www.bmas.de/DE/Presse/Interviews/inhalt.html>)
13. Подробнее см.: **Бадалова, Е. В.** Социальное измерение системы высшего образования ФРГ / Е.В. Бадалова // Панорама. – 2014. – № 1-3 (8-10). – С. 203.
14. Sozialpolitik. Hintergrund: Neues in 2016. – (<http://www.sozialpolitik.com/artikel/hintergrund-neues-2016>)
15. Strategische Sozialberichterstattung 2015: Deutschland // Bundesministerium für Arbeit und Soziales. – (<http://www.bmas.de/DE/Service/Medien/Publikationen/strategische-sozialberichterstattung-2015.html>)
16. Aktuelle Zahlen zu Asyl // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. – (www.bamf.de)
17. **Морозова, В. Н.** Германский опыт интеграции мигрантов в принимающее общество / В. Н. Морозова, Д.П. Золотарев // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (6). – С. 87-92.
18. **Гутник, В. П.** Кризис социального государства в Германии / В.П. Гутник. – (<http://ecsocman.hse.ru/text/16210011/>); **Гутник В. П.** Социальное государство: тупик или возможность обновления / В.П. Гутник. – (<http://ecsocman.hse.ru/data/777/679/1219/003Gutnik.pdf>)

УДК 327

*Воронежский государственный
Архитектурно-строительный университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
философии, социологии и истории
А.В. Погорельский.
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 271-50-04
;e-mail: pogorelsky@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil
Engineering
PHD in History, Associate Professor of
Philosophy, Sociology and History Chair
A.V. Pogorelsky.
Russia, Voronezh,
tel. (473) 271-50-04;
e-mail: pogorelsky@mail.ru*

А. В. Погорельский

**ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

В статье рассматриваются отношения Великобритании и Европейского Союза. Особое внимание автор уделяет британо-европейским противоречиям, а также перспективе выхода Великобритании из Европейского союза. Автор статьи делает вывод, что в настоящее время Великобритания осуществляет серьезный пересмотр своих отношений с Европейским союзом, заявляя о готовности выйти из него в случае игнорирования ее требований. Однако, ввиду уступок со стороны Евросоюза, наиболее вероятным вариантом развития событий британское руководство считает сохранение статуса Великобритании как члена ЕС при выполнении ее условий.

Ключевые слова: Европейский Союз, национальные интересы, противоречия, особый статус, референдум.

A. V. Pogorelsky

FEATURES POLICY OF GREAT BRITAIN IN RESPECT TO THE EUROPEAN UNION

The article discusses the relationship of Great Britain and the European Union. Particular attention is paid to British-European contradictions, as well as the prospects of the UK withdraw from the European Union. The author concludes that the United Kingdom is currently implementing a major review of its relations with the European Union, expressing readiness to withdraw from it in the case of ignoring its demands. However, due to concessions from the EU, the British government think that the most likely Britain preserve status as a member of the EU in carrying out its conditions.

Key words: European Union, national interests, the contradictions, the special status, referendum.

Великобритания, несмотря на ряд причин географического, политического и иного характера, достаточно долго придерживалась политики отстраненности от процессов, происходящих на европейском континенте. Однако развитие системы международных отношений после Второй мировой войны, изменения политики в самой Великобритании заставили политическую элиту страны не только пересмотреть свои позиции, но и активно интегрироваться в процесс формирования ЕЭС, оказать существенное влияние на его развитие. В 1973 г. Великобритания становится членом ЕЭС. Наиболее весомым доводом для вступления в ЕЭС было расширение доступа на европейские рынки.

Однако вступая в ЕЭС, британские руководители по-прежнему подчеркивали, что помимо участия в европейской интеграции страна имеет и другие, не менее важные задачи глобального характера. С самого начала пребывания в ЕЭС Великобритания выступила в роли «партнера поневоле». За четверть века она не выдвинула ни одной крупной инициативы, но ей неизменно приходилось принимать то, о чем ранее договаривались другие государства – члены ЕЭС. С приходом к власти в 1979 году консервативного правительства М. Тэтчер в отношениях Великобритании со своими партнерами по ЕЭС возникли глубокие противоречия. М. Тэтчер внесла в отношения с европейскими партнерами

присущие ей жесткость и прагматизм, добиваясь пересмотра невыгодных, по ее мнению, для Великобритании принципов экономического сотрудничества и программы финансирования бюджета Сообщества. В валютно-курсовом механизме европейской валютной системы, который вступил в действие в 1979г., Великобритания занимала особую позицию. В дебатах о целесообразности полного присоединения к европейской валютной системе премьер-министр всегда приводила аргумент, что произойти это должно только в свое время. Во время сессии Европейского Совета в конце июня 1989г. в Мадриде Великобритании пришлось пойти на определенные уступки. Вместе с тем Лондон уклонился от участия в ЕВС, подорвав тем самым способность ЕЭС проводить единую валютно-финансовую политику.

Что касается социальной сферы, то здесь возникла еще более острая ситуация. Британские консерваторы категорически отвергли Социальную хартию и воспротивились включению ее положений в основополагающие договоры, под предлогом того, что это может нанести ущерб эффективности и конкурентоспособности ее экономики.

С большой осторожностью британское правительство отнеслось к процессу объединения двух германских государств и неизбежному присоединению объединенной Германии к «Общему рынку» и Североатлантическому альянсу.

Единственной важной инициативой, с которой Великобритания выступила в этот период стало ее предложение о разработке радикальных мер по развитию единой промышленной политики Сообщества, которая облегчила бы решение хозяйственных задач, считая, что без единой целенаправленной политики в области науки и техники Западная Европа может оказаться в прямой зависимости от своих основных конкурентов на главных направлениях технического прогресса.

С приходом к власти Джона Мейджора участие Великобритании в деятельности структур ЕЭС активизировалось. По мере того, как Великобритания добивалась пересмотра самых невыгодных для нее условий участия в «Общем рынке», она стала выдвигать больше инициатив, направленных на углубление интеграции и свидетельствующих о стратегической заинтересованности страны в сохранении присутствия внутри Сообщества в долгосрочной перспективе.

В 1997г. к власти в Великобритании пришло лейбористское правительство во главе с Энтони Блэром. По своей сущности его политический курс в отношении ЕС не отличался от курса консерваторов. Правительство Э.Блэра по-прежнему подчеркивало ключевую роль государств-наций в современной Европе и категорически отвергало федералистские проекты дальнейшего развития европейской интеграции, в частности проект Европейской конституции. Признавая необходимость большей гибкости в рамках ЕС, оно выступало за сохранение принципа единогласия при утверждении совместных решений в рамках продвинутого сотрудничества. Главными стратегическими задачами внешней политики страны на ближайшие годы стали: завершение создания единого рынка, расширение членского состава Союза, реформа общей сельскохозяйственной политики ЕС, принятие мер по борьбе с безработицей, совершенствование сотрудничества в области внешней политики.

С 1 января 1998г. Великобритания председательствовала в ЕС, и это стало крупной вехой в развитии европейской политики Великобритании. Э. Блэр поставил своей задачей продемонстрировать, что Великобритания является сильным партнером в развитии европейской интеграции, и проявить в рамках ЕС инициативу, чего никогда не удавалось проявить предыдущим правительствам. Его усилия были сосредоточены на разработке новой экономической стратегии ЕС, учреждении Европейского центрального банка и выборах его президента, начале переговоров со странами-кандидатами в НАТО. Будучи председательствующей страной, Великобритания проявляла инициативу и в других областях, таких как занятость, экономический рост, охрана окружающей среды и борьба с

преступностью. Соединенное Королевство выступило также за углубление сотрудничества стран ЕС во внешнеполитической сфере.

Оценивая деятельность Э. Блэра, можно сделать вывод о том, что Британским правительством была проделана значительная работа, особенно в вопросах расширения ЕС и единой европейской валюты. Хотя лейбористское правительство подтвердило принятое консерваторами решение временно воздержаться от участия в Экономическом и Валютном союзе, в этой области произошли заметные изменения.

Подход британского руководства к политической интеграции в Европе за годы членства Великобритании в ЕЭС и Европейском союзе претерпел существенные изменения – от отрицания необходимости участия страны в этом процессе до признания того, что различные элементы политической надстройки интеграционного объединения могут быть использованы в интересах Великобритании. Однако, хотя британское правительство и согласовывало свои действия с партнерами и наднациональными органами Сообщества, во многих случаях оно принимало решения, расходившиеся с общими целями и задачами евростроительства. В частности, Лондон всегда выступал против усиления полномочий таких наднациональных компонентов политической структуры Союза как Комиссия и Парламент за счет ослабления роли его межправительственных органов – Совета министров и Европейского Совета.

Несмотря на то, что многолетний процесс становления единой Европы и определения места в ней Великобритании был сложным и противоречивым, Великобритания все же стала его важной составляющей. Участие в институционализации ЕС позволило Соединенному Королевству стабилизировать свои позиции в Европе и оказывать гораздо большее воздействие на решение глобальных экономических проблем. Существенно изменилось положение Великобритании на международной арене. Перемещение «зоны сосредоточения интересов» в Западную Европу поставило перед Лондоном вопрос о судьбе его «особых отношений» с США. Европейская ориентация политики Лондона, несомненно, уменьшила значение «атлантизма», особенно в экономической сфере.

Позиция Великобритании по отношению к Европейскому союзу подверглась существенному изменению, когда в мае 2010 г. к власти в стране пришло коалиционное правительство консерваторов и либерал-демократов, а пост премьер-министра занял лидер Консервативной партии Великобритании Д. Кэмерон. Во взглядах британской правящей элиты все больше стал нарастать евроскептицизм. С этого времени в британо-европейских отношениях началось обострение противоречий.

В 2011 г. в условиях экономического кризиса в еврозоне в Великобритании усилилось недовольство пребыванием страны в Европейском союзе. Инициативная группа собрала более 100 тыс. подписей в пользу проведения референдума о выходе из Евросоюза. Однако депутаты парламента высказались против всенародного голосования, посчитав, что его проведение несвоевременно.

Подготовка к чрезвычайному саммиту стран еврозоны (август 2011 г.) выявила глубокие различия в подходах стран-членов к борьбе с кризисом. На заседании британского парламента 11 августа министр финансов Великобритании Дж. Осборн стремился оправдать меры коалиционного правительства по резкому сокращению государственных расходов, подчеркивая, что, благодаря этим мерам, страна превращена в «остров надежности» и стабильности в разбушевавшемся финансовом море [1]. В Лондоне не исключали вероятность распада еврозоны и, наряду с некоторыми другими странами ЕС, разрабатывали планы действий на случай чрезвычайной ситуации.

Перспектива единого «экономического правительства» еврозоны категорически не устраивает Великобританию, так как, по существу, отодвигает ее на периферию организации, где она оказывается в компании Польши, Швеции и других не входящих в зону евро стран.

Угроза утраты Великобританией своих позиций в ЕС получила подтверждение на прошедших в Брюсселе 23 и 26 октября 2011 г. саммитах, сделавших реальностью Европу «двух скоростей»: «экономическое ядро» из 17 участников еврозоны и 10 остальных членов ЕС с сокращающейся возможностью влиять на принятие экономических решений. Неприятным для британской стороны стало то, что план экономического спасения Европы разрабатывался без участия стран, не входящих в зону евро, которых попросту попросили удалиться с совещания. О новой расстановке сил в ЕС свидетельствовала открытая полемика между Д. Кэмероном и президентом Франции Н. Саркози 23 октября 2011 г., в ходе которой Н. Саркози решительно отверг претензии Британии на участие в заседаниях представителей стран еврозоны.

Лондон потребовал оградить деятельность британских компаний и банков от финансового контроля со стороны европейских структур. Тревогу Великобритании вызвало сообщение о подготовке Германией плана кардинальной реформы рынка труда Евросоюза и его социальных программ. Британию также не устраивают планы укрепления роли Европарламента, в частности, межинституциональное соглашение об усилении координации действий Совета ЕС, Еврокомиссии и Европарламента в борьбе с кризисом.

Летом 2011г. парламент Британии принял закон о «замке референдума». Согласно этому закону, любой договор, подразумевающий передачу властных полномочий от Великобритании Брюсселю, должен вначале получить одобрение граждан страны на референдуме (под действие закона подпадают переход на евро, участие в создании системы европейского общественного прокурора, устранение контроля на границе, социальная политика, вопросы европейской финансовой и социальной безопасности, внешней политики и безопасности)[2].

Еще одной проблемой, еще более омрачившей отношения Великобритании и ЕС, стала миграционная политика. В 2012 г. Д. Кэмерон, выступая на ежегодной конференции Конфедерации британской промышленности, заявил о необходимости контроля за иммиграцией и о том, что он рассматривает введение «квот» или «ограничений» на въезд в страну из других европейских стран. С точки зрения руководящих органов ЕС, такая политика недопустима, так как Великобритания обязана придерживаться общеевропейской иммиграционной политики. Канцлер Германии А. Меркель неоднократно заявляла, что не пойдет на компромисс в вопросе свободного перемещения, которое она считает одним из основополагающих принципов европейской интеграции. Более того, она дала понять, что готова к нежелательным последствиям, а именно к выходу Великобритании из состава ЕС, если британский премьер-министр введет ограничения на свободу передвижений[3].

Разногласия между Великобританией и партнерами по Евросоюзу проявились по вопросу бюджета ЕС и размера взноса Великобритании.

В ноябре 2014 г. разгорелся скандал из-за требования Еврокомиссии увеличить бюджетный взнос Великобритании на 2,1 млрд. евро. В итоге стороны достигли компромисса, и дополнительный платеж был уменьшен вдвое. В настоящее время ЕС планирует начать новый этап интеграции, предусматривающий разработку единой экономической политики и создание общего экономического правительства стран еврозоны. Великобритания же предпочитает оставить все соответствующие полномочия в компетенции своего парламента.

В феврале 2013 г. премьер-министр Д. Кэмерон предложил провести референдум по выходу из ЕС не позднее 2017 г., если на выборах 2015 г. возглавляемая им Консервативная партия одержит победу. По мнению самого премьера, в интересах Британии остаться в составе ЕС, но при условии реформирования организации.

После победы консерваторов на выборах в парламент в мае 2015 г. Д. Кэмерон подтвердил намерение провести референдум в 2017 г. Конкретной даты он не объявил, но наиболее вероятными сроками проведения назывались май и сентябрь 2017 г[4].

10 ноября 2015 г. премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон направил председателю Европейского совета Д. Туску письмо, содержащее ряд условий, при соблюдении которых страна останется в составе Евросоюза. Предложения Кэмерона по реформе ЕС затрагивают четыре блока тем: экономика, конкурентоспособность, вопросы усиления суверенитета Великобритании и проблемы иммиграции.

В экономической сфере необходимо признать, что евро - не единственная валюта Европейского союза, поэтому страны ЕС за пределами еврозоны не должны быть в невыгодном положении. Великобритания требует гарантий того, что меры по развитию финансового союза не будут применяться к не членам еврозоны, а Великобритании не придется вкладывать в аутсайдеров еврозоны.

В целях повышения конкурентоспособности Великобритания предлагает поставить цель по сокращению бремени чрезмерного регулирования и расширению единого рынка.

В вопросе миграции особо подчеркивается необходимость ужесточения правил доступа мигрантов из других стран ЕС к британским рабочим и социальным гарантиям, предоставляя доступ к пакету благ только по истечении четырех лет с того момента, как мигранты стали резидентами Великобритании.

В рамках расширения своего суверенитета Великобритания настаивает на своем отказе от поддержки одного из ключевых европейских проектов создания тесного союза народов Европы, так как не планирует быть втянутой в процесс дальнейшей политической интеграции. Д. Кэмерон выступает за расширение полномочий национальных парламентов, предоставление им безоговорочного права блокировать законодательство ЕС[5].

Д. Кэмерон подчеркивает, что Великобритания будет препятствовать любым шагам в направлении создания европейской армии, а также он желает освободить британские полицейские силы от вмешательства ЕС. Кроме того, Д. Кэмерон исключает присоединение Великобритании к зоне евро.

Британские консерваторы намерены отменить Акт о правах человека, требующий от британских судов рассмотрения решений Европейского суда по правам человека в качестве правовых прецедентов для Великобритании, в пользу британского Билля о правах. Д. Кэмерон заявляет, что при необходимости он поддержит новый закон, подтверждающий приоритет решений британского парламента над решениями органов ЕС.

Глава Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер заявил, что он готов работать с Д. Кэмероном, чтобы добиться наиболее справедливого статуса Великобритании в ЕС.

19 февраля 2016 г. после двухдневных переговоров в Брюсселе Д. Кэмерон подписал соглашения с 27 лидерами стран ЕС, согласно которым Евросоюз принял большинство требований Великобритании. В частности, были сделаны уступки по миграционным требованиям Лондона. Согласно договору, Великобритания приобретает особый статус в составе ЕС и право не участвовать в более тесных интеграционных проектах объединения. Тем не менее, выполняя свои предвыборные обещания, Д. Кэмерон заявил, что референдум о членстве Великобритании в ЕС, скорее всего, состоится 23 июня 2016 г [6].

Таким образом, в настоящее время Великобритания осуществляет серьезный пересмотр своих отношений с Европейским союзом, заявляя о готовности выйти из него в случае игнорирования ее требований. Однако, ввиду уступок со стороны Евросоюза, наиболее вероятным вариантом развития событий британское руководство считает сохранение статуса Великобритании как члена ЕС при выполнении ее условий.

Библиографический список

1. <http://www.politics.co.uk/comment-analysis/2011/08/11/george-osborne-commons-statement-on-global-ec> (дата обращения: 15.05.2016).

2. Углубление кризиса в отношениях Великобритании и Евросоюза / Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2104#top-content (дата обращения: 15.05.2016).
3. <http://www.scienceforum.ru/2015/1078/13455> (дата обращения: 15.05.2016).
4. The UK's EU referendum: Everything you need to know / BBC News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-32810887> (дата обращения: 15.05.2016).
5. A new settlement for the United Kingdom in a reformed European Union / The UK Government [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/475679/Donald_Tusk_letter.pdf (дата обращения: 16.05.2016).
6. EU deal gives UK special status, says David Cameron / BBC News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-35616768> (дата обращения: 16.05.2016).

УДК 316.3

Институт общественного мнения «Квалитас».
Генеральный директор, доктор социологических наук
Н. А. Романович
Россия, г. Воронеж, тел. (473)251-20-75;
e-mail: nelly@qualitas.ru

Public Opinion Institute «Qualitas».
General Director, Doctor of Sociological Science
N. A. Romanovich
Russia, Voronezh, tel. (473)251-20-75;
e-mail: nelly@qualitas.ru

Н.А. Романович

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЗАКОН В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Специфика отношения населения к закону в России есть своеобразный ключ к пониманию различий в ценностях восточной и западной культуры. Если Запад ориентируется на нормы-конвенции, то Восток живет нормами-традициям. В нормах-конвенциях закон выступает как абсолютная ценность, поскольку является собой основное средство управления общественной жизнью. В нормах-традициях главной движущей силой выступает представление о справедливости. На основании проведенного Институтом общественного мнения «Квалитас» всероссийского исследования в статье приводятся представления россиян о справедливой власти, выявляется отношение россиян к законам и причины недоверия к ним.

Ключевые слова: закон, справедливая власть, общественное мнение, нормы-традиции, нормы-конвенции.

N. A. Romanovich

JUSTICE AND LAW IN THE MIRROR OF PUBLIC OPINION

The specificity of public attitude towards the law in Russia is a kind of key to understanding of differences in eastern and western culture values. Whereas the West is focused on “standards-conventions” (legal regulations), the East lives by “standards-traditions” (norms of behavior). The “standards-conventions” see the law as absolute value, because it is a main public life management tool. The “standards-traditions” are based on the idea of justice as the main driving force. The article contains the results of nationwide study conducted by Public Opinion Institute “Qualitas” which show the Russian idea of just power and reveal the attitude of Russians to the laws and reasons for the distrust of them.

Key words: law, just power, public opinion, “standards-traditions”, “standards-conventions”.

Известно изречение Николая Бердяева о том, что государство существует не для того, чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад. Также и о законе можно сказать, что он не способен водворить в отдельно взятой стране благоденствие, но он способен расставить вехи, удерживающие её от падения в пропасть. Но именно эта недостаточность закона, невозможность въехать на нем в «царство справедливости» зачастую отчуждала и отвращала от закона русских людей, ищущих чего-то большего.

Многие мыслители обращали внимание на то, что русской жизни чужда холодно-рассудочная законность. Например, И.В.Киреевский несомненно одобрительно отмечает, что в древнерусском праве «внутренняя справедливость брала... перевес над внешней формальностью» [1, С.299]. Напротив, в знаменитых римских законах «стройность внешней формальности» доведена до ... изумительного логического совершенства при изумительном тоже отсутствии внутренней справедливости» [1. С. 279].

Ставит под сомнение силу закона И.Л.Солоневич: «Совесть есть то, на чем строится государство. Без совести не помогут никакие законы и никакие уставы» [2. С. 35].

М.А.Волошин воплотил эту мысль в поэтическую форму: «Закона нет – есть только принуждение./ Все преступления создает закон» [3. С. 221].

П.Я.Чаадаев вообще отрицает как идею законности, так и идею права в мировоззренческом арсенале русского народа: «...Идея законности, идея права для русского народа бессмыслица», он, народ, «признает лишь право дарованное и отмечает всякую мысль о праве естественном» [4. С. 200]. И.А. Ильин не склонен отрицать наличие естественного правосознания у русского народа: «Естественное правосознание, подобно совести, присуще в большей или меньшей степени каждому человеку «от природы»... Оно дает и открывает... - иногда смутное, иногда очень отчетливое – представление о *лучшем праве, о духовно верном и справедливом распределении прав* среди людей; и, главное, о той *объективной цели, которой служат право, государство и суд*» [5. С. 253].

Исторически сложившееся отношение к закону в России, по мнению современных исследователей (в частности А.Н. Фатенкова), дает повод сомневаться в том, что высокие ожидания, возлагаемые на формальную юриспруденцию сегодня оправданы. «В лучшем случае они покоятся на недоразумении, на недопонимании близкой и Платону, и Аристотелю идеи, что с влиянием на общественную жизнь отдельных личностей и лично подобными общностей могут тягаться только нормы-традиции, но не нормы-конвенции» [6. С. 161]. Нормы традиции – это нормы, не формализованные в правовых актах, основанные представления населения о справедливости. Представляет интерес проверка этой гипотезы и выявление количества сторонников норм-традиций и норм-конвенций, сторонников решения вопросов «по совести» и по закону. Дихотомия этих двух позиций и позволяет обществу выработать оценки действия власти.

Представления российского населения о справедливой власти и законе были изучены посредством социологического исследования на всероссийской выборке. В конце 2014 года (октябрь-ноябрь) Институт общественного мнения Квалитас провел опрос жителей России (опрос проведен в 65 населенных пунктах 13 субъектов РФ по выборке, репрезентативной для населения страны старше 15 лет, всего опрошено 1459 человек методом личного интервью). В целях обеспечения репрезентативности опроса была использована случайная маршрутная выборка для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент, согласно квотному заданию. Для отбора респондентов были рассчитаны половозрастные квоты, репрезентирующие российское население с учетом региональных особенностей.

Респондентам предлагалось выбрать одно их суждений, соответствующее их представлениям о справедливой власти:

С каким из двух суждений Вы скорее согласитесь?

Таблица 1

Суждение 1			Суждение 2			з/о	
<i>Нормы-традиции</i>	2011	2014	<i>Нормы конвенции</i>	2011	2014	2011	2014
Справедлива та власть, которая поступает по совести, даже если это противоречит закону	34%	33%	Справедлива та власть, которая неукоснительно следует закону	53%	55%	13%	12%

Большинство населения (55%) в 2014 году скорее признает справедливой ту власть, которая неукоснительно следует закону, но каждый третий опрошенный ратует за справедливую власть, поступающую по совести, даже если это противоречит закону (33%). Уважение к закону в данном случае берет верх игнорированием закона, и это должно радовать всех, кто верит в действенную силу законности.

Правда, несколько смущает значительно количество (33%) тех, кто придерживается противоположного мнения. По мере ухудшения материального положения респондентов они всё чаще готовы признать справедливой именно такую власть (от 25% среди самых богатых

до 44,3% среди самых бедных). Справедливость в нормах-традициях зачастую идет вразрез с законом в отличие от норм-конвенций, где справедливость и закон неразделимы.

В нормах-конвенциях закон выступает как *абсолютная ценность*, поскольку является собой основное средство управления общественной жизнью. В сфере социальных взаимодействий регулятором выступают нормы-конвенции. Кто является сторонниками норм-конвенций? Чаще всего это – люди высокообразованные, с аспирантурой за плечами (67%) и богатые респонденты (75%).

Обращает на себя внимание тот факт, что представления о справедливой власти существенно различаются в регионах. Например, сторонники норм-конвенций в этом вопросе в Калининградской области существенно преобладают в своей численности над сторонниками норм-традиций: 85/8. А в Воронежской области, напротив, сторонники традиционных взглядов на власть (которая поступает по совести вне зависимости от закона) держат верх над приверженцами закона: 49/37. Напрашивается объяснение, касающееся расположения и исторической памяти данных регионов. Если Калининградская область всегда считалась «прозападной» и по своему расположению и по вкраплению элементов западной культуры, то российское Черноземье с центром в Воронеже даже получило в свое время название «красного пояса» за количество голосов, отданных Компартии. Но за этими голосами стояла не столько любовь к коммунизму, сколько верность традициям и нежелание разрушать вековые общественные устои.

Но вот если изменить формулировку вопроса, получается совсем другая картина (таблица 2).

Таблица 2

Как Вы считаете, что для России лучше подходит, учитывая её исторические особенности?

Суждение 1			Суждение 2			Затр. отв., %	
<i>Нормы-традиции</i>	2011	2014	<i>Нормы конвенции</i>	2011	2014	2011	2014
Умный, мудрый и честный руководитель	71%	73%	Не важно, кто управляет страной, важно чтобы он соблюдал закон	24%	23%	5%	4%

Если поставить респондентов перед выбором между персонифицированной и деперсонифицированной формой власти, то предпочтение россиян будет вполне очевидно и практически неизменно на протяжении трех лет наблюдения. «Как Вы считаете, что для России лучше подходит, учитывая её исторические особенности?»: «Умный, мудрый и честный руководитель» – 71% в 2011 году и 73% в 2014 году. Из этого следует, что подавляющее большинство жителей страны мыслят власть исключительно в образе конкретного человека, наделенного теми или иными качествами характера, и именно от этих характерных черт его личности зависит, по их мнению, само качество власти. Такой подход в корне противоречит западно-европейскому (деперсонифицированному) образу власти, который описывается изречением: «Не важно, кто управляет страной, важно, чтобы он соблюдал закон». Подобное восприятие власти характерно менее чем для четверти россиян: 24% в 2011 году и 23 % в 2014 году. Ничтожное количество затрудняющихся ответить на этот вопрос (4-5%) свидетельствует, что у народа практически не возникало сомнений в правильности своего выбора, то есть вопрос был понятен и выбор тоже ясен. Умный, мудрый и честный руководитель в глазах российского народа стоит гораздо больше любого самого справедливого закона, если последний обезличен, не подкреплён персональным авторитетом.

Иными словами, нормам-традициям свойственна персонификация образа власти, закон здесь является лишь *относительной ценностью*, а не абсолютной. Персонификация власти способствует девальвации ценности закона в общественном сознании. Законы

российское население зачастую рассматривает как условность, санкционируя их обход. Смена законов в традиционно воспринимается как норма в связи со сменой персоналий во власти («новая метла по-новому метет»). Если правитель харизматичный, то его законы готовы уважать, в то время как отсутствие популярности правителя способствует нивелированию принятых им законов. Обезличенные константы в сфере законодательства не являются безусловной ценностью в России. В социальных взаимодействиях регулятором выступают нормы-традиции, а не нормы-конвенции. Как показывают опросы, свыше 76% (см. таблицу 3) жителей страны считают, что не следует ожидать эффективности от принятия тех законов, которые общество не готово исполнять.

Таблица 3

Согласны ли Вы со следующими мнениями?	Согласен; %		Не согласен; %		Затрудняюсь ответить, %	
	2011 год	2014 год	2011	2014	2011 год	2014
Принятие любых законов неэффективно, пока человек сам не будет готов им следовать	76%	76%	16%	17%	8%	7%

В результате можно наблюдать некоторую борьбу норм-традиций с нормами-конвенциями, борьбу «русской идеи» с формальной законностью.

Эту борьбу можно наблюдать в народном фольклоре, отраженную в пословицах и поговорках, которыми изобилует русский язык. В исследовании 2014 года респондентам предлагалось выбрать одну из двух пословиц в каждой паре, свидетельствующих об отношении к закону (таблица 4).

Таблица 4

Какая из нижеперечисленных пословиц больше соответствует Вашим взглядам?

п/п	<i>Пословицы, направленные на нивелирование закона</i>		<i>Пословицы, направленные на уважение к закону</i>	
	Нужда закона не знает, через него шагает	26%	Закон любить - в мире жить	74%
	Закон – паутина: шмель проскочит, муха увязнет	42%	Не бойся закона, бойся судьи	58%
	Закон, что столб: перешагнуть нельзя, а обойти можно	39%	Держи суд по закону	61%
	Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили	53%	В каком народе живешь, такого закона и держись	47%

Нельзя сказать, чтобы закон, не заслужил народного уважения. Большинство россиян проявили свое почтение к закону, голосуя за такие пословицы, как «Закон любить – в мире жить» (74%), «Не бойся закона, бойся судьи» (58%), «Держи суд по закону» (61%). Но и за пословицу: «Нужда закона не знает, через него шагает» отдали свои голоса 26% опрошенных. Ошибется тот, кто подумает, что в соответствии с половицей это были самые бедные люди, хотя среди респондентов с плохим материальным положением количество сторонников последней половицы действительно вырастает до 29%. Собственно, о чем эта пословица? О том, что бедным закон не писан... Если у тебя нет хлеба, можно украсть, обмануть, решиться на преступление закона. Эта пословица оправдывает нарушителей закона, если они бедны, имеют нужду в чем-либо. И с этим в России готов согласиться каждый четвертый опрошенный.

Другая пословица, с которой согласились уже почти половина опрошенных (42%), свидетельствует о лицепрятности закона: «Закон – паутина: шмель проскочит, муха увязнет».

Не случайно Фемида в древнегреческой мифологии изображалась с закрытыми повязкой глазами. Повязка на глазах символизирует беспристрастность, нелицеприятие закона, иначе он теряет свою суровую справедливость, а люди утрачивают к нему своё уважение. Получается, что почти каждый второй опрошенный в России не верит в беспристрастность закона, а значит, не может его уважать должным образом. Повышение уровня образования способствует укоренению в таком отношении к закону.

Еще одна пословица, также подрывающая уважение к закону, свидетельствует о несовершенстве любого законодательства: «Закон, что столб: перешагнуть нельзя, а обойти можно». О чем это? Во-первых, о том, что не имеет границ человеческая изобретательность в том, как обойти закон законными же способами. В букинистических магазинах никогда не переведутся книжки с названиями типа: «Как уйти от уплаты налогов, не нарушая закона», «Шесть способов не платить налоги» и проч. Иными словами, изощренный нарушитель всегда найдет в законе лазейки, которые позволят ему остаться безнаказанным. А если дело дойдет до суда, в этом ему помогут адвокаты, которые призваны заниматься именно этим. Во-вторых, обойти закон можно и при помощи взятки, если общество коррумпировано. Если к закону неуважительно относятся не только нарушители, но и стражи порядка, то наличие любых самых хороших законов делу не поможет. Так или примерно так мыслят 39% россиян, которые являются сторонниками этой поговорки. В основе таких взглядов лежит скептическое отношение к закону.

А четвертая поговорка, направленная на нивелирование закона, не столько указывает на его недостатки, сколько открывает перспективу лучшей, честной жизни вне зависимости от закона: «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили». И сразу же встречает поддержку большинства населения – 53% (таблица 4). Почему россияне так дружно откликаются на предложение «жить правдой» и ставят его выше законов: «хоть бы все законы пропали...»?

Спор по поводу законов и их роли в общественной жизни восходит ещё к античности. Уже у Платона и Аристотеля можно наблюдать различное отношение к законам. Платон апеллирует к разуму правителя, не полагаясь на законы. По его мнению, справедливый правитель не должен походить на законодателя, постоянно преумножающего законы в надежде положить конец злу, тем самым уподобляясь человеку, рассекающего гидру. Платон призывает не особенно уповать на законы, ибо они либо бесполезны, или «кое-что из них установит всякий, кто бы он ни был, в остальном же они сами собой вытекают из уже ранее имевшихся навыков» [7. С. 197]. Для Аристотеля «предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо из среды граждан» [8. С. 125-126].

Позиция Платона своей устремленностью в мир идеального, своей трансцендентальностью и монотеизмом, во многом предвосхитила положения Нового Завета, опередив свое время. Любовь, - утверждает в своем трактате «Древнегреческая религия» Ф.Ф. Зелинский, - первое и последнее слово философии Платона [9. С. 95]. Аристотель также сделал шаг вперед по отношению к язычеству, устанавливая «власть законов», что соответствовало новаторской для своего времени идеологии Ветхого Завета.

В дальнейшем философия латинского мира приняла позицию Аристотеля, а философия восточной церкви – позицию Платона. На это обращает внимание И.В. Киреевский: «...Почти то же отношение, какое мы замечаем между философами древности (Аристотелем и Платоном) существовало и между философией латинского мира, как она вырабатывалась в схоластике, и тою духовною философией, которую находим в писателях церкви восточной, особенно ясно выраженной в св. отцах, живших после римского отпадения» [1. С. 29]. Учение Платона в большей степени согласуется с византийской верой, тогда как учение Аристотеля – с мировоззрением западного мира.

Как ни далеко от нашего времени отстоит Платон, ученые усматривают связь первого афинского академика с русской идеей. «С момента принятия христианства и по сей день

именно метафизика первого афинского академика по преимуществу обуславливает развитие русской идеи», доказательно заключает, солидализируясь со славянофилами, В.В. Кожин [10. С. 19]. В.В. Кожин поясняет, что российское самобытное мировоззрение, толкуемое европейцами как экзистенциальное, опирается, в отличие от западного, не на аристотельскую, а на платоновскую традицию. Этому мировоззрению соответствует и своеобразие исторической судьбы, и тот уникальный тип правосознания, подпитывающийся не только мыслью, но и всей сферой «бессознательного духовного опыта» [11. С. 243].

В Византии действовало положение римского права: *princens legibus solutus est* - император свободен от всех законов государства. В Василиках (византийском сборнике законодательных постановлений, составленном при Льве VI - «Мудром»), дается этому своеобразное обоснование: «Те, кому поручено от Бога править миром, те стоят выше законов своих подданных» [12. С. 65]. Русь переняла это представление у Византии вместе с православной верой. И само отношение к закону зиждилось на этой вере. Юридические документы, находившиеся в обращении на Руси, свидетельствуют об этом. Царские законы надлежали к исполнению не потому, что они *законы*, а потому, что они *царские*, т.е. персонифицированы с именем царя. Соборное решение, состоявшееся в присутствии царя, считалось окончательным и неизменным, не допускающим апелляции и нового решения, потому что «царское осуждение суду не предлежит и не пресуждается». Таким образом, решение царя – признавалось окончательным. «Единственным источником всякого закона, как государственного, так и церковного, был у нас царь» [13. С. 351]. Закладывалось представление, что один человек в государстве, имеющий право карать и миловать, не подвластен закону, стоит над законом. Поэтому именно к царю чаяли обратиться русские люди, если кто был обижен, как к последней судебной инстанции. И именно царь мог дать такой совет, какой дает Петр Первый: «Не держитесь устава аки стенки. В каждом деле нужно и голову приложить» [14. С. 351]. То есть закона мало, его недостаточно для общественной жизни. С русским царем и с русским поэтом солидарен и русский философ: «Мало закона. Надо видеть живое событие. И далее, надо видеть сквозь закон: 1. Намерение законодателя, и 2. Высшую цель права (свобода, мир, справедливость)» [15. С. 258].

Таким образом, византийская трактовка закона, обусловленная персонификацией образа власти, унаследованная Русью, положена в основу формирования традиционного для России размежевания закона и справедливости. В то же время, латинский мир, отколовшись от восточной Церкви, взял на вооружение деперсонифицированный образ власти, который лег в основу воззрений на справедливость через призму закона, что характерно для Запада. Различия в ценностях восточной и западной культуры как ключом открываются для понимания посредством специфики отношения социума к закону и справедливости.

Библиографический список

1. **Киреевский, И. В.** О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России / Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1998. С. 299.
2. **Солоневич, И. Л.** За тенью Распутина / Солоневич И.Л. Наша страна. XX век. 2001, М., С.35.
3. **Волошин, М. А.** Бунтовщик / Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. 1991, М., С.221.
4. **Чаадаев, П.Я.** Отрывки и афоризмы / Чаадаев П.Я. Сочинения. 1989, М., С.200.
5. **Ильин, И. А.** Путь духовного обновления / Ильин И.А. Сочинения: В 2 т. Т.2. М., 1994. С.253.
6. **Фатенков, А. Н.** Кто должен править: люди или законы, массы или личности? Апология экзистенциальной автократии // ПОЛИС. 2005. № 2. С. 161.
7. **Платон.** Государство. Собр. соч.: В 4 т. М., 1994. Т.3. С. 197.

8. **Аристотель.** Политика. Афинская полиция. М.,1997. С.125-126.
9. **Зелинский, Ф. Ф.** Древнегреческая религия. - К.: Синто, 1993. - 127 с.
10. **Кожин, В. В.** О главном в наследии славянофилов / Кожин В. Размышления об искусстве, литературе и истории. М., 2001. С. 19.
11. **Ильин, И. А.** Путь духовного обновления / Ильин И.А. Сочинения в 2-х томах. Т.2, М., 1994, С. 243.
12. **Лебедев, А. П.** Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви. СПб., 1998. С. 65.
13. **Каптерев, Н. Ф.** Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. Сергиев Посад, 1912. Т.2. С.104.
14. **Шейнов, В. П.** Психология власти. М., 2003. С.351.
15. **Ильин, И. А.** О грядущей России: избранные статьи / под ред. Н.П. Полторацкого. М., 1993. С.258.

УДК 327

*Воронежский государственный университет
Доктор исторических наук, профессор кафедры
международных отношений и мировой политики В. А.
Тонких.*

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 236 26 05

*Бакалавр факультета международных отношений
Е.О. Шебанова.*

Россия, г. Воронеж, тел. 8 919 235 24 09

e-mail: kat-shebanova@yandex.ru

*Воронежский государственный архитектурно-
строительный университет*

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры
философии, социологии и истории В.Н. Шевченко.*

Россия, г. Воронеж,

тел. (473) 271 50 04

e-mail: vera_pryadko@mail.ru

Voronezh State University

*Doctor of History, Professor of the Department of
International Affairs and World Policy*

V.A. Tonkikh.

Russia, Voronezh, tel. (473) 2 36 26 05

*Bachelor of the faculty of international relations E.O.
Shebanova.*

Russia, Voronezh, tel. 8 919 235 24 09

e-mail: kat-shebanova@yandex.ru

*Voronezh State University of Architecture and Civil
Engineering*

*PhD in History, Associate Professor of Philosophy,
Sociology and History Chair*

V.N. Shevchenko.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271 50 04

e-mail: vera_pryadko@mail.ru

В. А. Тонких, Е. О. Шебанова, В. Н. Шевченко

РОССИЯ – ЕВРОСОЮЗ: ОТ КРИЗИСА К СТАБИЛЬНОСТИ И ПРОГРЕССУ

Статья посвящена проблемам взаимоотношений России и Евросоюза на рубеже XX-XXI веков, трудностям и противоречиям в развитии взаимного сотрудничества, перспективам формирования отношений в условиях преодоления кризиса

Ключевые слова: Россия, Евросоюз, политика, кризис, сотрудничество, стабильность

V.A. Tonkikh, E.O. Shebanova, V.N. Shevchenko

RUSSIA-EUROUNION: FROM CRISIS TO STABILITY AND PROGRESS

The article is devoted to the problems of relation between Russia and European Union at the end of XX – the beginning of XXI centuries, difficulties and contradictions in the development of mutual cooperation, the perspectives in forming relations in overcoming of the crisis

Key words: Russia, Eurounion, politics, crisis, cooperation, stability

Во внешнеполитическом курсе Российского государства одно из стратегических направлений занимают отношения со странами Евросоюза. Исторически данный тренд сформировался еще в первой четверти XVIII столетия, когда император Петр I ценой огромных усилий «прорубал окно в Европу», приспособивая российский истеблишмент к европейским законам и порядкам. Вся последующая история Российской империи заключалась в поддержании и укреплении российско-западноевропейских связей во всех сферах жизнедеятельности.

Внешняя политика Советского Союза, несмотря на глубокие идеологические и политические разногласия, сохраняла тенденцию поддержания торгово-экономического, политического и культурного сотрудничества с рядом европейских государств, прежде всего с Германией, Англией и Францией.

В годы Второй мировой войны СССР был союзником Англии и Франции в вооруженном противостоянии с гитлеровской Германией. Народы Советского Союза выполнили свою планетарную миссию спасения Европы и всего остального мира от фашизма.

Новая Россия после распада СССР сохранила в качестве ведущего стратегического направления внешней политики укрепление отношений с объединенной Европой [1]. Первым соглашением о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС стало соглашение от 1 декабря 1997 года, содержавшее меры по либерализации российской экономики. Соглашение предусматривало режим наибольшего благоприятствования в торговле, структурный политический диалог, наличие форума для обсуждения представляющих взаимный интерес проблем. На основе соглашения были созданы Совет по сотрудничеству, Комитет по сотрудничеству, Парламентский комитет по сотрудничеству, призванные реализовать на практике положения принятого документа [2].

После того, как в мае 1999 года вступил в силу Амстердамский договор, в ЕС была принята Общая стратегия, ставшая инструментом укрепления общей внешней политики и безопасности ЕС. Общая стратегия была подписана в июне 1999 года и подчеркивала большое значение сотрудничества ЕС и России как единственного пути решения основных проблем, стоящих перед Европой. ЕС предполагал принять участие в укреплении демократии, законности, строительстве правового государства, поддержке институтов гражданского общества в России, ее интеграции в общеевропейское торгово-экономическое и социальное пространство. Взаимовыгодное сотрудничество развивалось в таких областях, как энергетическая и ядерная безопасность, охрана окружающей среды и здоровья, борьба с организованной преступностью и отмыванием денег.

Партнерство России и ЕС предполагалось строить на долговременной основе, на базе договорных отношений, при которых Россия сохраняла право проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику, участие в международных организациях. На перспективу планировалось развивать партнерство в направлении формирования системы коллективной безопасности в Европе при механизме создания зоны свободной торговли при высоком уровне доверия и сотрудничества в сферах экономики и политики. Были продолжены усилия по дальнейшему открытию европейского рынка для российских товаров, устранению дискриминационных барьеров в торговле, стимулированию притока европейских инвестиций в российскую экономику. К началу XXI века ЕС превратился в ведущего торгово-экономического и политического партнера России.

В 2000-е годы РФ и ЕС продолжали наращивать усилия по взаимодействию в ключевых сферах, включая экономику, энергетику, безопасность государств. Россия стала в это время третьим торговым партнером ЕС после США и КНР: более половины внешнеторгового оборота России приходилось на страны ЕС. ЕС в то же время стал главным потребителем российских энергоресурсов. Плодотворно развивались человеческие и профессиональные связи, туризм как итог реализации соглашения от 1 июня 2007 года об упрощении визового режима. Укреплялось сотрудничество в сфере внешней политики и безопасности, борьбы с международным терроризмом, организованной преступностью и нелегальной миграцией.

В начале XXI века в Европе и России утвердилось мнение о том, что взаимное партнерство РФ и ЕС носит долговременный стратегический характер, является основой поддержания мира и стабильности в Европе и во всем мире.

В мае 2003 года на саммите в Санкт-Петербурге была подписана концепция о формировании четырех общих пространств России и ЕС. Провозглашались общее экономическое пространство; общее пространство свободы, безопасности и правосудия; общее пространство внешней безопасности и общее пространство науки и образования, включающее культурные аспекты. В мае 2005 года на саммите в Москве была одобрена

реализация «дорожных карт» по формированию общих пространств. О создании эффективного механизма для реализации стратегического партнерства РФ и ЕС говорилось на саммите в Сочи в мае 2006 года.

К этому времени сложились конструктивные форматы взаимодействия России и ЕС. Среди них – саммиты с участием Президента РФ и председателей Европейского Совета и Европейской комиссии; встречи председателей правительств России и Европейской комиссии; заседания постоянного совета партнерства, включавшего министров иностранных дел и представителей по отдельным секторальным вопросам с участием министров юстиции, транспорта, энергетики; проведение совместных научных исследований; регулярные консультации постоянного представительства России при ЕС с председателем комитета по внешней политике и безопасности ЕС. Нарастала интенсивность сотрудничества в рамках отраслевых диалогов и экспертных консультаций по актуальным внешнеполитическим проблемам. Ежегодно проводилось свыше двадцати раундов переговоров. На регулярной основе стали проводиться мероприятия по парламентской линии [3].

Плодотворное сотрудничество РФ и ЕС поставило в повестку дня качественно новые задачи – переход к безвизовому режиму, более эффективное взаимодействие в области внешней политики, что предполагало начало диалога по формированию концепции социально-экономического развития РФ и ЕС на период до 2020 года.

В целях преодоления глобального финансово-экономического кризиса 1 июня 2010 года на саммите в Ростове-на-Дону особое значение приобрела инициатива об учреждении «Партнерства для модернизации». Начало реализации данной программы получило одобрение на саммите в Брюсселе 7 декабря 2010 года. Проект предполагал поддержку российских реформ, содействие экономическому росту, повышению конкурентоспособности РФ и ЕС. В повестку дня на перспективу выдвигалась подготовка Договора о европейской безопасности и о выработке новой правовой базы международного сотрудничества в сфере энергетики [4]. Энергетический диалог постоянно углублялся и реализовывался на практике в масштабных проектах, поскольку обе стороны – Россия как экспортер, а ЕС как потребитель энергоресурсов заинтересованы в эффективной и долгосрочной системе транспортировки продукта. Россия на протяжении многих лет зарекомендовала себя надежным партнером в сфере энергетики.

Основу конструктивного сотрудничества России и ЕС определяют несколько факторов. Во-первых, геополитическое положение: Россия и Европа находятся на одном континенте, являются близкими соседями, что налагает ответственность за состояние дел. Во-вторых, значительную роль играет историческая и культурная составляющая. Народы Европы и России в течение столетий исходили из единого культурного пространства, близости культурных ценностей и идеалов. Свою лепту внесла и совместная борьба наших народов против фашизма в годы Второй мировой войны. Народы России и Европы не понаслышке знают ужасы войны, которые до сих пор сохраняются в генетической памяти нынешних поколений. В-третьих, объединяющим фактором является христианство. Несмотря на определенные различия западного и восточного христианства, начало общехристианскому диалогу было положено встречей Патриарха всея Руси Кирилла и Понтифика Римской католической церкви Франциска на Кубе в феврале 2016 года и подписанием совместной декларации [5].

События на Украине, введение антироссийских санкций и ответные меры со стороны России серьезным образом осложнили перспективы сотрудничества РФ и ЕС. Западноевропейские политики пошли на поводу у Вашингтона, примкнув к антироссийским санкциям, понеся при этом многомиллиардные убытки и нанеся ущерб собственной политической репутации. США имеют значительные возможности для шантажа ведущих лидеров Западной Европы. Можно вспомнить, хотя бы, историю с французским банкиром Д. Сросс-Каном, попавшим в устроенную ему ловушку, лишившую его перспектив продолжить

политическую карьеру. Канцлер Германии А. Меркель нередко бежит впереди вашингтонского паровоза, стремясь предвосхитить пожелания американских хозяев. Эти и другие подобного рода примеры наводят на серьезные размышления относительно самостоятельности ряда ведущих европейских политиков. Американские спецслужбы активно работают на европейском направлении. Наличие компрометирующей информации – тот рычаг, который по мере необходимости можно приводить в действие для достижения собственных целей.

Из-за западных санкций многие совместные программы России и ЕС не по вине российской стороны оказались либо свернуты, либо заморожены. Это относится к программе «Партнерство ради модернизации». Проект изначально предполагал передачу России ряда современных технологий. Руководство ЕС и США от точечных санкций против отдельных физических лиц перешли к мерам против целых секторов российской экономики. РФ в качестве ответных мер ограничила импорт продовольственных товаров из стран, поддержавших санкции. Под запрет попали многие продукты питания из США, ЕС, Канады, Австралии и Норвегии.

В современных условиях разговаривать с такой страной, как Россия, на языке каких-либо санкций абсолютно не приемлемо. Исторический опыт показывает, что в мировой экономике и политике санкции не всегда достигают планируемого результата. Одним из примеров может быть Куба, находившаяся с начала 1960-х годов под санкциями со стороны США. Итогом стало дипломатическое признание кубинского режима и стремление Вашингтона наладить конструктивные контакты с Островом свободы.

Существенное влияние на позиции лидеров ЕС оказало намерение России пересмотреть собственные внешнеполитические приоритеты. Камнем преткновения в сотрудничестве России и ЕС стал не столько тезис о «развороте в сторону Азии», сколько формулирование концепции упадка «исторического Запада», что нашло отражение в Концепции внешней политики РФ 2013 года. В документе ничего не говорилось о роли ЕС в решении ряда региональных проблем от Центральной Азии до Арктики и не упоминалось о ЕС как о приоритетном направлении российской внешней политики. РФ четко определила собственные стратегические приоритеты, стала проводить самостоятельную, взвешенную внешнюю политику без оглядки на Белый дом, что пришлось не по нраву многим политикам на Западе, желавшим видеть Россию по-прежнему зависимой и униженной. Но эти времена, к счастью, ушли в прошлое.

Первостепенным вопросом сотрудничества РФ и ЕС оставался сирийский вопрос. Однако сотрудничество в данном направлении было сведено к минимуму. Эффективность действий российских ВКС в Сирии в борьбе с международными террористическими группировками вызывали раздражение в столицах ряда западноевропейских государств.

Ухудшению отношений РФ и ЕС стала проблема европейской безопасности с подачи лидеров стран Прибалтики и Польши. Из столиц прибалтийских стран и из Варшавы раздавались призывы остановить мнимую российскую агрессию против беззащитных народов при помощи усиления группировки НАТО на территории этих стран. Обеспокоенность России сохранением собственной безопасности воспринималась в Западной Европе как попытка совершить агрессию против Запада. Подобные панические настроения подогревались американскими союзниками. В ходу вновь оказались застарелые идеологические штампы о «военной угрозе» со стороны России, образе врага, исторической агрессивности русских и т.п. заимствования времен «холодной войны». Эти штампы привели к росту военных расходов стран НАТО, усилению напряженности в Европе.

Для опровержения подобного рода измышлений достаточно привести такой пример: США имеют на территории разных стран свыше 800 военных баз, в основном вдоль российских границ. Военный бюджет США больше, чем расходы всего остального мира. Эти данные приводит известный российский историк и дипломат В. Фалин [6].

Разногласия России и западных партнеров из ЕС носят объективный характер, отражают реальные противоречия современного мира, фиксируют несовпадение интересов сторон. Западная Европа в последние годы утратила многие национальные духовно-нравственные ценности под прикрытием тезисов о демократии и толерантности. В частности, в большинстве стран ЕС, в том числе католических, законодательно закреплены однополые браки с правом усыновления детей. А Священное Писание предупреждает: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость» (Лев.18, 22). Россия остается одной из немногих христианских стран, которая не признает подобного рода семейные «ценности», продолжает следовать национальной исторической практике сохранения традиционной семьи.

Санкции Запада и ответные действия России привели к осознанию несостоятельности дальнейшего проведения подобного курса. Британский журнал «The Economist» полагает, что в связи с последними событиями Европа переживает самый глубокий кризис на глазах нынешнего поколения [7]. Поддерживая санкции, европейские страны лишились не только возможности экспортировать многие товары, но и огромных возможностей российского рынка, который эти товары поглощал. Около половины стран ЕС выступают ныне за ограничение либо за полную отмену санкций. Еще в начале введения санкций семь из двадцати восьми стран-членов ЕС призывали к отмене ограничений в торговле с Россией. Это – Австрия, Венгрия, Италия, Кипр, Словакия, Чехия, Франция. Последняя ставит отмену санкций в зависимость от разрешения украинского кризиса. РФ не отказывается от диалога с ЕС, но только на равноправной, взаимовыгодной, конструктивной основе.

Примером долговременного плодотворного сотрудничества РФ и ЕС служит российско-австрийское сотрудничество, имеющее многолетний позитивный исторический опыт. Австрийское руководство неоднократно выступало с намерениями продолжать диалог Россия-ЕС, направленный на конструктивное экономическое сотрудничество с целью преодолеть неблагоприятные последствия сложившегося в Европе финансового и миграционного кризиса. Как отмечается в австрийской газете Die Presse, в связи с применением санкций в отношении России вместо экономического роста страны зоны евро получили спад, который по ряду причин может обернуться для них стагнацией: «Сегодня ЕС теряет один из крупнейших рынков сбыта товаров в лице России» [8].

Телерадиокомпания Австрии ORF анонсировала, что «власти федеральной земли Нижняя Австрия призвали Европарламент отменить антироссийские санкции» [9], так как экспорт сократился на 25%. Кроме того, экономические отношения между Россией и Австрией обладают потенциалом в сфере строительства, экологии, туризма и машиностроения. В настоящее время осуществляется порядка 200 новых проектов между двумя странами, в частности, между Госкорпорацией Ростех и австрийскими фирмами и концернами: Quality Austria, Astron Industriebeteiligungs GmbH, Diamond Aircraft Industries GmbH, Frequentis A.G. Сотрудничество затрагивает сферы машиностроения и металлообработки, автоматизации систем управления в воздушном пространстве и таможенном регулировании.

Венская газета Kurier считает, «что Вашингтон потому и настаивает на антироссийских санкциях, что Соединенные Штаты не попадают под их воздействие» [10]. А ведь экономические отношения между РФ и ЕС серьезно ухудшились (доля экспорта газа сократилась на 50 %) и преодолеть последствия эмбарго для европейских, а в особенности австрийских бизнесменов с каждым днем становится все тяжелее. Однако, с другой стороны, для Австрии Россия представляет выгодный плацдарм для инвестиций. Как заявляет представитель газеты Die Presse Эдуард Штайнер (Eduard Steiner), «Россия всегда восстанавливалась после любого кризиса. Если хочешь в будущем здесь работать, то направление надо определить уже сейчас» [11]. Австрийские бизнесмены видят в развитии

торговых отношений с РФ особую привлекательность ввиду выгодного обменного курса и удешевления экспорта.

После апрельского визита австрийского президента в Москву было официально подтверждено намерение Австрии поддерживать и укреплять отношения с Россией. Также Х. Фишер отметил, что до конца года будет происходить смягчение санкционной политики в отношении России, ведь именно Россия прикладывает немало усилий для борьбы с новыми вызовами и угрозами как на европейском континенте, так и во всем мире. Хайнц Фишер также выразил благодарность Владимиру Путину за помощь в процессе освобождения и разминирования Пальмиры.

Послом Австрии в России были намечены контуры двустороннего сотрудничества также в сфере культуры, науки и туризма. Опыт взаимодействия Москвы и Вены показывает, что многие противоречия и трудности вполне преодолимы, необходимы лишь желание и политическая воля. «Отношения между Австрией и Россией,- говорил во время визита в Москву в апреле 2016 года президент Австрийской Республики Хайнц Фишер,- несмотря на все сложности, с которыми мы сталкиваемся в последнее время, развиваются и для нас имеют большое значение» [12].

Вне зависимости от ситуации отношения между РФ и ЕС на приоритетных направлениях не только не ослабли, но и получили дальнейшее развитие. Так, в сфере образования ЕС увеличил финансирование совместных университетских образовательных проектов до 28 млн. евро. Только в 2015 году европейские университеты приняли 2100 российских студентов по стипендиям Евросоюза. Развивается совместная программа приграничного сотрудничества России и ЕС. На период до 2020 года на эту программу выделено более 190 млн. евро. Сохраняются приоритетные направления и в сфере экономики. Несмотря на снижение товарооборота РФ и ЕС более чем на треть, Евросоюз продолжает оставаться главным торговым партнером России: в 2015 году этот показатель равнялся 47% всей торговли РФ. Для сравнения: товарооборот России со странами АТР и Китаем составлял 26%, с ЕАЭС – 6%. ЕС остается основным источником прямых иностранных инвестиций в российскую экономику, которые составляют 75% всех зарубежных инвестиций [13].

Несмотря на имеющиеся противоречия со странами Евросоюза, России следует продолжать политический курс на конструктивное сотрудничество с ЕС, находить приемлемые для обеих сторон пути разрешения возникающих конфликтов и противоречий, использовать богатый и долговременный исторический опыт позитивного взаимодействия. Пророчески звучат и ныне слова великого русского писателя Ф.М. Достоевского: «А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество,- я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти так же всем дорога, как Россия...» [14].

Библиографический список

1. **Тонких, В. А.** Россия в современном глобальном мире (в свете событий последнего времени) / В.А. Тонких, Л.И. Кондратенко // Панорама.- 2016.- Т. XXII.- С. 41-49.
2. **Лукьянов, Ф. А.** В прошлое и обратно / Ф.А. Лукьянов // Россия в глобальной политике.- 2015.- №7.
3. **Энтин, М. Л.** В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский Союз в 2004-2005 гг. / М.Л. Энтин.- СПб.: Россия-Нева, 2006.- С.337.
4. **Цыганков, П.А.** Политическая динамика современного мира: теория и практика / П.А. Цыганков.- М.: Издательство Московского университета, 2014.- С.119.
5. Комсомольская правда.- 2016.- 16 февраля.

6. **Фалин, В.** Если молча поднять лапки, Вашингтон низведет Россию до индейской резервации / В. Фалин // Комсомольская правда.- 2015.- 14 января.
7. The Indispensable European // The Economist.- November 7th 2015.- P.11.
8. OMV: Die vertrackte Fluchtnach Russland.-2015.-URL: <http://diepresse.com/>
9. И хочется, и колется: Австрии дружить с Россией мешает Конституция.-URL: <http://rueconomics.ru>
10. Запорожец Н. Кому выгодна война санкций / Н. Запорожец // Литературная газета.- 2016.- №12.
11. СМИ Австрии: старая вражда не ржавеет.-URL: <http://inosmi.ru>
12. Цит. по: Комсомольская правда.- 2016.- 8 апреля.
13. **Ушацкас, В.** В наших отношениях мосты не сожжены? / В. Ушацкас // Новая газета.- 2015.- №14.
14. **Достоевский, Ф. М.** Полное собрание сочинений в 30 т.: Т.25 / Ф. М. Достоевский.- Л.: Наука, 1983.- С.23.

**ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ
PEDAGOGY AND EDUCATION**

УДК 371

*Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа №25
Учитель истории и обществознания
Е. В. Замаева
Россия, г. Воронеж, тел. (473)2256107
e-mail: zamaeva@yandex.ru*

*Municipal budget educational institution
Secondary School №25
Teacher of history and social science
E. V. Zamaeva
Russia, Voronezh,
tel. (473) 2256107
e-mail: zamaeva@yandex.ru*

Е. В. Замаева

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ В ОРГАНИЗАЦИИ
УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ШКОЛЕ**

В статье рассматриваются возможности использования фондов школьных музеев в современном школьном образовательном процессе в условиях внедрения федерального государственного образовательного стандарта второго поколения, а также как элемента духовно-нравственного воспитания учащихся.

Ключевые слова: школьный музей, проектно-исследовательская деятельность, духовно-нравственное воспитание учащихся.

E. V. Zamaeva

**POSSIBILITY OF USING SCHOOL MUSEUM IN THE ORGANISATION OF
EDUCATIONAL PROCESS AT SCHOOL**

The article discusses the possibility of using funds of school museums in the modern school educational process in the conditions of the federal state educational standard implementation of the second generation, as well as an element of moral education of pupils.

Key words: school museum, design and research activities, moral education of pupils.

Современная школа предъявляет к учителю все больше требований, связанных с процессом гуманизации образования. Это обусловило необходимость поиска новых методик педагогической работы, способных усилить вовлеченность детей в образовательный процесс, сделать материал понятным, доступным, а самое главное интересным и осознанным. В этой работе учителю истории может оказать помощь школьный музей.

Одним из важнейших преимуществ педагогической работы в рамках школьного музея является исключительная наглядность, а также значительная вовлеченность ребят в процесс подготовки уроков и мероприятий [2]. Перед ними появляются четкие, конкретные зрительные образы изучаемых вопросов, они фактически становятся соавторами процесса подготовки урока.

Современный школьник, в условиях значительной доступности информации из самых различных источников, все меньше вовлечен в живое общение, которое кажется ему не современным. Да и разобраться в колоссальном потоке информации, молодому человеку достаточно сложно.

В рамках семьи также происходит разрушение межпоколенных связей. Ученики все меньше общаются с родственниками, проживающими отдельно, еще меньше интересуются теми, кого уже нет в живых. Практически не осталось в живых ветеранов, участников военных действий, свидетелей важных исторических событий. А потому получить достоверные сведения о времени Великой Отечественной войны, сражениях и жизни людей на оккупированных территориях, послевоенном восстановлении или других событиях, оставивших след в истории нашей страны все сложнее. Уходят в прошлое и многие бытовые аспекты. Современные школьники совершенно оторваны от понимания быта и детской реальности не только своих бабушек и дедушек, но даже родителей. И это создает еще большие проблемы в личностном взаимопонимании.

Школьный музей в этом плане создает прекрасную возможность в прямом смысле «прикоснуться» к прошлому. Это объясняется рядом факторов. Во-первых, он формируется руками самих детей. Они пополняют экспозиции личными вещами, фотографиями родственников, своими поделками. То есть историческая реальность создается их же руками. Во-вторых, вокруг него организуется кружковая работа, которая помогает раскрыть самые разные способности учащихся. То есть школьный музей ориентирован не столько на помощь учителю в его работе, сколько на организацию самостоятельной практической и творческой работы детей [3]. Это позволяет эффективно организовывать внеурочную деятельность учащихся.

И все же наибольший вклад музейная экспозиция вносит в организацию учебного процесса, причем в самых разных ее аспектах. Во-первых, музейные фонды позволяют актуализировать исторические знания, овестествить историю. Просто рассказ учителя, чтение учебника, может восприниматься со скепсисом некоторыми учениками. Урок помогает достучаться далеко не до всех детских сердец, для которых слова война, подвиг, трудовые свершения есть что-то далекое, несовременное и полуполюгендарное. Музейные же экспонаты: предметы быта, орудия труда, оружие, фотографии, воспоминания, письма с фронта и родных, потерявших близких, помогают сделать эту информацию ближе, понятнее. А потому применение архивных материалов и музейных экспонатов в работе школы представляется актуальным как никогда.

Во-вторых, в условиях внедрения ФГОС второго поколения, должна активизироваться самостоятельность исследований учащихся. Музейный материал помогает достаточно продуктивно применять такие методы обучения школьников, к которым можно отнести проектную деятельность и проблемный метод обучения. Причем в каждом из них формируется у учащихся, прежде всего, исследовательский подход к изучаемому материалу. Проектная деятельность является важнейшим элементом формирования таких компетенций как инициативность, ответственность, готовность ставить перед собой задачи и находить пути их решения, поиск новых знаний, необходимых для решения возникающих в ходе исследования проблем [1]. В целом, эта методика позволяет сформировать у ребенка все необходимые умения, чтобы сделать его максимально востребованным на современность рынке труда, который требует от человека умения постоянно самосовершенствоваться и переобучаться.

В рамках школьного музея есть неисчерпаемая база для осуществления социального проектирования. Причем речь идет не только о краеведческом уровне исследования. Многие экспонаты и архивные документы позволяют выходить на уровень региональной и общегосударственной истории, прослеживать общеисторические процессы. Кроме того, материалы музея, создают превосходную базу для выработки навыков работы с историческими источниками, как вещественными, так и письменными, формируя тем самым у детей способности к анализу и систематизации данных, без чего выполнение социального проектирования невозможно.

Помимо учебного компонента, в рамках школьного музея заложены колоссальные возможности для реализации воспитательного элемента образования.

Школьные музеи являются детищем учителей, школьников и их родителей. Чаще всего их формирование происходит из материалов, принесенных самими детьми или обнаруженными при земляных работах (оружие, элементы обмундирования, бытовые предметы), либо найденные у бабушек и дедушек. Это помогает ребятам ощутить сопричастность не только к самому музею, но и к истории в целом.

Одновременно, материалы школьных музеев, лично близкие ученикам, формируют и развивают у них чувство гордости, патриотизма, помогают им осознать социально значимые и общечеловеческие ценности, такие как жизнь, свобода, справедливость. Кроме того, на конкретных примерах лучше понимаются героические события прошлого, моменты политической и социально-экономической истории своей страны. Поэтому школьный музей становится важнейшим элементом духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи. Значимость музейного материала при этом проявляется именно в формировании у учеников не просто новых сведений, а чувства сопричастности изучаемым событиям.

В целом, во всех исследованиях находят отражение события региональной истории, через которые происходило изучение и осмысление в целом событий Великой Отечественной войны, масштабов трагедии и героизма этого времени. А также показан героический подвиг советского солдата в борьбе за свою Родину, причем на конкретных примерах, на судьбах людей, что сделало участников Великой Отечественной войны более близкими, а их жизнь более понятной.

Результатом этой работы становится не только подготовка важного для школы материала и расширение представлений учащихся по истории родного края и Великой Отечественной войны в целом, но и изменение личностного восприятия войны, а самое главное памяти о ней. Для учащихся участники войны становятся конкретными, «очеловеченными» героями, с несбывшимися судьбами и нереализованными желаниями, причем вполне реальными. То есть война в их восприятии приобретает конкретные, личностные характеристики.

Все это позволяет говорить о том, что школьный музей является базой для осуществления не только учебной деятельности, но и воспитания интеллектуально развитой, высоконравственной личности, обладающей чувством патриотизма, любви и уважения к истории своей страны. Музейные материалы помогают решать проблемы отстраненности учащихся от изучаемого материала, сделать его более понятным и сформировать личностное отношение к истории. Выполнение социальных проектов на базе школьного музея способствует развитию коммуникативных способностей учеников, формирует умение работать в команде как одну из важнейших компетенций современного работника. Кроме того, усиливается личная вовлеченность учащихся в процесс исследования.

Библиографический список

1. **Медведева, Е.Б., Юхневич, М.Ю.** Музейная педагогика как новая научная дисциплина / Е.Б. Медведева, М.Ю. Юхневич. // Культурно-образовательная деятельность музеев. - М., 1997. – С. 45 – 72.
2. **Юхневич, М.Ю.** Я поведу тебя в музей: Учеб. пособие по музейной педагогике / М.Ю. Юхневич. - М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии. – М., 2001. – 223 с.
3. **Бухтиярова, И.Н.** Метод проектов и индивидуальные программы в продуктивном обучении / И.Н. Бухтиярова // Школьные технологии. - 2001. - №2. - С.108-115.

УДК 378

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных Сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»,

кандидат педагогических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин А. Р. Полянин.

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

С. Н. Коротун,

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 244-78-32; e-mail: poljanin_a@mail.ru.

e-mail: korotun83n@mail.ru

Military training and research center of the Air Force "Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin,"

PHD in Pedagogical, Professor of Humanitarian and socio-economic disciplines Chair

A. R. Poljanin.

PhD in History, Senior Lecturer of Humanitarian and socio-economic disciplines Chair

S. N. Korotun,

Russia, Voronezh,

tel. (473) 244-78-32;

e-mail: poljanin_a@mail.ru.

e-mail: korotun83n@mail.ru

А. Р. Полянин, С. Н. Коротун

ПРИМЕНЕНИЕ ПРЕЗЕНТАЦИИ НА ЛЕКЦИЯХ ПО ГУМАНИТАРНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

На основе отечественного и зарубежного опыта анализируется целесообразность применения мультимедиа презентаций на учебных занятиях по гуманитарным дисциплинам.

Ключевые слова: технические средства обучения, презентации, наглядность

A. R. Poljanin, S. N. Korotun

APPLICATION OF PRESENTATION AT LECTURES ON HUMANITARIAN DISCIPLINES IN HIGH SCHOOL

Advisability of application of multimedia presentations on studies of humanitarian lessons was analyzed on the basis of domestic and foreign experience.

Key words: multimedia presentation, use of visual methods.

Использование информационных технологий в ходе проведения лекционных занятий прочно вошло в содержание образовательного процесса современной высшей школы. Одним из основных нововведений стала мультимедиа презентация, представляющая сегодня неотъемлемым элементом на учебном занятии. Провести сегодня лекцию без презентации, как замечает Р. Крейг, считается столь же неприемлемым, как вести её в испачканном галстуке. [1. Р. 147].

Термин «презентация» в переводе с английского языка на русский означает «представление», т.е. предоставление некой информации, демонстрационных материалов в целях публичного выступления. В образовательном процессе – это преподнесение материала для какой-либо учебной аудитории, а мультимедийная презентация представляет собой один из видов презентации.

Мультимедийные презентации сегодня очень распространены в различных отраслях человеческой деятельности, в том числе – учебной.

Современный мультимедиа проектор вытеснил из вузовской аудитории все прежние виды технических средств обучения (далее ТСО).

Однако новые средства визуализации потребовали и новых условий, а значит способов их применения.

Это должно было логично заставить преподавателей скорректировать, а в чем-то даже изменить прежде существующие методические приемы при изложении учебного материала на занятиях.

Как показывает достаточно длительный период комплексного применения мультимедиа средств в нашей стране и еще более длительный срок его использования за рубежом, именно в этой части все не так однозначно. Данная проблема по сути выглядит значительно сложнее, чем представляется в подавляющем большинстве публикаций на эту тему. Так, применение мультимедиа средств на лекции сегодня возведено в ранг обязательного, но до сих пор нет научно обоснованного ответа на противоречие между необходимостью совершенствования системы обучения с использованием средств компьютерной наглядности и отсутствием научно обоснованных педагогических требований и приемов по использованию данных средств в преподавании гуманитарных дисциплин.

Основная масса исследований в рассуждениях об эффективности презентаций опирается на важнейший принцип педагогики – наглядность. Традиционно, по Ушинскому, под наглядностью понимается обучение, «которое строится не на отвлеченных представлениях и словах, а на конкретных образах...». Соответственно под наглядностью понимали: непосредственно сам предмет, его подобие, «модель», его иллюстрация или графическое изображение. В гуманитарных науках явления и категории сложно отобразить конкретным образом, поэтому здесь речь ведется либо об иллюстрации явления, либо об условно-графической наглядности, где символами или отдельными словами раскрывается значение необходимой категории. Логика обоснования потребности в мультимедиа проста – данное оборудование необходимо, поскольку позволяет бесконечно увеличивать объем представляемой на занятии наглядности [2]. Однако мультимедиа презентация – это тоже ТСО, с помощью которого педагог реализует в своей деятельности принцип наглядности. Зададимся вопросом: «Как сегодня понимается исследователями этот инструмент, каковы границы его применения и критерии эффективности?»

Исследования 70-80-х гг. прошлого века исходили из понятия традиционных ТСО и традиционной наглядности. Под применением ТСО понимались демонстрация звукозаписи, диафильма, фильма, того или иного симулятора. Результаты педагогических исследований того времени вскрыли некоторые ограничения в использовании ТСО. Так, например, частота использования и временной промежуток, занимаемый демонстрацией на занятии. Доказывалось, что ТСО могут занимать лишь часть занятия. По П.И. Пидкосистому их использование может составлять 1/8 занятия (не более 10 минут урока): «Слишком частое использование ТСО приводит к потере у обучаемых интереса к нему, а иногда и к активной форме протеста» [4. С. 282]. Обосновывалось, что оптимальная частота применения ТСО в учебном процессе зависит от возраста обучаемых, учебного предмета и необходимости их использования. Эти положения обусловлены тем, что в течение каждого урока у обучаемых периодически изменяются характеристики зрительного и слухового восприятия (острота, пороги, чувствительность), внимание, утомляемость. При монотонном использовании одного средства изучения нового материала у обучаемых уже к 30-й минуте возникало запредельное торможение, почти полностью исключаяющее восприятие информации. Существуют и другие ограничения в использовании ТСО. Так, рассматривались чисто медицинские показатели, ограничивающие применение ТСО в педагогическом процессе.

Для правильной оценки эффективности применения экранных средств важно знать возрастные психологические особенности обучаемых при их восприятии. Учитель должен учитывать, с одной стороны, нагрузку, вызываемую источником информации, а с другой – возможность учащегося усваивать передаваемую информацию. Сложную и очень объемную информацию, превышающую возможность восприятия, учащийся не сможет переработать и в результате не получит никакой информации [5].

Все эти ограничения выявлялись при использовании технических средств визуализации предыдущего поколения. Что касается современных мультимедиа, то данная проблема, по нашему мнению, разработана достаточно слабо. Если Н.И. Клевцова указывает на то, что в ходе ее исследования не было выявлено каких-либо влияний презентации на

утомляемость обучаемых [6], то большинство исследователей просто обходят этот вопрос стороной. Судя по тому, что в исследовательских работах анализируются лекционные курсы, где каждая лекция сопровождается презентацией, а само содержание лекции отражается презентацией целиком [7], большинство педагогов не рассматривают при использовании мультимедийной техники никаких ограничений.

Не менее важным является и вопрос эффективности применения данного инструментария. Здесь мы вновь сталкиваемся с определенной неразработанностью темы, неоднозначностью ее понимания. Так, в русскоязычной литературе прослеживается устойчивая тенденция положительной оценки эффективности презентаций на занятиях. Вместе с тем самих исследований в этой области мало и носят они поверхностный характер. Можно выделить педагогические эксперименты диссертационных исследований Н.И. Клевцовой и Е.В. Александровой [6,8], в них оба исследователя указывают на однозначно позитивные результаты при использовании мультимедиа на занятиях.

Несколько иной выглядит ситуация в трудах иностранных ученых. Хотя и здесь исследований не так много (Р. Крейг подсчитал, что к 2006 г. таких экспериментов было проведено не более 20 [1]). Тем не менее, их результаты дали не столь однозначные ответы. С одной стороны, некоторые исследования показали эффективность презентаций [9-11]. Например, результаты, полученные Н. Эрдемиром, подтвердили значительную эффективность их использования на занятиях, в сравнении с контрольными группами, где не применялись презентации, созданные посредством PowerPoint [12]. С другой – значительная группа исследователей пришла к выводу, что принципиальных качественных отличий между использованием и неиспользованием презентации посредством PowerPoint не происходило, а некоторые выявили даже ряд негативных тенденций. Так, исследование американских ученых Р.А. Барташа и К.М. Коберна показало, что использование в ходе занятий презентаций PowerPoint давало очень незначительный прирост по результатам текущих тестовых опросов. После лекции с презентацией учащиеся показывали на тестировании средний результат 7,63 балла из 9 возможных, в то время как после стандартной лекции средний балл был 7,24. Итоговый опрос показал несколько худший результат в группе использовавшей презентации (8,36 балла после «стандартной» лекции против 7,49 после лекции с презентацией) [13].

Среди негативных явлений при использовании презентаций англоязычные исследователи выделяют следующие проблемы [1. Р. 14-16]:

– на первоначальном этапе, когда презентации для студентов в новинку, они вызывают интерес, превратившись в обыденность, они начинают утрачивать первоначальный эффект;

– визуальное содержание порой настраивает обучаемых на «развлекательный» лад, отвлекает студентов от более глубокого восприятия учебного материала;

– содержание презентации воспринимается студентами как весь необходимый материал для изучения, они не записывают замечания и пояснения преподавателя, а порой просто их не слушают (точно такой же результат был получен нами в ходе проведенного в 2015 г. выборочного опроса среди курсантов 1 – 3 курсов обучения: 62,6% опрошенных, указали на то, что довольствуются исключительно текстом презентации, а до 52% вообще не слушают преподавателя, когда переписывают текст со слайда [17]);

– презентация содержит, как правило, сжатый текст, что на фоне описанной выше проблемы приводит к поверхностному, упрощенному восприятию всего содержания излагаемой информации;

– в силу целого комплекса факторов (затемнение аудитории, фокусировка внимания на слайде) происходит потеря связи с аудиторией, презентация замещает преподавателя, «диктует» течение лекции, не предусматривает дискуссий и вариативности при решении учебных задач. В результате лекция становится менее интерактивной (отсюда, в том числе,

потеря интереса к презентации);

– исследования Р. Майера показали, что человек способен за единицу времени усвоить лишь определенный объем информации. Когда преподаватель добавляет к прежнему тексту лекции изображения, объем предлагаемой информации резко увеличивается. Чрезмерная насыщенность лекции приводит к перегрузке восприятия студентов и снижает эффективность усвоения учебной информации.

Р. Крейг подметил следующую методологическую проблему большинства исследований, проводимых на Западе: они основаны на достаточно незначительной выборке (в большинстве исследований количество респондентов не превысило 100 человек). Кроме того, он обратил внимание на существующие трудности в ходе оценки качества содержания презентаций, на основе которых проводились исследования [1. Р. 148]. Р. Крейг выявил и другую характерную тенденцию: самим обучаемым лекции с презентациями нравятся, но при этом качество образования не повышается. Напомним, что именно заранее заданная установка на позитивное отношение к использованию презентации на лекции в русскоязычной литературе порой становится решающим аргументом их эффективности. Чем же обусловлено позитивное отношение преподавателей и студентов к презентациям? Л.А. Джордон рассматривает две тенденции [14]:

1. Со стороны студентов положительное отношение к презентациям обусловлено трудностями в написании конспекта или в понимании аналитических рассуждений лектора. Со слайда гораздо проще переписывать текст. (Проведенный нами в 2015 г. опрос курсантов во многом подтвердил данное утверждение: 53 % респондентов видели в презентации упрощенный и облегченный путь к написанию учебного материала лекции [17]).

2. Со стороны преподавателей презентация служит своего рода гарантом минимального результата изложения учебного материала. Каков бы ни был преподаватель, определенный объем информации студенты получают. Этим во многом обусловлена и позиция администрации, которая так же зачастую делает использование презентаций обязательным. С этой точки зрения, замечает Л.А. Джордон, неиспользование презентаций становится признаком исключительности, элитарности. В ряде учебных заведений на Западе лучшим преподавателям разрешают не пользоваться презентациями на своих лекциях [12].

Сказанное не обозначает, что все или подавляющее большинство западных исследователей предлагают отказаться от презентаций на лекциях. Напротив, они лишь призывают относиться к презентации не как к панацее, использование которой гарантирует однозначно достижение максимального эффекта при изложении учебного материала на лекции, а как к сложному инструменту, имеющему свои положительные и отрицательные стороны. Значит, использование презентаций должно быть целесообразно, обдуманно, применяться дозированно. Необходим целый комплекс исследований, которые бы выявили и доказали когда, как и с помощью каких наиболее эффективных форм и методов возможно использование данного инструментария.

Библиография ответа на этот вопрос чрезвычайно широка, но отсутствие широких и глубоких конкретных эмпирических исследований в этой сфере, ясно указывает на то, что большинство советов и рекомендаций опираются не на точное экспериментальное знание, а на интуицию педагога, его личностное понимание и восприятие этого нового средства визуализации – мультимедиа презентации.

В контексте наших рассуждений мы предлагаем обозначить следующую необходимую проблему изысканий для высшей школы: какой должна быть научно обоснованная эффективная презентация?

Библиографический список

1. **Craig, R.** PowerPoint presentation technology and the dynamics of teaching. / R. Craig, J. Amernic // *Innovations in Higher Education*. – 2006. – V.31. – P. 147 – 160.

2. **Низова, А. В.**, Использование компьютерной презентации в образовательном процессе / А.В. Низова, В.Д. Потапов // Новые информационные технологии в образовании : материалы VII международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2014. – С. 97-98.
3. **Коджаспирова, Г. М.** Технические средства обучения и методика их использования / Г.М. Коджаспирова, К.В. Петров. – М: Академия, 2001. – 256 с.
4. **Педагогика.** Учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / Под ред. П.И. Пидкасистого. – М: Педагогическое общество России, 1998. – 640 с.
5. **Гордиевских, В. М.**, Петухов Д.В. Технические средства обучения: Учеб. Пособие. – Шадринск: ШГПИ, 2006. – 152 с.
6. **Клевцова, Н. И.** Методико-дидактические принципы создания и использования мультимедийных учебных презентаций в обучении иностранному языку : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Н.И. Клевцова. - Курск, 2003. – 17 с.
7. **Яргаева, В. А.** Мультимедийное представление учебного материала как способ повышения эффективности Вузовской лекции / В.А. Яргаева // Проблемы высшего образования. – 2013. – №1. – С. 228 – 229.
8. **Александрова, Е. В.** Проектирование и использование средств компьютерной наглядности в процессе обучения гуманитарным предметам в общеобразовательной школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Е.В. Александрова. – Казань, 2011. – 22 с.
9. **Chan Lin, L. – J.** Animation to teach students of different knowledge levels / L. – J. Chan Lin // Journal of Instructional Psychology. – 1998. – №25. – P.166 – 175.
10. **Lowry, R. B.** Electronic presentation of lectures – effect upon student performance / R. B. Lowry // University Chemistry Education. – 1999. – №3. – P.18 – 21.
11. **Szaba, A.** Using IT in the undergraduate classroom: should we replace the blackboard with PowerPoint? / A. Szaba, N. Hastings // Computers & Education. – 2000. – №35. – P.175 – 187.
12. **Erdemir, N.** The effect of PowerPoint and traditional lectures on students' achievement in physics. / N. Erdemir // Journal of Turkish Science Education. 2001. – V.VIII., N. 3. – P. 176 – 189.
13. **Bartsch, R.** Effectiveness of PowerPoint presentations in lectures / R. Bartsch, K. Cobern // Computers & Education. – 2003. – № 41. – P.77 – 86.
14. **Jourdan, L.** Papp R. PowerPoint: it's not «Yes» or «No» – it's «When» and «How» // Research in Higher Education Journal URL: <http://www.aabri.com/manuscripts/131750.pdf>.
15. **Mayer, R. E.** Cognitive Theory and the design of multimedia instruction: An example of the two – way street between cognition and instruction / R.E. Mayer // New Directions in Teaching and Learning. – 2002. – № 89. – P.55 – 71.
16. **Gabriel, Y.** Against the tyranny of PowerPoint: Technology – in – use and technology abuse / Y. Gabriel // Organization Studies. – 2008. – № 29(02). – P.255 – 276.
17. **Полянин, А. Р.** Проблема применения мультимедиа презентаций на лекциях по гуманитарным наукам / А.Р. Полянин, С.Н. Коротун // Научный Вестник Воронежского ГАСУ. Серия: Социально – гуманитарные науки. – 2015. – №4(8). – С.110-111.

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного архитектурно-строительного
университета

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 2 (10), 2016

Научный журнал

Подписано в печать 31.05.2016. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая
Уч. изд. л. 23,3. Усл.-печ.л.23,3. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства учебной литературы и учебно-методических пособий
Воронежского ГАСУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84